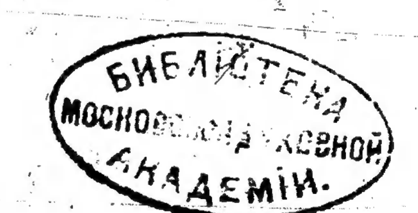
ЦВѢТЫ
ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ.

ИЗДАННЫЕ

Николаемъ Кошанскимъ,

Докторомъ Философіи, Надворнымъ Совѣтникомъ и Профессоромъ Россійской и Латинской Словесности при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Царско-Сельскомъ Лицеѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1811.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ, ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ,

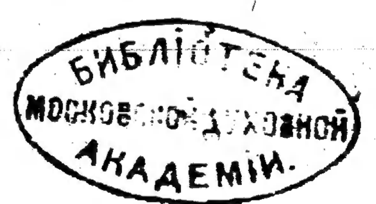
ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ,

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,

ГОСУДАРЮ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ.

Потухъ во мглѣ вѣковъ блиставшій свѣтъ Эллады
И Музъ и Грацій сонмъ объяла скорьби тѣнь:
МОНАРХЪ! ТЫ далъ имъ кровъ, призвавъ въ Россійски грады,
И разпростеръ на нихъ отрадъ и свѣта сѣнь.
ТВОЕ владычество для кроткихъ Музъ защитой;
Онѣ блаженство дней въ странахъ ТВОИХЪ поютъ,
И вѣкъ ТВОЙ благастью и славой знаменитой
При пѣсняхъ радостныхъ безсмертью предаютъ.
Прости, МОНАРХЪ! и нынь Богинь сихъ дерзновенью.
Коль гласъ свой премѣнивъ на гласъ ТВОИХЪ сыновъ,
Изъ мглы ко ТВОЕМУ дерзнутъ предстать воззрѣнью,
Неся невинный гласъ Дорическихъ пѣвцовъ.

И если къ нимъ Судьба въ потомствѣ не сурова,
Когда священный ТВОЙ блеснетъ къ нимъ свыше взоръ,
Воскреснетъ Генiй ихъ, и звучно Эхо снова
Элладску пѣснь промчитъ среди Россiйскихъ горъ.

С. Петербургъ.
Августа 30 дня
1811 года.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Къ Читателямъ I.

ТЕКСТЪ ГРЕЧЕСКIЙ.

Оглавленіе.

РОССІЙСКИМЪ ПЕРЕВОДАМЪ.

Творенія Біона.

Оглавленіе.

ТВОРЕНІЯ МОСХА.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Предъ вами прежде всѣхъ признаюся, скажу,
Что я безъ умысла хожу
Среди луговъ прелестныхъ;
Единственно, въ часы забавъ,
Ищу себѣ цвѣтовъ и благовонныхъ травъ
Не всѣми виданныхъ, не всѣмъ еще извѣстныхъ,
Притомъ неповсемѣстныхъ,
Но кои въ Греціи расли;
Ихъ сами времена отъ тлѣнія спасли.
Ахъ, какъ бы посадить на Руской ихъ земли!
Боюся, что они въ рукахъ моихъ завянутъ,
Зефиры, Граціи, Амуръ, отъ нихъ отстанутъ,
Любители на нихъ не взглянутъ,
И громы на меня изъ черной тучи грянутъ . . .
Но пусть такъ . . . Я скажу: грѣшноль искать забавъ?
И кто бы не былъ въ томъ и правъ?
Любить прекрасное способенъ всякой нравъ.
И мнѣ что нравится, я тѣмъ и веселюся,
А тамъ . . .
Извѣстноль это вамъ?
Собравши для себя — съ другими подѣлюся,
Что наше насъ однихъ не можетъ веселить;
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить.
Scire tuum nihil est, niſi, quod ſcis, hoc ſciat alter (*).

(*) Все знаніе твое ничто,
Когда не раздѣлилъ съ тобой его никто.

Б

Ваше удовольствіе, любезные Читатели, а можетъ быть и Читательницы, было священнымъ для меня залогомъ, которой нарушить я страшился. И такъ не безпокойтесь, естьли вы чрезъ нѣсколько страницъ увидите Греческія сочиненія на природномъ языкѣ ихъ — и наши буквы, особенно Славянскія, весьма имъ подобны. . . Было время, когда отъ излишней простоты, или чистосердечной невинности, нѣкоторыя изъ прекраснаго пола, увидя въ первой разъ Греческій почеркъ, назвали его — страшно выговорить — *варварскимъ.* Нынѣ кто такъ скажетъ и не покраснѣетъ? Нынѣ всѣ мы повторяемъ: *Греки! Греки! кто васъ не любитъ?*

Представьте народъ, посвятившій себя важной наукѣ, наслаждаться жизнію; народъ, коего воображеніе очаровывало все, къ чему ни прикасалось, вездѣ видѣло боговъ, полу-боговъ и Героевъ; все оживляло, превращало, и все — для удовольствія. Представьте весело-нравную невинность ихъ; тамъ боги — люди, дѣвицы и малютка Эротъ играетъ ими какъ хочетъ, превращаетъ ихъ въ тельцовъ, лебедей и въ дожди золотые. Вообразите старѣйшинъ ихъ *Ареопагитовъ*; они, склоня сѣдины, разсуждаютъ о прибавленіи новой струны на лирѣ *Тимоѳея*, боясь вліянія на нравы. Представьте ихъ игры, величественное собраніе народовъ, гдѣ тысячи дарованій ищутъ награды и наслаждаются плесками цѣлой Греціи.

Тамъ юный *Пиндаръ*, гремя славу побѣдителей, воспѣваетъ хвалу собственную, и тысячи восклицаній произносятъ имя его съ именемъ *Гіерона.* Народъ толпится вокругъ *Геродота*, внемлетъ ему съ восхищеніемъ, называетъ его твореніе именами Музъ самыхъ, и юный *Ѳукидидъ* проливаетъ слезы соревнованія. Тамъ *Апеллесъ*, *Зевксисъ* и *Пракситель* восхищаютъ народъ чувствительный красотою твореній чудесныхъ и собираютъ удивленіе свѣта.

Между тѣмъ толпа юношей спѣшитъ и окружаетъ *Анакреона.* Раздался звукъ его лиры, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ пѣсней. Вдохновенный Поэтъ, стремясь во слѣдъ Генію, звучитъ струнами и начинаетъ:

Хочу воспѣть перуны,
Атридовъ Кадьмовъ трудъ;
Но рѣзвыя струны
Къ Амуру влекутъ,
Амура поютъ.

Я бралъ и нову лиру,
Далъ новымъ струнамъ звонъ;
Я пѣлъ Иракла міру;
Но слышенъ былъ стонъ,
И лира средь стона,
Не зная закона,
Поетъ Купидона,

Простите, мужи славы!
Не въ силахъ пѣть васъ вновь.
Все лира забавы
Поетъ и любовь.

Сладкое удовольствіе разливается въ сердцахъ слушающихъ, и рукоплесканіе гремитъ Анакреону.

Между тѣмъ воображеніе наше переносится въ Аѳины. Тамъ, подъ тихимъ небомъ, въ благопріятномъ климатѣ соединено все прекрасное, что только вкусъ, науки и искусства произвесть могутъ. Величественные домы восхищаютъ насъ чудеснымъ зодчествомъ во вкусѣ *Іоническомъ, Дорическомъ* и *Коринѳскомъ*; на всѣхъ улицахъ видимъ *Гермесовъ*, въ равномъ разстояніи, новое украшеніе блистательнѣйшаго города — и Филоклесъ идетъ съ Каллистратомъ, равно воспламененнымъ любовію къ прекрасному, и повѣствуетъ ему, какимъ образомъ *Дедалъ* силою искусства образовалъ грубую массу камней и далъ имъ видъ человѣческій; онъ говоритъ съ жаромъ, что друзья великаго называютъ ихъ *Дедалами* въ честь искусству, и что ожесточеніе противъ Алкивіада, который всѣхъ Гермесовъ тайно низвергнулъ, выходитъ изъ предѣловъ. О! какое мщеніе готовится сему — должно признаться, другъ мой — великому человѣку! — между тѣмъ открывается глазамъ ихъ портикъ *Керамитскій*.

Они забываютъ разсужденія, и какъ страстные любители искусства, обращаютъ вниманіе на новыя произведенія скульптуры. Какая величественная колонада, украшенная статуями и обронной работой! Какъ сильны напряженныя мышцы *Тезея*, которой бросаетъ *Сцирона* въ море! Кажется — говоритъ Филоклесъ — что художникъ одушевилъ ихъ волшебнымъ искуствомъ. *Тезей* молчитъ, и соединяетъ всѣ силы для низверженія разбойника. Отверстыя уста и страхъ отъ предчувствія такъ живо представлены въ чертахъ *Сцирона*, что естьли крикъ можно видѣть, то здѣсь мы видимъ его совершенно.

Но Каллистратъ обращаетъ вниманіе на другое произведеніе. Величественная *Аврора*, одѣтая свѣтлымъ облакомъ, несется вмѣстѣ съ похищеннымъ *Цефаломъ*. Щастливый прелестникъ покоитъ голову на груди Авроры; правая рука его, обвившись вокругъ шеи, играетъ развѣвающимися власами, а лѣвая соединяется съ рукою Авроры. Какое радостное довольствіе сіяетъ въ очахъ ихъ! какое безмолвное краснорѣчіе (*)!

Каллистратъ дивится, и углубясь въ разсматриваніи прекраснаго, неподвиженъ. — Ты хочешь быть новою статуею — говоритъ другъ ему улыбаясь; но я

(*) Винкельманъ говоритъ о сихъ двухъ статуяхъ, украшавшихъ Портикъ *Керамитскій*. Гл. I. Сей Портикъ получилъ названіе отъ *κεραμος*, скудельное произведеніе; ибо на немъ находились многіе и различные предметы скульптуры.

буду твоимъ Пигмаліономъ, я оживлю тебя и мы увидимъ новое представленіе на театрѣ.

Они входятъ въ огромное зданіе, которое наполнено было народомъ чувствительнымъ, просвѣщеннымъ; всякой ожидалъ представленія и располагалъ сердце къ новымъ впечатлѣніямъ. Чье воображеніе не пренеслося бы туда, хотя на минуту?

Поднимается занавѣсъ, и сѣдовласые *Архонты* въ пурпуровыхъ одеждахъ окружаютъ олтарь отечества. Первая жертва ихъ посвящается мѣсту рожденія. Они возлагаютъ дары, и дѣлаютъ возліянія, между тѣмъ Хоръ поетъ:

Тебѣ, отечество святое,
Тебѣ приносимъ мы дары;
Блаженствуй, процвѣтай въ покоѣ
И на сыновъ своихъ воззри!
Мы всѣ клянемся предъ тобою,
Клянемся жертвовать собою.

Естьли тучи грозной брани
Въ нѣдрѣ зашумятъ твоемъ,
Мы прострем въ защиту длани
И спасемъ — или падемъ.

Но ты въ сынахъ почтишь Героевъ,
Ты призришь нашихъ чадъ, супругъ;
Ты снова узришь ихъ средь боевъ
И снова процвѣтетъ твой кругъ.
Цвѣти, отечество святое!
Блаженствуй въ тишинѣ, въ покоѣ.

Сердечное чувство изобразилось на лицѣ каждаго, и всѣ въ душѣ своей моленіе повторяли, — между тѣмъ Архонты приносятъ новые дары и Хоръ продолжаетъ:

Прими, и ты, о Зевсъ превѣчный,
Отецъ небесныхъ и земныхъ!
Прими отъ насъ сей гимнъ сердечный,
Хвалу всемощныхъ силъ твоихъ;
Ты крѣпкою своей рукою
Ведешь отечество къ покою:
Хвала, хвала твоимъ дѣламъ!
Прими отъ олтарей избранныхъ
Дары сердецъ тебѣ преданныхъ
И благовонный еиміамъ!

Такъ Греки освящали свои забавы, и сердца ихъ пламенѣли любовію къ отечеству и къ богамъ защитникамъ. Вдругъ перемѣнилась сцена (*): является престарѣлая Фригіянка — въ ветхомъ рубищѣ; подлѣ

(*) Во время *Феспеса* на театрѣ Греческомъ представлялось одно лице, и сіи зрѣлища учреждены были для народа. — *Эсхила* должно почесть истиннымъ творцемъ Греческаго театра. Аристотель и Квинтиліанъ думаютъ, что онъ былъ изобрѣтателемъ трагедіи (Τραγῳδία пѣснь, за которую давали козла въ награду). *Херилъ* и *Фриникъ*, о которыхъ упоминаетъ *Свида*, были только подражателями Феспеса. Эсхилъ — говоритъ Аристотель — первый вывелъ на сцену два лица, и смѣлое воображеніе сего Поэта изобрѣло *декораціи*. Съ его временъ представляемы были на театрѣ чудовища и привидѣнія. — Наконецъ явился Эврипидъ, Софоклъ Τραγικώτατος πάντων τῶν Ποιητῶν — вывелъ на сцену хоръ и возвысилъ Театръ Греческій до возможнаго совершенства.

стоитъ нѣжная дочь, невинная *Поликсена*, и взоры всѣхъ узнаютъ нещастную *Гекубу*, узнаютъ безсмертное произведеніе Эврипида.

Смерть Ахиллесова требуетъ жертвы; Агамемнонъ избираетъ плѣнницу Поликсену, и Улиссъ объявляетъ Гекубѣ приговоръ къ смерти ея дочери. Дряхлѣющая мать умоляетъ его, чтобы онъ убѣдилъ народъ Греческій отклонить сію жертву, заклинаетъ Улисса, истощаетъ всѣ силы, и наконецъ, обращаясь къ дочери, говоритъ:

И ты, о дочь моя! и ты мое рожденье!
Съ слезами согласи послѣдне убѣжденье.
А я лишилась силъ, во мнѣ ужъ нѣтъ и слезъ;
Улиссъ не внемлетъ мнѣ, и вѣтръ слова разнесъ.
Пади жъ къ стопамъ его, доколь не онѣмѣла;
Стенай, какъ томная въ пустынѣ филомела.
Колѣни обними — устами рукъ коснись,
Взглянь жалко на него, сквозь слезы улыбнись,
И доставай ланитъ дрожащею рукою (*);
Онъ самъ имѣетъ чадъ, онъ тронется тобою.

(*) Какое нѣжное моленіе! Греки, умилостивляя другихъ, обыкновенно руками своими нѣжно дотрогивались до подбородка щекъ и до всѣхъ частей лица — какая трогательная черта для душъ сострадательныхъ! Сію *Греческую красоту* показалъ намъ въ другомъ *тонѣ* Г. ДЕРЖАВИНЪ:

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Граціи трепать.

Поликсена чувствуетъ всю горесть матери, видитъ неизбѣжность рока; но страшится унизить достоинство Фригійской царевны; — взоръ ея печаленъ, но величественъ. Она взглядываетъ на Улисса, и съ чувствомъ горестнымъ, но гордымъ, говоритъ:

Безжалостный Улиссъ! жестокій Лаэртидъ!
Не крой съ одежду рукъ и обрати свой видъ;
Я не коснусь тебя, свирѣпый исполнитель,
Далеко отъ тебя Зевесъ мой умолитель (*),
Не буду рукъ къ твоимъ ланитамъ подносить
И съ горькой нѣжностью жестокаго просить.
Влеки меня на смерть! пусть бѣдство прекратится;
Гдѣ силъ нѣтъ избѣжать, тамъ должно покориться.
И чтожъ бы обо мнѣ сказалъ тогда народъ,
Когдабъ я робостью унизила свой родъ? —
Почто мнѣ видѣть свѣтъ, плачевную обитель,
Когда скончался Царь, дражайшій мой родитель;
Когда въ надеждѣ я росла отъ юныхъ лѣтъ
Князьямъ невѣстой быть? почтожъ днесь видѣть свѣтъ?
Не яль владычицей Фригійской величалась?
Не яль отъ всѣхъ дѣвицъ прекрасныхъ отличалась?

(*) Боюсь, чтобъ не сказали *Зевесъ умолитель* для рифмы; спѣшу оправдаться. Въ подлинникѣ: (Эвр. Гекуба ст. 345) ἱκέσιον Δία, это слово до слова: *умолитель*. Греки обыкновенно прилагали особенныя названія къ Зевесу, и тѣмъ означали различныя его свойства — какъ-то: Ζεὺς τερπικέραυνος, *Зевесъ громодержитель* — покровитель и проч.

Не я ли божествамъ подобною была,
И ревностью сердца всѣхъ витязей зажгла?
А нынѣ! — горе мнѣ, терзаемой судьбою!
Ахъ, дай мнѣ смерть! дай смерть, чѣмъ быть отнынѣ
рабою! . .

Тутъ мать жертвуетъ собственною жизнію; Улиссъ не внемлетъ — она желаетъ по крайней мѣрѣ вмѣстѣ умереть съ дочерью.

Гекуба.

Постойте! дайте мнѣ съ ней вмѣстѣ умереть!
Доколь еще страдать и новы бѣдства зрѣть?
Доколѣ мучиться въ терзаніяхъ ужасныхъ?
Я смерть зову — и смерть не милуетъ нещастныхъ! . .

Улиссъ.

Что сдѣлать я могу? — не должноль мнѣ внимать
Велѣнію вождей героевъ . . .

Гекуба.

Ахъ, я мать!
Для ней, для ней одной въ груди и сердце бьется;
Я къ ней прильну, какъ плющь по стеблю лавра вьется,
Прижмусь къ любезнѣйшей, съ любезной и умру —

Улиссъ.

Оставьте старицу — влеките дочь къ костру.

Гекуба лишается силъ и чувства. Шлемоносные воины влекутъ невинную на жертву; тихой и печальной Хоръ поетъ:

О жестокость! ты ужасна,
И невинность намъ опасна;
Смерть повсюду плѣнныхъ ждетъ,
Горе, кто во плѣнъ падетъ!

Сердца зрителей колеблются, движутся, и Греки платятъ дань жестокости предковъ своихъ слезами. Такъ нравы ихъ смягчаются и дѣлаются добрѣе; такъ души ихъ научаются чувствовать сожалѣніе.

Вдругъ все исчезаетъ, остаются только слезы на глазахъ и впечатлѣніе въ сердцѣ. Сцена перемѣняется, и глазамъ зрителей явились цвѣтущіе луга и тихія воды свѣтлаго *Илисса*; — рѣзвый богъ любви, игривый какъ бабочка, носится между цвѣтами; онъ точно такъ прелестенъ, такъ прекрасенъ, какъ описала сама Венера, когда вездѣ искала его и обѣщала за милаго бѣглеца прелестнѣйшую награду. . . .

Жолтыя кудерки, быстрые чорные глазки, пламенныя щочки, коварная улыбка, и вы, читатели, въ воображеніи видите — поцѣлуйтежъ его . . . Онъ безпрестанно играетъ цвѣтами и бросаетъ ихъ — вдругъ принимается за розу, рветъ и вскрикиваетъ:

Ай-ай! какъ больно!
Маминька! смерть . . .

Ручку невольно
Въ боли простерть.
Змѣй въ цвѣтѣ аломъ,
Съ крыльемъ и съ жаломъ,
Бравшій тутъ медъ,
Тьму нанесъ бѣдъ . . .
Маминька мила!
Помощь подай;
Смерть мнѣ, могила,
Маминька, ай!! . .

Тутъ зрители видятъ вдали, въ свѣтломъ облакѣ, богиню красоты; она приближается на крикъ малютки и улыбаясь говоритъ: „Плачешь, другъ „мой, отъ маленькой пчелки: какоежъ мученіе нано„сишь ты сердцамъ своими стрѣлами!“ Амуръ простираетъ ручки къ богинѣ: она улыбается; онъ сквозь слезы проситъ облегченія. Киприда смѣется, и Амуръ отъ досады перестаетъ плакать. Злобно и печально глядитъ онъ то на ту, то на другую сторону и, кажется, говоритъ взоромъ: — я отмщу тебѣ — ты не жалѣешь сынка своего. . . Хоръ поетъ:

Богъ ужаленъ;
Золъ, печаленъ,
И желаетъ вѣчно мстить;
Онъ стрѣлами
И дѣлами

Будетъ горесть наносить.
Ахъ, страшитесь,
Берегитесь
Купидоновыхъ оковъ;
Богъ прекрасенъ,
Но опасенъ, —
Вѣкъ на свѣтѣ мстить готовъ!

Грянулъ громъ, и сцена перемѣнилась. Шумятъ мрачныя волны Стикса, кипитъ пламенный Флегетонъ, и вопли подземные стонутъ въ пещерахъ ада. Ужасъ на лицѣ зрителей и удовольствіе въ сердцѣ. О чудо искусства! кто не восхищенъ твоимъ чародѣйствомъ! Является печальный, унылый Орфей; его разстроенная лира издаетъ звуки и все умолкаетъ — онъ поетъ:

Боги велики,
Нощи владыки,
Васъ я молю!
Ахъ, возвратите
Жизнь Эвридикѣ,
Иль прекратите
Жизнь вы мою.
Силъ нѣтъ томиться,
Адъ не сравнится
Съ тѣмъ, что терплю!

Томная лира впоритъ послѣднія слова его, и звуки въ сводахъ тартара запихаютъ. Такъ лучи зари алой умираютъ на западномъ небѣ. Вновь слышны подземные стоны, ропотъ Стикса и ревъ Флегетона — шумный Хоръ поетъ:

Воютъ бури, тѣни стонутъ,
Гулъ грохочетъ, сводъ звучитъ;
Все отъ воплей сихъ дрожитъ.
Адъ безчувственъ, адъ не тронутъ . . .
И Орфей зоветъ въ слезахъ —
Горесть въ сердцѣ, — огнь въ струнахъ.

Раздаются вновь тоны его лиры, и все умолкаетъ. Отчаянный зоветъ супругу:

О тѣнь дражайшая Орфею!
Услышь унылый, томный гласъ.
Тебя я съ утренней зарею,
Тебя въ вечерній тихій часъ,
Тебя подъ блѣднымъ свѣтомъ луннымъ,
Одинъ на брегу съ тоской
Я звалъ бряцаньемъ тихострунным . . .
Но стоны горъ — отвѣтъ былъ мой (*).

(*) Кто не вспомнитъ въ концѣ 4й книги Георгикъ сихъ золотыхъ стиховъ?

Te dulcis conjux, te ſolo in littore ſecum,
Te veniente die, te decedente canebat.

Такъ филомелы вопль пустынной
О нѣжныхъ отнятыхъ птенцахъ,
Всю зорю съ вѣтви розмаринной,
Весь день и позднюю ночь въ кустахъ
Уныло стонетъ въ рощѣ дальной;
И я средь тишины печальной
Звалъ милую въ слезахъ, съ тоской;
Но нѣтъ дражайшей подъ луной.
Свѣтъ сталъ подобенъ нощи дикой;
Я мертвъ былъ къ радости земной.
Ахъ, будуль, будуль съ Эвридикой,
Явлюсь ли съ нею подъ луной?
Смягчитесь тартара владыки!
Васъ молитъ страждущій Орфей.
Явись тѣнь милой Эвридики,
Явись во мракѣ нощи сей!

Блѣдныя тѣни движутся, слетаются на гласъ унылаго Орфея, все тихо и спокойно. Зрители умножаютъ вниманіе, и видятъ въ отдаленіи тартара тѣнь легкую, эѳирную, безгласную, на ней еще примѣтна красота прошедшая, и Орфей узнаетъ свою супругу, милую Эвридику. Какой восторгъ любви пламенной! какое торжество гармоніи священной!

Тихими шагами приближается прелестная; но Судьбы изрекли Орфею: „*страшись въ предѣлахъ ада взглянуть на Эвридику! ты снова лишишься ея, и ли-*

тится на вѣки. — Уже Орфей приближается къ странамъ подлуннымъ; уже едва примѣтна тѣнь Эвридики, во слѣдъ идущей. Онъ останавливается, колеблется, невольное движеніе возмущаетъ сердце; изрѣченіе Судебъ затмѣвается и зрители трепеща вскрикиваютъ; но воля Судебъ совершилась! — Грянулъ громъ, и легкая тѣнь исчезла; она не укорила его ни вздохомъ, ни слезою; послѣдній взоръ ея обращенъ былъ къ Орфею. Отчаянный оцѣпенѣлъ, недвижимъ. Хоръ поетъ:

Гдѣ вы Нимфы, гдѣ Наяды?
Онъ остался безъ отрады,
Онъ лишился милой вновь;
Плачетъ нѣжность и любовь,
Плачьте всѣ во слѣдъ Орфею;
Съ кѣмъ теперь ему душею,
Съ кѣмъ печали раздѣлить?
Онъ пойдетъ и надъ Стримономъ
Съ тяжкимъ вздохомъ, съ каждымъ стономъ
Будетъ горьки слезы лить, —
Будетъ лить, пока на вѣки
Не изсохнутъ слезны рѣки,
Дней Судьба не прекратитъ.

*

Филомелы голосъ милой
Надъ заростшею могилой
Смерть Орфея возвѣститъ.

Унынie носится надъ главами зрителей, и тихая задумчивость осѣнила чувствительныхъ. Все кончилось, занавѣсъ опустился, и мечты воображенія изчезли, — но въ сердцѣ нашемъ осталось впечатлѣніе прекрасныхъ забавъ сего народа. —

Такъ наслаждались жизнію въ отечествѣ Сократовъ, Платоновъ, Аристотелей. Мудрецы и Законодатели умѣли обращать въ пользу самое суевѣріе; невинные преступники, гонимые людьми и совѣстію, прибѣгали въ храмы, очищались моленіемъ, и чрезъ нѣсколько дней примирялись сами съ собою, съ своимъ сердцемъ и со всѣмъ свѣтомъ.

Таковъ былъ народъ, любезные Читатели, коего творенія вы увидите. Языкъ ихъ, которымъ говорили Музы и Граціи, которымъ изъяснялись Амуры и Зефиры, есть самая музыка. Весь народъ былъ Поэты; а Поэты были Философы и Законодатели. Кто не пожалѣетъ о тѣхъ произведеніяхъ любезнаго ума и пріятнаго воображенія, коихъ лишило насъ завистливое время! но оно не въ силахъ было лишить всего; вѣки уважили и почтили своею любовію нѣкоторые *Цвѣты Греческой Поэзіи*; само время, кажется, пощадило ихъ въ примѣръ потомству.

Мы видѣли нѣкоторые безцѣнные остатки сихъ произведеній въ твореніяхъ *ДЕРЖАВИНА*, *КАРАМЗИНА* и *ДМИТРІЕВА*; *КОСТРОВЪ* показалъ намъ языкъ боговъ Гомеровыхъ. Что можетъ быть любезнѣе произве-

денія БОГДАНОВИЧА? Кто не плакалъ о бѣдствіи *Эдипа*, изображеннаго ОЗЕРОВЫМЪ? Сіи Геніи знали тайну Греческой Поэзіи, заимствовали красоты у сего народа, и открыли соотечественникамъ новый источникъ удовольствій.

За нѣсколько вѣковъ передъ симъ, въ любезнѣйшемъ Отечествѣ нашемъ, при Дворахъ Великокняжескихъ поставляли особеннымъ отличіемъ говорить по Гречески; многіе Великіе Князи знали сей языкъ совершенно — и кому не извѣстно, сколько нашъ коренный языкъ Славянскій образованъ Греческимъ? — Греки были учители Цицероновъ и Виргиліевъ; у нихъ учились Славяне и всѣ новѣйшие образованные народы; всѣ Державы, гордящіяся просвѣщеніемъ, имѣютъ безчисленныя изданія и переводы сихъ остатковъ древней Словесности, которые извѣстны повсюду подъ именемъ *Анѳологій*.

* * *

Кому не извѣстно, что ученость бываетъ двоякая: одна досталась на часть тѣмъ умамъ глубокомысленнымъ, кои, вникая въ малѣйшія подробности, истощаютъ всю *силу* книжныхъ свѣденій, пишутъ огромные фоліянты не рѣдко объ одномъ словѣ, и немногіе имѣютъ даръ понимать ихъ. Сіи сподвижники учености, отъ излишней увѣренности въ знаніяхъ, имѣютъ видъ твердый, суровый, и всякую ошибку въ словѣ почитаютъ грѣхомъ непростительнымъ — они судятъ, осуждаютъ, даютъ приговоры, и никогда уста ихъ не произносили прощенія; — принимаясь за перо, должно быть готовымъ къ суду ихъ!

Другая ученость почти не примѣтна, и вовся, кажется, не имѣетъ вида учености; она скромна, безтребовательна, снисходительна, и за то любезна Музамъ и Граціямъ. Небо озарило Мужей сихъ ясностію, и дало имъ способность чувствовать прекрасное; — зная, какъ свойственны человѣку ошибки, они замѣчаютъ ихъ съ снисхожденіемъ и прощаютъ съ улыбкою.. Всякой видитъ, что Издатель разумѣетъ своихъ Читателей...

Такъ онъ желаетъ увѣдомить, что въ семъ изданіи помѣщая подлинникъ Греческій, дѣлалъ опытъ замѣчаній и объясненій *Историческихъ*, *Критическихъ* *Эстетическихъ* и тому подобное. — Читатель, ищущій глубокой учености, пусть проститъ ему; Издатель не бралъ на себя удовлетворить его волѣ, и еще едва смѣетъ сказать, что онъ дерзнулъ прибавить и переводъ свой Россійской.

Въ самомъ подлинникѣ Издатель болѣе слѣдовалъ *Фалькенарію* и *Брунку*, Мужамъ ученнѣйшимъ, коихъ *текстъ* показался ему вѣрнѣйшимъ и исправнѣйшимъ. Онъ имѣлъ предъ глазами шесть различныхъ изданій, и всѣми пользовался. Строгая ученость можетъ быть не проститъ ему, что онъ не прибавилъ внизу словъ

и догадокъ, различно у различныхъ Издателей написанныхъ, и почтетъ его болѣе самолюбивымъ, нежели честолюбивымъ; — съ охотою мѣняетъ онъ сію славу на собственное спокойствіе и на спокойствіе Читателей, кои въ такомъ случаѣ безпрестанно были бы отвлекаемы отъ чтенія, и занимаясь одною ученостію, лишились бы удовольствія чувствовать все неученое.

Въ концѣ каждой Идилліи Издатель замѣчалъ только тѣ мѣста, кои различно перевесть можно, безъ всякихъ указаній, такъ что сіи замѣчанія составляютъ нѣчто особенное, что можно прочесть и прежде и послѣ, или... и оставить. Здѣсь прибавлялъ онъ еще нѣкоторыя прекрасныя мѣста изъ другихъ славнѣйшихъ древнихъ Писателей, кои перевели ихъ, или весьма щастливо имъ подражали, и предоставилъ себѣ удовольствіе дѣлать различныя замѣчанія и разсужденія.

ТВОРЕНІЯ

БІОНА

ЖИЗНЬ БІОНА.

Біонъ, пастушескій Стихотворецъ, родился въ Малой Азіи, въ славномъ Іонійскомъ (*) городѣ Смирнѣ, за 250 лѣтъ до Рождества Христова. Кто были родители его, не извѣстно. Мосхъ въ надгробной пѣсни Біону — такъ какъ Стихотворецъ — называетъ его сыномъ рѣки *Меласа*; — сей городъ (**) съ шестью другими спорилъ также о рожденіи Гомера, и также почиталъ его сыномъ рѣки *Меласа*. Вотъ слова Мосховы:

Τȣ̃τό τοι, ὦ ποταμῶν λιγυρώτατε, δεύτερον ἄλγος,
Τȣ̃το, Μέλη, νέον ἄλγος· ἀπώλετο πράν τοι Ὅμηρος,
— — νῦν πάλιν ἄλλον
Υἱέα δακρύεις, καινῷ δ' ἐπὶ πενθεῖ τάκῃ.

И ты, о Меласъ, ты почтеннѣйшій изъ рѣкъ!
Стенай о новой сей потерѣ;
Гомеръ твой прежде кончилъ вѣкъ,

(*) Іонія, Греческая провинція; она граничила къ сѣверу съ Эоліею, къ югу съ Каріею, и простиралась по берегу моря.

(**) *Птоломей говоритъ*: Іонія начинается отъ устья *Гермуса*. Въ ней первой приморской городъ *Смирна*. Симъ именемъ называется заливъ, на которомъ лежитъ сей городъ. Говорятъ,

Теперь другой твой сынъ, Біонъ богоподобной,
Окончилъ дни судьбою злобной,
И ты отъ горести излился и изсохъ.

Никто изъ древнихъ не упоминаетъ, гдѣ Біонъ провелъ жизнь свою; но весьма вѣроятно, что онъ большую часть жизни находился въ Сициліи, или въ той части Италіи, которая называется Великою Греціею. Тамъ Геній пріятныхъ стихотвореній его привлекъ многихъ подражателей и учениковъ къ нему, въ числѣ коихъ былъ и Мосхъ, который самъ говоритъ:

— — Αὐτὰρ ἐγώ τοι
Αὐσονικᾶς ὀδύνας μέλπω μέλος, ὁ ξένος ᾠδᾶς
Βωκολικᾶς, ἀλλ᾽, ἅν τ᾽ ἐδιδάξαο σεῖο μαθητάς, κ. τ. λ.

что основателемъ его былъ Танталъ. Въ немъ былъ храмъ, посвященный *Гомеру.* Долабелла осаждалъ въ немъ Требонія, убійцу Кесаря, и тамъ умертвилъ его. Смирна до сихъ временъ сохранила прежнее свое величество; она и нынѣ почитается однимъ изъ богатѣйшихъ, многолюднѣйшихъ и торговыхъ городовъ въ Азіатской Турціи. Но нѣкоторые Географы думаютъ, что новая Смирна отдалена отъ древней на двѣ тысячи пять сотъ шаговъ. Небольшая рѣчка *Меласъ* зливается въ заливъ близь сего города. — Софіанъ называетъ Смирну *Ламира*, или *Исмира.* Древніе вѣрили, что *Критеиса* родила на свѣтъ *Гомера* на берегахъ *Меласа*; она прибыла сюда изъ *Кумъ*, дабы скрыть необыкновенное его рожденіе.

Прими и отъ меня дары Авзонской Музы;
Ты пѣснямъ пастуховъ меня училъ,
И мнѣ свирѣль свою вручилъ.

Всякому извѣстно, что Геній и слава бываютъ жертвою зависти; сія зависть погубила нещастнаго Біона, ибо онъ отравленъ ядомъ — сіе извѣстно изъ *надгробной пѣсни* Біону, гдѣ *Мосхъ* говоритъ:

Φάρμακον ἦλθε, Βίων, ποτὶ σὸν στόμα, φάρμακον εἶδες.
Твою безцѣнну жизнь пресѣкъ жестокій ядъ.

Но убійцы его получили праведное мщеніе, говоритъ Мосхъ:

Ἀλλὰ δίκα κίχε πάντας. — —
Но Парка злобнымъ мститъ. — —

Біонъ былъ современникъ Θеокриту и Мосху, хотя многіе думаютъ, что онъ родился послѣ сего отца пастушеской Поэзіи; сіе доказываютъ слова Мосховы:

Ἐν δὲ Συρακοσίοισι Θεόκριτος и проч.
Рыдаетъ Θеокритъ, рыдаютъ Сиракузы;
Прими и отъ меня дары Авзонской Музы.

Но Θеокритъ жилъ во время *Птоломея Филадельфа*, который вступилъ на престолъ послѣ *Птоломея, Лагіева* сына, около 4 года 123 Олимпіады, и умеръ во второмъ году 133 Олимпіады.

Въ сіе время жилъ Біонъ, и сдѣлался славнымъ пастушескими стихотвореніями. Въ его Поэзіи видно болѣе искусства и тонкости, болѣе выбора и пышности, нежели въ твореніяхъ Ѳеокрита. Біонъ не представляетъ пастуховъ подъ тѣнію лѣсовъ древнихъ и дикихъ; въ его Идилліяхъ нѣтъ ни чистыхъ ручейковъ, журчащихъ по долинамъ, ни мягкихъ луговъ, покрытыхъ свѣжими цвѣтами; онъ представляетъ Венеру блѣдную, отчаянную, при видѣ умирающаго Адониса, или коварнаго Амура, любимца Музъ и Грацій; но никогда не изображалъ онъ простосердечныхъ пастуховъ, играющихъ съ рѣзвымъ стадомъ; ни златыхъ класовъ, волнуемыхъ тихимъ вѣтромъ, ни рощъ и полей, убѣжища спокойствія.

Идилліи Біоновы остроумны, пріятны, пышны, нѣжны и любезны; вездѣ блистаетъ тонкой умъ, вездѣ видно хитрое искусство. Слогъ его, очень украшенный, очень блистательный, ослѣпляетъ читателя. — Не возможно избавиться отъ сего искушенія, естьли кто болѣе занятъ умомъ, нежели сердцемъ! Языкъ простой Природы несравненно любезнѣе; всѣ его предпочитаютъ, и онъ необходимъ въ Идилліи (*), которая обыкновенно рисуетъ любимцевъ своихъ среди луговъ цвѣтущихъ и милыхъ пастуховъ и пастушекъ.

(*) Εἰδύλλιον означаетъ пріятную живопись въ самомъ нѣжномъ и любезномъ родѣ.

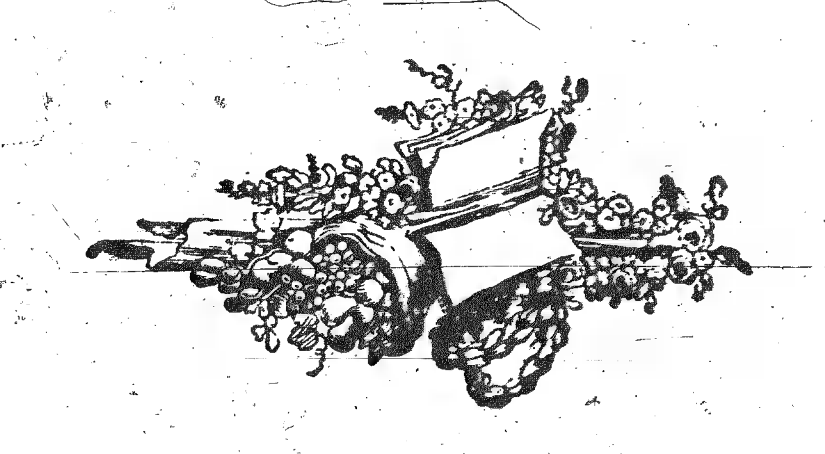
Три Греческіе Поэта, славившіеся пастушескими твореніями, намъ извѣстны: *Ѳеокритъ* писалъ просто, натуру сельскую, дикую, безъ всякаго искусства; *Мосхъ* выбиралъ предметы и украшалъ ихъ; *Біонъ* отличается прелестными красками, отборною живописью, слогомъ пышнымъ и можетъ быть слишкомъ блистательнымъ. Кто желаетъ быть совершеннымъ въ пастушеской Поэзіи, тотъ долженъ имѣть различныя свойства сихъ трехъ Поэтовъ; пусть щастливый Геній его умѣетъ соединить вмѣстѣ сельскую простоту Ѳеокритову, пріятность Мосхову, искусство и пышность Біоновы.

Мы видимъ нѣкоторые только остатки твореній Біоновыхъ, которыя чрезъ мракъ временъ щастливою судьбою дошли до насъ; сіи Идилліи столько прелестны, столь прекрасны, что жаль душевно всѣхъ тѣхъ, коихъ лишило насъ завистливое время.

Плачьте Музы о Біонѣ,
Плачьте въ горѣ, плачьте въ стонѣ!

Мосхъ.

НА СМЕРТЬ АДОНИСА.

ИДИЛЛІЯ I.

Αἰάζω τὸν Ἄδωνιν· ἀπώλετο καλὸς Ἄδωνις.
Ὤλετο καλὸς Ἄδωνις, ἐπαιάζουσιν Ἔρωτες.
Μηκέτι πορφυρέοις ἐνὶ φάρεσι, Κύπρι, κάθευδε·
Ἔγρεο δειλαία κυανοστόλε, καὶ πλατάγησον
Στάθεα, καὶ λέγε πᾶσιν, ἀπώλετο καλὸς Ἄδωνις.
Αἰάζω τὸν Ἄδωνιν· ἐπαιάζουσιν Ἔρωτες.
Κεῖται καλὸς Ἄδωνις ἐπ' ὤρεσι, μηρὸν ὀδόντι
Λευκῷ λευκὸν ὀδόντι τυπείς, καὶ Κύπριν ἀνιᾷ
Λεπτὸν ἀποψύχων· τὸ δέ οἱ μέλαν εἴβεται αἷμα
Χιονέας κατὰ σαρκός· ὑπ' ὀφρύσι δ' ὄμματα ναρκῇ,

Καὶ τὸ ῥόδον φεύγει τῶ χείλεος· ἀμφὶ δὲ τήνῳ
Θνάσκει ϗ τὸ φίλαμα, τὸ μήποτε Κύπρις ἀφήσει.
Κύπριδι μὲν τὸ φίλαμα ϗ ȣ̓ ζώοντος ἀρέσκει
Ἀλλ᾽ ȣ̓κ οἶδεν Ἄδωνις ὅ μιν θνάσκοντ᾽ ἐφίλασεν.
Αἰάζω τὸν Ἄδωνιν· ἐπαιάζȣσιν Ἔρωτες.
Ἄγριον, ἄγριον ἕλκος ἔχει κατὰ μηρὸν Ἄδωνις·
Μεῖζον δ᾽ ἁ Κυθέρεια φέρει ποτικάρδιον ἕλκος.
Κεῖνον μὲν περὶ παῖδα φίλοι κύνες ὠρύσαντο,
Καὶ νύμφαι κλαίȣσιν Ὀρειάδες· ἁ δ᾽ Ἀφροδίτα,
Λυσαμένα πλοκαμῖδας, ἀνὰ δρυμὼς ἀλάληται
Πενθαλέα, νήπλεκτος, ἀσάνδαλος· αἱ δὲ βάτοι νιν
Ἐρχομέναν κείροντι, ϗ ἱερὸν αἷμα δρέπονται.
Ὀξὺ δὲ κωκύȣσα, δι᾽ ἄγκεα μακρὰ φορεῖται,
Ἀσσύριον βοόωσα πόσιν, καὶ παῖδα καλεῦσα.
Ἀμφὶ δέ μιν μέλαν αἷμα παρ᾽ ὀμφαλὸν ᾐωρεῖτο,
Στάθεα δ᾽ ἐκ μηρῶν φοινίσσετο· οἱ δ᾽ ὑπομαζοὶ
Χιόνεοι τὸ πάροιθεν Ἀδώνιδι πορφύροντο.
Αἲ αἲ τὰν Κυθέρειαν, ἐπαιάζȣσιν Ἔρωτες.
Ὤλεσε τὸν καλὸν ἄνδρα, συνώλεσεν ἱερὸν εἶδος.

Κύπριδι μὲν καλὸν εἶδος, ὅτε ζώεσκεν Ἄδωνις,
Κάτθανε δ᾽ ἁ μορφὰ σὺν Ἀδώνιδι Κύπριδος, αἲ αἲ.
Ὤρεα πάντα λέγοντι, ϗ αἱ δρύες, Αἲ τὸν Ἄδωνιν.
Καὶ ποταμοὶ κλαίοντι τὰ πένθεα τᾶς Ἀφροδίτας,
Καὶ παγαὶ τὸν Ἄδωνιν ἐν ὤρεσι δακρύοντι,
Ἄνθεα δ᾽ ἐξ ὀδύνας ἐρυθαίνεται· ἁ δὲ Κυθήρα
Πάντας ἀνὰ κναμὼς ϗ ἀνὰ πτόλιν οἰκτρὸν ἀείδει.
Αἲ αἲ τὰν Κυθέρειαν, ἀπώλετο καλὸς Ἄδωνις.
Ἀχὼ δ᾽ ἀντεβόασεν, ἀπώλετο καλὸς Ἄδωνις.
Κύπριδος αἰνὸν ἔρωτα τίς ȣ̓κ ἔκλαυσεν ἄν; αἲ αἲ.
Ὡς ἴδεν, ὡς ἐνόησεν Ἀδώνιδος ἄσχετον ἕλκος,
Ὡς ἴδε φοίνιον αἷμα μαραινομένῳ πέρι μηρῷ,
Πάχεας ἀμπετάσασα, κινύρετο, μεῖνον Ἄδωνι
Δύσποτμε, μεῖνον Ἄδωνι, πανύστατον ὥς σε κιχείω,
Ὥς σε περιπτύξω, καὶ χείλεα χείλεσι μίξω.
Ἔγρεο τυτθὸν Ἄδωνι, τὸ δ᾽ αὖ πύματόν με φίλασον.
Τοσσȣ̃τόν με φίλασον, ὅσον ζώει τὸ φίλαμα·
Ἄχρις ἀπὸ ψυχῆς ἐς ἐμὸν στόμα κεἰς ἐμὸν ἧπαρ

Πνεῦμα τεὸν ῥεύσῃ, τὸ δὲ σεῦ γλυκὺ φίλτρον ἀμέλξω,
Ἐκ δὲ πίω τὸν ἔρωτα· φίλαμα δὲ τῆτο φυλάξω
Ὡς αὐτὸν τὸν Ἄδωνιν· ἐπεὶ σύ με δύσμορε φεύγεις.
Φεύγεις μακρὸν Ἄδωνι, καὶ ἔρχεαι εἰς Ἀχέροντα,
Καὶ στυγνὸν βασιλῆα καὶ ἄγριον· ἁ δὲ τάλαινα
Ζώω, καὶ θεὸς ἐμμὶ, καὶ ὀ δύναμαί σε διώκειν.
Λάμβανε Περσεφόνα τὸν ἐμὸν πόσιν· ἐσσὶ γὰρ αὐτὰ
Πολλὸν ἐμεῦ κρέσσων· τὸ δὲ πᾶν καλὸν ἐς σὲ καταῤῥεῖ.
Ἐιμὶ δ' ἐγὼ πανάποτμος, ἔχω δ' ἀκόρεστον ἀνίην,
Καὶ κλαίω τὸν Ἄδωνιν, ὅ μοι θάνε, καὶ σε φοβεῦμαι.
Θνάσκεις, ὦ τριπόθατε; πόθος δέ μοι ὡς ὄναρ ἔπτη.
Χήρη δ' ἁ Κυθέρεια· κενοὶ δ' ἀνὰ δώματ' Ἔρωτες.
Σοὶ δ' ἅμα κεστὸς ὄλωλε· τί γὰρ τολμηρὲ κυνάγεις;
Καλὸς ἐὼν τοσσῆτον ἔμηνας θηρσὶ παλαίειν;
Ὧδ' ὀλοφύρατο Κύπρις· ἐπαιάζεσιν Ἔρωτες,

Αἲ αἲ τὰν Κυθέρειαν, ἀπώλετο καλὸς Ἄδωνις.
Δάκρυον ἁ Παφία τόσσον χέει, ὅσσον Ἄδωνις
Αἷμα χέει· τὰ δὲ πάντα ποτὶ χθονὶ γίγνεται ἄνθη.
Αἷμα ῥόδον τίκτει, τὰ δὲ δάκρυα τὰν ἀνεμώναν.
Αἰάζω τὸν Ἄδωνιν· ἀπώλετο καλὸς Ἄδωνις.
Μηκέτ' ἐνὶ δρυμοῖσι τὸν ἀνέρα μύρεο, Κύπρι.
Ἐστ' ἀγαθὰ στιβὰς, ἔστιν Ἀδώνιδι φυλλὰς ἑτοίμα·
Λέκτρον ἔχει, Κυθέρεια, τὸ σὸν τόδε νεκρὸς Ἄδωνις.
Καὶ νέκυς ὢν καλός ἐστι, καλὸς νέκυς οἷα καθεύδων.
Κάτθεό νιν μαλακοῖς ἐνὶ φάρεσιν, οἷς ἐνίαυεν,
Τοῖς μετὰ σεῦ ἀνὰ νύκτα τὸν ἱερὸν ὕπνον ἐμόχθει,
Παγχρύσῳ κλιντῆρι· πόθει καὶ στυγνὸν Ἄδωνιν.
Βάλλε δ' ἐνὶ στεφάνοισι καὶ ἄνθεσι πάντα σὺν αὐτῷ,
Ὡς τῆνος τέθνακε, καὶ ἄνθεα πάντ' ἐμαράνθη.
Ῥαῖνε δέ μιν μύρτοισιν, ἀλείφασι, ῥαῖνε μύροισι.
Ὀλλύσθω μύρα πάντα, τὸ σὸν μύρον ὤλετ' Ἄδωνις.
Κέκλιται ἁβρὸς Ἄδωνις ἐν εἵμασι πορφυρέοισιν·

Ἀμφὶ δέ μιν κλαίοντες ἀναστενάχουσιν Ἔρωτες,
Κειράμενοι χαίτας ἐπ' Ἀδώνιδι· χὠ μὲν ὀϊστὼς,
Ὃς δ' ἐπὶ τόξον ἔβαιν'. ὃς δ' εὔπτερον ἆγε φαρέτραν.
Χὠ μὲν ἔλυσε πέδιλον Ἀδώνιδος· ὃς δὲ λέβησι
Χρυσείοις φορέησιν ὕδωρ· ὁ δὲ μηρία λούει·
Ὃς δ' ὄπιθεν πτερύγεσσιν ἀναψύχει τὸν Ἄδωνιν.

Αὐτὰν τὰν Κυθέρειαν ἐπαιάζουσιν Ἔρωτες.
Ἔσβεσε λαμπάδα πᾶσαν ἐπὶ φλιαῖς Ὑμέναιος,
Καὶ στέφος ἐξεπέτασσε γαμήλιον. οὐκ ἔτι δ' Ὑμὰν,
Ὑμὰν οὐκ ἔτ' ἀειδόμενον μέλος, ᾄδεται αἲ αἴ.
Αἲ αἲ καὶ τὸν Ἄδωνιν ἔτι πλέον, ἢ Ὑμέναιος,
Αἱ Χάριτες κλαίοντι τὸν υἱέα τῶ Κινύραο,
Ὤλετο καλὸς Ἄδωνις, ἐν ἀλλήλησι λέγοισαι.
Αὗται δ' ὀξὺ λέγοντι πολὺ πλέον ἢ τὺ Διώνα.
Καὶ Μοῖσαι τὸν Ἄδωνιν ἀνακλαίουσιν Ἄδωνιν,
Καί μιν ἐπαείδουσιν, ὁ δὲ σφίσιν οὐκ ἐπακούει.
Οὐ μὰν οὐκ ἐθέλει, Κώρα δέ μιν οὐκ ἀπολύει.

Λῆγε γόων Κυθέρεια, τὸ σήμερον ἴσχεο κομμῶν·
Δεῖ σε πάλιν κλαῦσαι, πάλιν εἰς ἔτος ἄλλο δακρῦσαι.

НѢЧТО

О первой Идилліи.

Священная древность ничего не оставила намъ совершеннѣе сей Идилліи. Напрасно многіе Ученые, до временъ *Генрика Стефана*, почитали сей цвѣтокъ Ѳеокритовымъ; изсбражалъ ли онъ столь отборныя и разительныя картины? таковъ ли слогъ простаго, невиннаго, без-искуственнаго Поэта?

Адонисъ, прекрасный юноша, былъ плодъ преступной любви *Кинира* и *Мирры*. (Мы не будемъ разбирать ученыхъ споровъ о семъ, мрачная древность сокрыла истину.) Венера любила его страстно и, естьли вѣрить Миѳологіи, гнѣвъ Діаны былъ причиною, что онъ умерщвленъ дикимъ вепремъ на ловлѣ. Богиня красоты сѣтовала, стенала, и наконецъ прахъ его превратила въ анемонъ. Въ честь Адонису и Венерѣ учреждены были празднества въ Египтѣ, Финикіи, Кипрѣ, Греціи и въ другихъ странахъ Азіи. Женщины совершали плачевный обрядъ сей, названный *Ἀδώνια*. Во время празднества прекрасный *юноша-Адонисъ* лежалъ на величественномъ ложѣ; *дѣвица-Венера* представляла страстную любовь, вопли, горесть,

восторги, умиленіе и отчаяніе истинной богини. Сіе твореніе, кажется, было гимномъ Адонисова празднества.

Въ семъ гимнѣ должно удивляться щастливому соединенію всѣхъ прелестей, красотъ и любезности, всей нѣжности и выразительности, какія только способно вмѣстить въ себѣ подобное твореніе — чувствованія плѣнительны, страсти сильны и разительны — въ слогѣ выраженія весьма удачны и щастливы, слова плавны и звучны, стихи подобны музыкѣ съ пріятнѣйшими повтореніями и остановками. Но при всемъ блистательномъ достоинствѣ сія Идиллія показываетъ вѣкъ слишкомъ утонченный, слишкомъ образованный, и можетъ быть справедливо многіе обвиняютъ Біона за излишнюю игру словъ, за нарочный выборъ ихъ и за чрезмѣрное *изящество*. —

Но что значитъ сіе празднество? что значитъ вся повѣсть объ Адонисѣ, Венерѣ и Прозерпинѣ, и кто не желалъ бы раскрыть завѣсу глубокой древности? Странно, что многіе дѣлаютъ изъ сей повѣсти таинства Элевзинскія; будто бы сія басня по различнымъ преданіямъ, въ иносказательномъ видѣ, означаетъ особенно дѣйствіе солнца, посѣвъ и жатву. Но какимъ образомъ? — новое таинство; будто по различнымъ преданіямъ сами древніе различно по-

нимали оную и изъясняли; споры новѣйшихъ о существѣ сей басни безчисленны и безконечны. Кажется, неутомимая ученость изъ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ дѣлаетъ таинства для того только, чтобы найти удовольствіе заниматься, и случай, гдѣ бы избавиться отъ излишнихъ свѣденій.

Но между тѣмъ сіи празднества совершаемы были во всѣхъ почти странахъ Азіи, и женщины дѣйствовали въ печальномъ торжествѣ Адониса. Сіе показываютъ и подтверждаютъ многіе драгоцѣнные памятники, гдѣ изображенъ обрядъ сей совершенно. (*Бергеръ* въ сокровищѣ Бранденбургскомъ изъяснилъ намъ нѣсколько подобныхъ драгоцѣнныхъ камней; любопытные могутъ видѣть 200, 202, 205 и слѣдующія страницы.) Слезы и вопли прекраснаго пола конечно имѣютъ основательную причину. . . . Можетъ быть *Адонисъ* значитъ Аѳинское ἡδονή, или Дорическое ἁδονή, а Руское *блаженство любви*; и такъ Читатель и безъ моихъ замѣчаній угадаетъ и увидитъ, имѣла ли Венера причину стенать и сѣтовать о смерти Адониса — особенно естьли взглянетъ на весь печальный обрядъ, совершаемый прелестными при наступленіи каждой весны, разливающей радость.

Здѣсь, надѣюсь, читатели позволятъ еще бросить взоръ на планъ сего любезнѣйшаго творенія. — Сначала до конца картины въ немъ разнообразны,

чувствованія печальны; но мысль вездѣ одна и таже! *Умеръ Адонисъ! умеръ прекрасный!* — Начинается призываніемъ Венеры къ горести — потомъ слѣдуетъ изображеніе блѣднаго, умирающаго Адониса, картина чувствительна и состояніе Венеры трогаетъ сердце, вездѣ говорятъ и дышутъ страсти, все съ богинею красоты рыдаетъ и стонетъ, — далѣе, въ горестномъ умиленіи Венера, какъ будто лишается силъ и чувства; Амуры начинаютъ повторять печальные стоны, и въ семъ мѣстѣ Біонъ искусно чрезъ Амуровъ упомянулъ преданіе, что изъ крови Адониса выросли розы, а изъ слезъ Венериныхъ анемонъ. —

Съ сего мѣста слѣдуетъ *переходъ*. Не сѣтуй болѣе Венера, и положи Адониса на прекрасномъ одрѣ, ему уготованномъ. (Можно думать, что *дѣвица-Венера* при пѣніи сихъ стиховъ занималась печальнымъ украшеніемъ Адониса.) Нѣтъ ничего любезнѣе и нѣжнѣе сѣтующихъ Амуровъ; и малютки также заботятся о горестномъ долгѣ: тотъ несетъ росу, другой снимаетъ обувь, третій спѣшитъ туда и сюда. —

Иныежъ, чтобъ заняться дѣломъ;
Лишь воздухъ освѣжаютъ вкругъ,
Колебля крылушки надъ тѣломъ . . .

Далѣе, рыдаетъ Гименей, Граціи и Музы. — Въ концѣ сего гимна поютъ: „Престань теперь сѣтовать Венера; тебѣ должно повторять нѣжныя жалобы еще съ наступившею весною.“ Сіе показываетъ, что плачевное торжество Адониса совершалось каждое лѣто, и что сей гимнъ для празднества его былъ написанъ. Сего довольно, любопытные могутъ прочесть и слѣдующее:

* * *

Первые два стиха унылы, но пріятны, подобно игрательной музыкѣ, или воспоминанію прошедшей радости. Печальное повтореніе ихъ въ послѣдствіи Идилліи еще болѣе трогаетъ. Самая мѣра ихъ подобна нашимъ стихамъ *Рускимъ*. Второй стихъ можно перевесть двояко, и обѣ мысли равно прекрасны, *на примѣръ*:

Лейтесь слезы объ Адонисѣ,
Нѣтъ прекраснаго Адониса,
Нѣтъ Адониса прекраснаго;
И Амуры вмѣстѣ слезы льютъ!

или

И Амуры вопіютъ въ слезахъ:
Нѣтъ прекраснаго Адониса!

Въ 3мъ стихѣ *Φᾶρος* значитъ длинную верхнюю одежду, покровъ, каковый носили древнія Греческія женщины поверхъ одѣяній; однакожъ оно означаетъ иногда и мужеское верхнее платье — *Гезихій* изъясняетъ его: *ἱμάτιον περιβόλαιον.* — При словахъ *Πλατάγησον στάθεα*, кто не вспом-

нитъ сихъ прекрасныхъ стиховъ въ Овидіѣ въ X книгѣ, басня 12. — — — Utque aethere vidit ab alto

Semianimem, inque suo jactantem sangvine corpus,
Desiluit: pariter que sinus, pariter que capillos
Rupit, et indignis percussit pectora palmis.

Выраженіе, *capillos rupit*, Овидій взялъ изъ словъ Біоновыхъ *λυσαμένα πλοκαμῖδας* (въ 20 стихѣ). Какая трогательная картина! какія выраженія, какая пріятная плавность! — Въ 5мъ стихѣ можно перевесть двояко: *вѣщай всѣмъ* (*πᾶσιν*) и возвѣсти (*παισὶν*) *малюткамъ Амурамъ*; но начто говорить имъ? они уже знаютъ и плачутъ. Конецъ сего стиха повторяющій унылое: *ἀπώλετο καλὸς Ἄδωνις* совершенно успокоиваетъ и кажется исчезаетъ въ воздухѣ. Такъ унылое и томное *адажїо* теряется и умираетъ . . . .

Тутъ новое повтореніе *αἰάζω* . . . новая горесть и новая трогательная картина слѣдуетъ съ 7го стиха. Вы видите Адониса лежащаго, умирающаго, и едва уже онъ дышетъ. Въ 7мъ и 8мъ стихѣ слова *μηρὸν ὀδόντι λευκῷ λευκὸν ὀδόντι τυπεὶς*, показываютъ блестящій выборъ, игру словъ и умѣніе владѣть языкомъ. Но это недостатокъ, отъ котораго невозможно остеречься, естьли кто болѣе занятъ умомъ, нежели сердцемъ. Древніе сему мѣсту не подражали; но у нашихъ молодыхъ писателей можно видѣть многіе примѣры . . ; Въ 8мъ стихѣ продолжается картина самая трогательная, и вы видите розовую кровь Адониса, она струится *χιονέας κατὰ σαρκός*) по бѣлоснѣжнымъ членамъ его. Въ 10мъ стихѣ

ὄμματα ναρκῇ кажется по Руски: *меркнетъ свѣтъ въ глазахъ*, или простѣе, *катится свѣтъ изъ глазъ*; *ναρκῇ*, слово весьма сильное, оно показываетъ состояніе глазъ при смерти, когда они закрываются на вѣки . . .

Сему мѣсту многіе подражали изъ древнихъ, на примѣръ у Геліодора въ третей книгѣ на концѣ *καὶ τήν τε παρειὰν ἤδη τὸ ἄνθος ἔφευγε, καὶ τὸ φλέγον τοῦ βλέμματος καθάπερ ὕδασιν ἐῴκει τοῖς δάκρυσιν ἀποσβεννύμενον*: и цвѣтъ *завялъ уже на щекахъ, и огненный румянецъ въ лицѣ, отъ слезныхъ потоковъ, какъ отъ ручьевъ воды, потухнулъ и погасъ.* Овидій въ третей книгѣ Превр. въ 6 баснѣ говоритъ такъ же:

Et neque jam color eſt mixto candore rubori,
Nec vigor, et vires et quae modo visa placebant.

Сенека въ Ипполитѣ говоритъ такъ же, стихъ 375: —

— — non idem vigor
Non ora tingens nivea purpureus rubor.
Populatur artus cura: jam greſſus tremunt,
Tenerque nivei corporis cecidit decor:
Et qui tenebant signa Phoebaeae facis
Oculi, nihil gentile nec patrium micant.

Въ 11мъ стихѣ естественное сравненіе красоты съ розой; мы можемъ видѣть многіе примѣры — въ наше время сіе сравненіе сдѣлалось обыкновеннымъ. Самъ Біонъ говоритъ въ пѣсни Ахиллесу и Дейдаміи въ 13 стихѣ:

— — Καὶ τεὸν ἄνθος

Χιονέαις πόρφυρε παρειῆς — —

И тотъ же цвѣтъ алѣлъ на щекахъ бѣлоснѣжныхъ.

Здѣсь можно еще вспомнить прекрасный стихъ 58 Мусеевъ, въ Поэмѣ *Геро и Леандръ*:

Ἄκρα δὲ χιονέων φοινίσσετο κύκλα παρειῶν; т. е. *вершинки круглыя бѣлоснѣжныхъ щекъ алѣли* — Мосхъ, ссылаясь на 12 стихъ сего учителя своего, говоритъ въ 69 стихѣ на смерть его:

Ἁ Κύπρις φιλέει σὲ πολὺ πλέον ἢ τὸ φίλαμα;
Τὸ πρώαν τὸν Ἄδωνιν ἀποθνάσκοντα φίλασε.
Біона болѣе любила мать Киприда,
Чѣмъ хладный поцѣлуй при смерти Адонида.

Стихъ 13 и 14 оканчиваютъ всю сію вторую картинку; тутъ мы замѣтимъ только, что слово οὐκ οἶδεν вмѣсто *не чувствовалъ*, *не узнавалъ*, какъ при смерти его Венера цѣловала. У Ѳеокрита въ третей Идилліи есть подобное мѣсто въ стихѣ 47 и слѣдующихъ, сіе подало поводъ почитать и сію Идиллію твореніемъ Ѳеокрита.

Въ 15 стихѣ повторяется унылое αἰάζω . . . и въ шестнадцатомъ слѣдуетъ опять блистательный наборъ словъ; повтореніе ἄγριον, ἄγριον, умножаетъ, кажется мнѣ, силу слова, но уменьшаетъ чувствованіе, — ἁ Κυθέρεια φέρει ποτικάρδιον ἕλκος μεῖζον, сравненіе весьма щастливое и удачное.

Но тѣмъ Венерѣ онъ милѣй,
Тѣмъ боль сердечная опаснѣе для ней.

Въ 18 стихѣ κύνες ὠρύσαντο, картина уныло-мрачная и дикая; подобное чувство изобразилъ Сенека въ Ипполитѣ въ стихѣ 1108:

Maestaeque Domini membra vestigant canes.

Въ слѣдующемъ 19 стихѣ плачутъ Ореады. — Сіи Нимфы получили названіе отъ ὄρεα горы (какъ сходно съ рускимъ); ибо онѣ на нихъ родились, жили и охраняли ихъ. *Страбонъ* въ 10 книгѣ говоритъ, что онѣ были дщери *Форонеи* и *Гекатея*; но *Гомеръ* въ пѣсни VI называетъ *Ореадъ* и *Орестіадъ* дщерями Зевеса; вотъ слова его:

— — Περὶ δὲ πτελέας ἐφύτευσαν
Νύμφαι ὀρεστιάδες, κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο
И дщери Зевсовы, прелестны Нимфы горъ,
Вѣнчали ульмами сей памятникъ надгробный.

Страбонъ тамъ же говоритъ, что ихъ пять; но Виргилій въ 1 книгѣ Эн. упоминаетъ, что ихъ было множество и что онѣ были спутницы Діаны:

Qualis in Europae ripis, aut per juga Cynthi
Exercet Diana choros: quam mille secutae
Hinc atque hinc glomerantur Oreades.

Имя только одной извѣстно — *Мелисса*; она нашла на Пелопонесѣ медъ и Греки назвали пчелъ ея именемъ μέλισσα; древніе въ каждомъ деревѣ, травкѣ и цвѣточкѣ видѣли божество; ихъ воображеніе все оживляло; по ихъ преданію горы наполнялись священнымъ присутствіемъ *Ореадъ* или *Орестіадъ*, въ рощахъ и лѣсахъ присутствовали *Дріады*;

каждое дерево имѣло *Гамадріаду*, которая вмѣстѣ съ нимъ раждалась и умирала (названіе Дріадъ и Гамадріадъ отъ слова *Дубъ* δρῦς и ἅμα вмѣстѣ); какая мысль для поэтовъ! о семъ прекрасно говоритъ Каллимахъ въ гимнѣ Делосу:

— — Εἴμαι Θεαὶ εἴπατε μοῦσαι.
Εἴ ῥ' ἐτεὸν ἐγένοντο τότε Δρύες ἥνικα Νύμφαι,
Νύμφαι μὲν χαίροισιν, ὅτε δρύας ὄμβρος ἀέξει·
Νύμφαι δ' αὖ κλαίοισιν, ὅτε δρυσὶν οὐκ ἔτι φύλλα.

Т. е. — — Гласъ Музъ мнѣ возвѣститъ,
Ужели съ дубами рождаются Дріады. — —
Дріяды тѣшатся, какъ дубы дождь кропитъ;
Когда же листъ падетъ, стенаютъ безъ отрады.

Въ 20 стихѣ и слѣдующихъ видно обиліе языка и искусство Автора; прилагательныя πενθαλέα, νήπλεκτος, ἀσάνδαλος, показываютъ самое горестное состояніе Венеры, καὶ ἱερὸν αἷμα δρέπονται въ 22 стихѣ, выраженіе, достойное Поэта: *тернъ исторгаетъ кровь божественную*, т. е. тернъ язвитъ, и кровь течетъ на него. — Вотъ каковы были боги по мнѣнію Грековъ, и подлинно ихъ было такое множество, что воображеніе не могло всѣхъ одѣлить совершенствами. —

Такъ Діомидъ подъ Троею поразилъ сію самую Венеру копьемъ — и Гомеръ называетъ кровь ея не ἱερὸν αἷμα, но ἐσθὴρ, въ возвышенномъ смыслѣ.

Ἀσσύριον πόσιν, описаніе Адониса; ибо отецъ его *Киниръ* былъ Царь Ассирійскій, хотя нѣкоторые почитаютъ

его царемъ Аравійскимъ. — Въ 25 стихѣ *αἷμα ποῤῥεῖτο* отъ *αἰωρέομαι поднимаюсь*, т. е. съ стремленіемъ вырывается, бьетъ. — Такъ говоритъ нашъ *Ломоносовъ*:

И кровь изъ ранъ его ударила ручьями.

Въ 28 стихѣ повтореніе Αἶ, αἶ, есть обрядъ того времени; восклицаніе приличное горести; можно думать, что оно выговаривалось *ай! ай!* — сіе восклицаніе нѣсколько разъ повторяется въ продолженіи Идилліи. — Сей стихъ переводятъ двояко, то есть, или дѣвица поетъ отъ себя: *Ахъ Венера! сѣтуютъ Амуры*, или *Амуры, сѣтуя съ богиней, повторяютъ: увы Венера!* мысль почти одна и таже; вся сила зависитъ отъ точки!! — Съ 32 стиха слѣдуютъ печальныя картины, *горы*, *дубы*, *рѣки*, *источники* и *цвѣты* оплакиваютъ смерть Адониса. Сему мѣсту весьма много подражаній; такъ Виргилій въ 5 Эклогѣ ст. 27. говоритъ:

Daphni tuum Poenos etiam ingemuiſſe leones,
Interitum *montesque feri, ſilvaeque loquuntur.*

Или въ Эклогѣ 9 ст. 14. Сіи стихи нѣжны, прекрасны и для меня удивительны:

Illum etiam lauri, illum etiam flevere myricae,
Pinifer illum etiam ſola ſub rupe jacentem
Maenalus et gelidi fleverunt ſaxa Lycaei.

Мосхъ говоритъ въ надгробной Біону:

Καὶ ποταμοὶ κλαίοιτε, τὸν ἱμερόεντα Βίωνα. —
Νῦν φυτά μοὶ μύρεσθε, καὶ ἄλσεα νῦν γοάοισθε — и далѣе.

Сѣ 40 до 50 стиха, говорятѣ однѣ страсти: чувства льются, слова колеблютѣ душу; тутѣ кажется видимѣ простертыя объятія богини и слышимѣ ея: *постой!* Здѣсь Біонѣ выше всѣхѣ своихѣ подражателей; вотѣ мѣсто, гдѣ онѣ нимало не удалился отѣ Природы, и изобразилѣ страсть вѣ превосходной степени; здѣсь его искусство у мѣста; что можетѣ быть пламеннѣе сихѣ словѣ:

Ὥς σε περιπτύξω, καὶ χείλεα χείλεσι μίξω.

Слово *κινύρετο* (вѣ 41) значитѣ отѣ слезѣ и горести задыхаться, всхлипывать — далѣе *τοσοῦτόν με φίλασον* — совершенно очаровываетѣ, и показываетѣ *переливѣ* страсти, умѣряемой послѣднею необходимостію. — Вѣ слѣдующихѣ стихахѣ Біонѣ, кажется, истощилѣ всю силу выраженія. — *Κεἰς ἐμὸν ἧπαρ* — вѣрили вѣ древности, что тамѣ жилище Любви; сіе доказываютѣ самые древніе стихи, приведенные у *Гордонія*:

Cor sapit, et pulmo loquitur, fel commovet iras,
Splen ridere facit, cogit amare jecur.

48. Τὸ *δὲ σεῦ γλυκὺ φίλτρον ἀμέλξω, ἐκ δὲ πίω τὸν ἔρωτα.* такѣ Вирг.

Infelix Dido *longum* (*que*) *bibebat amorem.*

Здѣсь, кажется мнѣ, *sublime*; что можетѣ быть выше, сильнѣе и разительнѣе? сей стихѣ, какѣ говорятѣ, *жжетѣ бумагу*, на которой написанѣ — такѣ Овидій вѣ 4 басни, книга III. представляетѣ *Θизву*, которая зоветѣ умирающаго *Пирама*.

Sed poſtquam remorata suos cognovit amores;
Percutit indignos claro plangore lacertos:

Et laniata comas: amplexaque corpus amatum,
Vulnera supplevit lacrimis; fletumque cruori
Miscuit, et gelidis in vultibus oscula figens:
Pyrame! clamavit, quis te mihi caſus ademit?
Pyrame! responde, tua te cariſſima Thisbe
Nominat, exaudi! vultusque adtolle jacentes.
Ad nomen Thisbes oculos jam morte gravatos
Pyramus erexit, visaque recondidit illa.

Здѣсь Овидій ближе всѣхѣ подходитѣ кѣ Біону; всякой видитѣ и чувствуетѣ, сколько сіе мѣсто трогательно и прекрасно — но каковѣ подлинникѣ!

Вѣ концѣ 50 стиха примѣтно ослабленіе; повтореніе Φίλ', ὡς — не имѣетѣ той силы, какѣ ὡς — ὡς вѣ 40 и 41 стихѣ — вѣ 53 мысль очень сильная: *богиня жалѣетѣ, что не можетѣ умереть для Адониса*; такѣ у Овидія вѣ Прев. 1. Басня 10. говоритѣ *Инахѣ*:

Nec finire licet tantos mihi morte dolores,
Sed nocet eſſe deum: praecluſaque janua leti
Aeternum nostros luctus extendit in aevum.

Подобнымѣ образомѣ вѣ III кн. *Душеньки* говоритѣ Богдановичь:

Но гнѣвная Судьба была кѣ ней толь сурова,
Что сколь бы грозныхѣ Паркѣ на помощь ни звала
И какѣ бы смерти ни искала;
Судьба назначила, чтобѣ Душенька жила,
И вѣ жизни бы страдала.

Вѣ 55 мысль уныла, но истинна трогательна *τὸν τὲ πᾶν καλὸν ἐς σὲ καταῤῥεῖ*: и все прекраснѣйшее кѣ тебѣ низвергается *Прозерпина*. Можно видѣть сiю мысль вѣ Катуллѣ (III, 14.)

At vobis male fit malae tenebrae
Orci, quae omnia bella devoratis —

Или вѣ Превр. X. басн. 10, гдѣ Орфей говоритѣ:

— O Posita ſub terra numina mundi!
In quem recidimus quidquid mortale creamur.

Вѣ 58 стихѣ: — слово *τριπόθατος* — тоже что Римское terque quaterque *beatus!* или Славянское *треблаженный* — Ѳеокритѣ вѣ 56 стихѣ говоритѣ: *ὁ τριφίλατος Ἄδωνις* — далѣе *πόθος δὲ μοι, ὡς ὄναρ, ἔπτη* — сiе выраженiе вѣ наше время вошло вѣ пословицу: *любовь, какѣ сонѣ.* —

Вѣ 60 стихѣ Бiонѣ показалѣ неиспорченность и простоту своего времени. *Σοὶ δ᾽ ἅμα κέστος ὤλωλε*, всякой знаетѣ и понимаетѣ, что значитѣ *κέστος* . . . или *поясѣ Венеры* — скромность покраснѣетѣ, какѣ скоро увидитѣ подлинное значенiе здѣсь сего слова; Гомерѣ описывалѣ *τὸν κεστὸν Κυπρίδος* вѣ Илiадѣ XIV, ст. 214:

Ἦ, καὶ ἀπὸ στήθεσφιν ἐλύσατο κεστὸν ἱμάντα
Ποικίλον· ἔνθα δὲ οἱ θελκτήρια πάντα τέτυκτο·
Ἔνθ᾽ ἐνι μὲν φιλότης, ἐν δ᾽ ἵμερος, ἐν δ᾽ ὀαριστὺς,
Πάρφασις, ἥτ᾽ ἔκλεψε νόον πύκα περ φρονεόντων.

Рекла, и разрѣшила на груди поясѣ златошвенный, разноцвѣтный, на коемѣ находились удивительные предметы: страстная любовь, желанiя, нѣжные разговоры, ласки и улыбки, плѣняющiя умѣ самыхѣ мудрецовѣ.

Вѣ 61 стихѣ. Παλαίειν. Ноннѣ, Кн. XLI. говоритѣ, что Адонисѣ умерщвленѣ Марсомѣ, который изѣ ревности принялѣ видѣ вепря: вотѣ слова его:

— — Ἐπεὶ συὸς εἰκόνι μορφῆς
Ἄρης καρχαρόδων θανατηφόρον ἰὸν ἰάλλων
Ζηλομανὴς ἤμελλεν Ἀδώνιδι πότμον ὑφαίνειν.

Потомѣ Марсѣ, пускающiй смертоносныя стрѣлы, твердо-зубый, *воспламенясь ревностiю, принялѣ видѣ вепря и желалѣ нанесть гибель Адонису.*

Вѣ 62 стихѣ перестаетѣ сѣтовать Венера; Амуры только повторяютѣ ея стоны. Вѣ слѣдующемѣ стихѣ унылое повторенiе подобное томной музыкѣ Αἶ, αἶ, — мы замѣтили выше, что это былѣ плачевный обрядѣ того времени.

Τὰ δὲ πάντα (вѣ 65 стихѣ) — или какѣ нѣкоторые думаютѣ *τὰ δὲ πακτὰ* то есть *πηκτὰ* или *πεπηγμένα* — показываетѣ древнее преданiе, откуда родились розы и анемоны. Какая щастливая выдумка любезнаго воображенiя! Вѣ семѣ пiитическомѣ изобрѣтенiи Греки неподражаемы. — Но мы замѣтимѣ, что *исторiя розы* различна у различныхѣ поэтовѣ: — *Афѳонiй у Гарлеса* говоритѣ, что роза родилась изѣ крови Венеры, когда она, сѣтуя объ Адонисѣ, бродила по лѣсамѣ и терномѣ уязвила ногу. Анакреонѣ совсѣмѣ другое даетѣ происхожденiе *розѣ* вѣ одѣ LIII, 30. и слѣд. — Иные производятѣ начало *розы* отѣ слезѣ Аврориныхѣ, или росы, такѣ Бланшарѣ называетѣ розу. —

Tendre fruit des pleurs de l'aurore.

66 Стихъ Αἷμα — ἀνεμώναν. Многіе думаютъ, что не роза, но анемонъ родился изъ крови Адониса. — Овидій въ Превр. к. X баснь 12. говоритъ:

At cruor in florem mutabitur: —
— — — Sic fata cruorem
Nectare odorato spargit: qui tactus ab illo
Intumuit: sic ut pluvio pellucida coelo
Surgere bulla solet: nec plena longior hora
Facta mora est; cum flos e sanguine concolor ortus;
Qvalem, quae lento celant sub cortice granum,
Punica ferre solent: bueuis est tamen usus in illis
Namque male haerentem, et nimia leuitate caducum
Excutiunt idem; qui praestant nomina, venti.

67 Стихъ опять повторяетъ унылое αἰάζω — такъ въ музыкѣ нѣсколько разъ повторяются одни и тѣже тоны и оживляютъ главнѣйшее чувство. Мы замѣтили выше, что сей гимнъ былъ пѣтъ, и такъ конецъ сего стиха, какъ томное адажіо, оканчиваетъ первую часть его и можно думать, что здѣсь была остановка молчаніе (*pause*). Ибо слѣдуетъ переходъ и въ другой части сего Гимна занимаются болѣе украшеніемъ Адониса — по обряду ихъ.

68. Μηκέτ' — Κύπρι. Сія часть Гимна начинается словами: *не сѣтуй болѣе Венера* ἐνὶ δρυμοῖσι *въ лѣсахъ*; такъ выше ἀνὰ δρυμὼς ἀλάληται πενθαλέα. Өеокритъ въ XX. Идилліи съ 35 стиха говоритъ, что Венера избрала мѣстомъ горе-

сти своей лѣса, которые прежде были свидѣтелями ея блаженства.

— — Αὐτὸν Ἄδωνιν,
Ἐν δρυμοῖσι φίλασε, καὶ ἐν δρυμοῖσιν ἔκλαυσεν.

То есть. *И самаго Адониса въ лѣсахъ любила, въ лѣсахъ и оплакивала.*

69 ἐξ' ἀγαθὰ — ἑτοῖμα. При семъ мы замѣтимъ еще, что во время сихъ празднествъ, или *Адоній*, женщины уготовляли величественное ложе и полагали на немъ прекраснѣйшаго юношу подъ именемъ Адониса. Өеокритъ въ XV Идилліи стихъ 126 говоритъ:

Ἔρωται κλίνα τῷ Ἀδώνιδι τῷ καλῷ ἄλλα·
Τὰν μὲν Κύπρις ἔχει, τὰν δ' ὁ ῥοδόπαχυς Ἄδωνις.

Т. е. *Приготовлено другое ложе Адонису прекрасному; одно занимаетъ Венера, а другое прекрасный Адонисъ.*

При семъ, какъ не вспомнить прекраснѣйшихъ стиховъ въ *Душенькѣ* въ концѣ II книги, гдѣ нѣжный Богдановичь описываетъ спящаго въ постелѣ не *Адониса*, но *Купидона.*

Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой
Лежитъ раскинувшись въ постелѣ,
Покрытъ тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой,
И частью лишь была на тѣлѣ.
Румянецъ розы на щекахъ,
Разсыпанный по верхъ лилеи
И бѣлы кудри въ трехъ рядахъ

Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи
И складъ, и нѣжность всѣхъ частей
Въ виду, во всей красѣ своей,
Иль кои крылися отъ вида,
Могли унизить Адонида,
За коимъ нѣкогда влюбясь,
Сама Венера въ дождь и въ грязь
Бѣжала въ дикія пустыни,
Сложивъ величество богини.

Въ 70 стихѣ, въ послѣднемъ полустишіи τὸ σὸν τόδε, многіе находятъ, будто бы частое повтореніе О, и членъ дважды поставленный τὸ — τόδε, умножаютъ силу горести и стонъ печали. — Можетъ быть — я не знаю . . . пусть судятъ читатели; но едва ли Біонъ сіе сдѣлалъ съ намѣренія . . .

Прочтя въ 73 стихѣ ἱερὸν ὕπνον ἐμόχθει, скромность покраснѣетъ — но скоро ободрится, по тому что, кажется, не возможно найти словъ невиннѣе и скромнѣе для выраженія *блаженства любви* — ἱερὸς ὕπνος, священный, божественный, сонъ съ богинею —

Такъ — *Душенька не знала,*
Съ какимъ чудовищемъ, иль богомъ ночевала.

Нѣсколько не скромно, но прекрасно, несравненно! —

Въ 74 стихѣ πόθει Α῎δωνιν, т. е. когда ты положишь на прекрасномъ ложѣ, вспомни прошедшее блаженство, и зови Адониса, такъ, какъ у Овидія:

Hic fuit, hic jacuit, thalamo requievimus illo;
Hic mihi lasciva gaudia nocte dedit.

Въ 75 стихѣ мы видимъ обрядъ древнихъ βάλλε — ἄνθεσι. По обычаю древнихъ вѣнки налагаемы были на умершихъ — такъ у Эврипида въ Финик. Креонъ говоритъ о Полиникѣ стихъ 1626.

Ὃς ἂν νεκρὸν τὸν δ᾽ ἢ καταςέφων ἁλῷ
Ἢ γῇ καλύπτων θάνατον ἀνταλλάξεται.

Т. е. *Тотъ, кого увидятъ, что будетъ увѣнчевать сего умершаго, или предавать землѣ, погибнетъ смертію.* — Сей самый Поэтъ въ яряш. Геркулесѣ стихъ 525 говоритъ:

— Τί χρῆμα; τέκν᾽ ὁρῶ πρὸ δωμάτων
Στολμοῖσι νεκρῶν κρᾶτας ἐξεςεμμένα.

Т. е. *Что это? — я вижу чадъ предъ чертогами, украшенныхъ вѣнками, достояніемъ мертвыхъ.* — Клементій Александрійскій предлагаетъ слѣдующую причину сего обряда: Α᾽οχλήτȣ δὲ ἀμεριμνίας, говоритъ онъ, ὁ Στέφανος σύμβολον. ταῦτα καὶ τȣ̀ς νεκρȣ̀ς καταςέφανȣ̃σιν. Т. е. *Вѣнокъ есть изображеніе безмятежнаго спокойствія, и по сей причинѣ увѣнчаваютъ мертвыхъ.* — До 78 стиха продолжается печальное украшеніе, послѣдній долгъ воздаваемый Адонису по обряду, тѣмъ временамъ приличному. — Наконецъ въ 79 стихѣ поютъ:

Κέκλιται ἁβρὸς Α῎δωνις ἐν εἵμασι πορφυρέοισιν
Лежитъ прекраснѣйшій въ одеждѣ пурпуровой

То есть украшенный — и далѣе съ 80 до 85 стиха слѣдуетъ картина истинно Піитическая, прелестная, несравненная! какъ пріятно видѣть Амуровъ изъявляющихъ горесть различнымъ образомъ. — 80 Стихъ — Ἀμφὶ — Ἔρωτες,

И вкругъ Амуровъ сонмъ въ слезахъ въ тоскѣ суровой.

Такъ Мосхъ въ надгробной пѣсни, подражая Біону, говоритъ:

Καὶ ξυγνὸν περὶ σῆμα τεὸν κλαίουσι Ἔρωτες.
Амуры вкругъ тебя печальны слезы льютъ

Тутъ слѣдуетъ прелестная картина Амуровъ въ различныхъ положеніяхъ горестныхъ — никакой *Альбани* не могъ бы изобразить ихъ лучше. На примѣръ:

Въ 81. Κειράμενοι — Ἀδώνιδι. Древній обычай распускать волосы, отрѣзывать и бросать на тѣла умершихъ въ честь любезнѣйшимъ предметамъ — такъ Гомеръ въ Одиссеи IV, 197. говоритъ:

Τοῦτό νυ καὶ γέρας οἶον ὀϊζυροῖσι βροτοῖσι,
Κείρασθαί τε κόμην, βαλέειν τ' ἀπὸ δάκρυ παρειῶν.

Безъ сомнѣнія долгъ бѣдныхъ смертныхъ, обрѣзывать волосы въ честь умершимъ и проливать слезы:

Такъ Софоклъ въ Электрѣ ст. 450 говоритъ:

— Σὺ δὲ
Τεμοῦσα κρατὸς βοστρύχων ἄκρας φόβας

Κ' ἀμοῦ ταλαίνης, σμικρὰ μὲν τάδ', ἀλλ' ὅμως
Ἄχω, δὸς αὐτῷ τήνδ' ἀλιπαρῆ τρίχα.

Т. е. *Но ты отрѣжь съ верху головы своей и моей нещастной часть волосъ — даръ малый, но единственный, какой только я имѣю.* И посвяти волоса сіи родителю.

83 Λέβησι — λοῦε. Богдановичь перевелъ почти сіе мѣсто во второй книгѣ *Душеньки*. Тамъ такъже:

Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ, повсюду собирали,
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъароматъ вздували пузыри
И благовонные устроивали мыла.

Но сіе прекраснѣйшее мѣсто не показываетъ обряда, такъ какъ у Біона. — Подобнымъ образомъ въ Эн. Кн. IV ст. 683 говоритъ сестра Дидоны *Анна*: *date vulnera lim-phis, abluam*; и мать Эвріала жалуется въ IX кн. ст. 486. *nec vulnera lavi.* — Такъ Гомеръ въ Иліадѣ. Пѣснь XVIII стихъ 349. говоритъ:

Αὐτὰρ ἐπειδὴ ζέσσεν ὕδωρ ἐνὶ ἤνοπι χαλκῷ,
Καὶ τότε δὴ λοῦσάν τε, καὶ ἤλειψαν λίπ' ἐλαίῳ·
Ἐν δ' ὠτειλὰς πλῆσαν ἀλείφατος ἐννεώροιο·
Ἐν λεχέεσσι δὲ θέντες, ἑανῷ λιτὶ κάλυψαν
Ἐς πόδας ἐκ κεφαλῆς· καθύπερθε δὲ, φάρεϊ λευκῷ.

Сіе мѣсто перевелъ Виргилій Эн. VI ст. 218.

Pars calidos latices, et ahena undantia flammis.
Expediunt: corpusque lavant frigentis, et ungunt:
Fit gemitus: tum membra thoro defleta reponunt,
Purpureasque ſuper vestes, velamina nota;
Conjiciunt. —

Тутъ мы можемъ видѣть весь обрядъ, который наблюдали древніе при печальномъ погребеніи своихъ возлюбленныхъ. — Порядокъ былъ слѣдующій: 1) Омывали тѣло теплыми водами; 2) умащивали ароматами; 3) полагали на одрѣ украшенномъ, въ лучшихъ одеждахъ; 4) осыпали цвѣтами и украшали вѣнками. Біонъ упоминаетъ все сіе хотя не въ такомъ порядкѣ. Евреи такъ же всегда употребляли омовеніе и умащеніе умершихъ. — Сей обычай наблюдаемъ былъ весьма многими народами. — Египтяне умножили его и усовершенствовали несравненно болѣе — сіе доказываютъ ихъ *мумiи.*

85. Ὅς — Ἄδωνιν — подобное мѣсто есть въ *Душенькѣ*; гдѣ Богдановичь говоритъ:

Другіе во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ.

Сіе мѣсто Біонъ почти перевелъ изъ Анакреона од. 7. ст. 7 и слѣд: —

Κραδίη δὲ ῥινὸς ἄχρις
Ἀνέβαινε, κἂν ἀπέσβη·

Ὁ δ᾽ Ἔρως μετώπα σείων
Ἁπαλοῖς πτεροῖσιν εἶπεν. т. е.

Душа моя почти вылетала — я умиралъ и почти умеръ; какъ вдругъ Эротъ маханіемъ крылъ освѣжилъ меня и сказалъ:

Овидій подражалъ сему мѣсту Біона — въ 8 й Элегіи Amor: гдѣ онъ оплакиваетъ смерть Тибулла съ 7 го стиха. Вотъ слова его:

Ecce puer Veneris fert euerſamque pharetram,
Et fractos arcus, et ſine luce facem.
Adſpice, demissis ut eat miserabilis alis,
Pectoraque infeſta tundat aperta manu. — —
Nec minus est confuſa Venus moriente Tibullo
Quam iuveni rupit quum ferus inguen aper и проч.

Всякой видитъ, сколько сіе мѣсто прекрасно, удивительно — особенно стихъ *Adſpice* — — Поэзія не сравненная! но Біонъ едвали не превосходнѣе въ разнообразіи украшеній. — Далѣе сѣтуетъ *Гименей* — тушитъ свой пламенникъ и разрываетъ вѣнокъ брачный — οὐκ ἔτι δ᾽ Ὑμὰν повторяется еще въ 88 и 89 стихѣ, съ перемѣною словъ и кончится унылыми ἄδεται αἴ, αἴ — музыка весьма пріятная!

Гименей Богъ брака — Его изображаютъ всегда съ горящимъ пламенникомъ и вѣнкомъ брачнымъ — γαμήλιον — Древніе вѣрили, что естьли разлучатся смертію супруги, любившіе другъ друга, со всѣмъ пламенемъ страсти; то Ги-

меней тушитъ пламенникъ и разрываетъ вѣнокъ брачный — Такъ Овидiй Heroid XI, 101. говоритъ:

Tolle procul decepte faces Hymenaee maritas
Et fuge turbato tecta nefanda pede

И тамъ же въ книгѣ XXI стихъ 165 говоритъ о Гименеѣ:

Projicit ipse suas deducta fronte, coronas
Spissaque de nitidis tergit amoma comis.

Въ 91 стихѣ плачутъ Хариты, или Грацiи — мы можемъ здѣсь упомянуть объ нихъ подробнѣе. Сiи нѣжныя богини, были дочери *Зевеса* и *Эвриномы*, дщери Океановой; такъ говоритъ Гезiодъ въ *Өеогонiи.*

Τρεῖς δέ οἱ Εὐρυνόμη Χάριτας τέκε καλλιπαρήους
Ὠκεανοῦ κούρη πολυήρατον εἶδος ἔχουσα
Ἀγλαΐην καὶ Εὐφροσύνην, Θαλίην τ' ἐρατεινήν т. е.

Трехъ Грацiй произвела на свѣтъ Эвринома дочь великаго Океана, Нимфа прелестная видомъ, Аглаю, Евфросину и прелестную Талiю. — Орфей въ Гимнѣ Грацiямъ называетъ ихъ дщерями не *Эвриномы*, но *Эвномiи* и *Зевеса.* — Иные говорятъ; что онѣ были дщери *Зевеса* и *Автонои*, и называютъ ихъ *Пазифея*, *Евфросина* и *Эглея. Антимахъ*, древнѣйшiй Поэтъ почитаетъ ихъ дщерями *Эглеи* и *Солнца*; — иные полагаютъ ихъ только двѣ; *Клизана* и *Фенана*: иные *Ависо* и *Гегемона*, какъ говоритъ Павзанiй, нѣкоторые такъ же, причисляли къ Грацiямъ и *Сваделу*, но вообще

всѣ полагали, что ихъ было три, какъ *Мелеагръ* говоритъ въ слѣдующемъ стихѣ:

Τρισσαί μεν Χάριτες, τρεῖς καὶ γυγκιπάρθενοι Ὧραι.

Поэты и художники почти всегда представляютъ ихъ вмѣстѣ: такъ говоритъ Горацiй.

Gratiae cum Nymphis geminisque sororibus audet
Ducere nuda choros.

Младшая изъ нихъ *Аглая*, была супругою Вулкана — всѣ онѣ были спутницы Венеры — въ разсужденiи одеждъ ихъ и донынѣ споръ неразрѣшенъ: одни желали представить ихъ нагими, другiе въ одеждахъ, — однакожъ, говоритъ Павзанiй, древнiе Скульпторы, живописцы и Поэты представляли ихъ въ одеждахъ — такъ изобразилъ ихъ *Пифагоръ*, *Парiй*, *Булалъ* и *Апеллесъ*: *Сократъ* сынъ *Софрониска* представилъ ихъ такъ же въ одеждахъ, и поставилъ у входа въ Афинскую крѣпость.

Первый изъ смертныхъ нѣкто *Этеоклъ* Царь Орхоменскiй воздвигъ храмъ имъ; ибо древнiе вѣрили, что онѣ обыкновенно ходили въ Орхоменiю омываться водами источника *Ацидальскаго*; такъ говоритъ Страбонъ въ 9 Книгѣ.

Но что значатъ сiи нѣжныя богини? чему онѣ покровительствовали? и какъ ихъ понимать должно? есть тысячи изъясненiй и всѣ онѣ не ясны, не достаточны, и кто можетъ описать ихъ? Говорятъ, что онѣ были богини *прiятности*, *любезности*, *невинности* и сельской *простоты*: по

мнѣнію древнихъ различныя названія ихъ, показываютъ три различныя отрасли сельскихъ занятій: *поля*, *сады* и *стада*. — Мы не разпространяясь далѣе, скажемъ только, что *Талія* значитъ распускающійся шипокъ (отъ θάλλειν) *Аглая* цвѣтъ и блескъ, *Евфросина* радость; и еще замѣтимъ, что ихъ божественность удобнѣе можно чувствовать нежели описывать. Пусть вопрошаетъ *Державинъ*:

Что вы Грацій такое,
Красота ли, или младость?

Но мы ихъ понимаемъ, чувствуемъ, желаемъ и просимъ, чтобъ онѣ всегда и вездѣ были нашими богинями и вѣримъ:

Что гимны чистые всегда къ нимъ доходили;
Такъ ихъ любимецъ, Карамзинъ,
Вослѣдъ достойный Грацій гимнъ
И сами Граціи перомъ его водили. —

Въ 94 стихѣ, въ иныхъ изданіяхъ можно видѣть не Μοῖσαι, но Μοῖραι τὸν Ἄδωνιν ἀνακλ: то есть не Музы, но Судьбы или Парки оплакиваютъ Адониса. Сіе было бы совершенно противно мысли Автора, ибо Судьбы сами лишили его жизни, какъ же могутъ по немъ плакать? и притомъ Парки, спутницы Прозерпины, какое могутъ имѣть сообщество съ Амурами, Гименеемъ и Граціями? и такъ *Фалькенарій* весьма справедливо написалъ καὶ Μοῖσαι τὸν Ἄδωνιν, и проч.

Въ 96 стихѣ слово οὐκ ἐθέλει должно разумѣть во второмъ его значеніи *не можетъ*, глаголъ ἐθέλω весьма часто употребляется съ отличною красотою, вмѣсто δύναμαι, я упомянулъ о семъ для того, что многіе переводятъ, *не желаетъ*; ибо сіе совершенно противно мысли Автора. Въ семъ послѣднемъ значеніи употребляется ἐθέλω весьма часто. Такъ *Софоклъ* въ *Филоктетѣ* ст. 727.

Ἔρπ' εἰ θέλεις· τί δή ποθ' ὧδ' ἐξ οὐδενὸς
Λόγου σιωπᾷς, κ' ἀπόπληκτος ὧδ' ἔχει;

то есть: *говори, естьли можешь, (а не естьли хочешь) что молчишь безъ всякой причины, и стоишь въ такомъ изумленіи?*

Въ 98 стихѣ λεῖ — δακρύσαι — Я сказалъ прежде, что сіе празднество совершалось каждое лѣто, Овидій въ X книгѣ Превращеній, въ концѣ говоритъ:

Questaque cum fatis: At non tamen omnia vestri
Juris erunt, inquit. Luctus monimenta manebunt
Semper, Adoni, mei: repetitaque mortis imago
Annua plangoris peraget simulamina nostri.

Такъ Θеокритъ С. 143. говоритъ.

Ἵλαθι νῦν, φίλ' Ἄδωνι, καὶ ἐς νέωτ' εὐθυμήσαις.
Καὶ νῦν ἦλθες, Ἄδωνι, καὶ ὅκκ' ἀφίκῃ, φίλος ἥξεις.

То есть: *Будь умилостивленъ Адонисъ и принеси намъ радость на будущее лѣто; нынѣ ты другомъ къ намъ явился и, когда возвратишься, будешь нашимъ другомъ.*

Въ концѣ сей Идилліи мы замѣтимъ, что сіи празднества извѣстны были Іудеямъ, что видно изъ 8 й главы Іезекіиля — „Et dixit (Dominus) ad me, adhuc conversus videbis abominationes maiores, quas isti faciunt. Et introduxit me per ostium portae domus domini, quod respiciebat ad Aquilonem, et ecce ibi mulieres sedebant plangentes Adonidem" — Египтяне такъ же оплакивали Озириса, и праздновали сь радостію, когда находили его. По сему *Стефанъ* и многіе другіе ученнѣйшіе мужи почитали Адониса и Озириса однимъ божествомъ. — *Лонгопетрей.*

Сію Идиллію почитали Ѳеокритовою потому, что онъ написалъ на смерть Адониса, въ Анакреонтовомъ вкусѣ, Преждевременная смерть Прекраснаго Адониса, показываетъ, что радость, удовольствія и все любезнѣйшее намъ въ мірѣ быстро проходитъ и исчезаетъ, *ὡς ἐν ὀνείρῳ*, какъ онъ самъ говоритъ — *И* такъ:

> Collige Virgo rosas, dum flos novus et nova pubes
> et memor esto aevum sic properare tuum.

ИДИЛЛІЯ II.

МАЛЬЧИКЪ ПТИЦЕЛОВЪ.

Ἰξευτὰς ἔτι κῶρος, ἐν ἄλσεϊ δενδράεντι
Ὄρνεα θηρεύων, τὸν ἀπότροπον εἶδεν Ἔρωτα
Ἑσδόμενον πύξοιο ποτὶ κλάδον· ὡς δ' ἐνόασε,
Χαίρων, ὥνεκα δὴ μέγα φαίνετο ὄρνεον αὐτῷ,
Τὼς καλάμως ἅμα πάντας ἐπ' ἀλλάλοισι συνάπτων,
Τᾷ ϗ τᾷ τὸν Ἔρωτα μετάλμενον ἀμφεδόκευεν.
Χὼ παῖς, ἀχαλάων, ἕνεχ' οἱ τέλος ὐδὲν ἀπάντη,
Τὼς καλάμως ῥίψας ποτ' ἀροτρέα πρέσβυν ἵκανεν,
Ὅς νιν τάνδε τέχναν ἐδιδάξατο· ϗ λέγεν αὐτῷ,
Καὶ οἱ δεῖξεν Ἔρωτα καθήμενον. αὐτὰρ ὁ πρέσβυς
Μειδιόων κίνησε κάρη, ϗ ἀμείβετο παῖδα,
Φείδεο τᾶς θήρας, μηδ' ἐς τόδε τὤρνεον ἔρχευ.
Φεῦγε μακράν· κακόν ἐντὶ τὸ θηρίον· ὄλβιος ἐσσῆ
Εἰσόκα μή μιν ἕλῃς· ἢν δ' ἀνέρος ἐς μέτρον ἔλθῃς,
Οὗτος ὁ νῦν φεύγων ϗ ἀπάλμενος, αὐτὸς ἀφ' αὐτῷ
Ἐλθὼν ἐξαπίνας, κεφαλὰν ἐπι σεῖο καθιξεῖ.

ИДИЛЛІЯ III.

УЧЕНИКЪ - УЧИТЕЛЬ.

Ἁ μεγάλα μοι Κύπρις ἔθ᾽ ὑπνώοντι παρέςα,
Νηπίαχον τὸν Ἔρωτα καλᾶς ἐκ χειρὸς ἄγοισα,
Ἐς χθόνα νευςάζοντα; τόσον δέ μοι ἔφρασε μῦθον,
Μέλπειν μοι, φίλε βȣτα, λαβὼν τὸν Ἔρωτα δίδασκε.
Ὣς λέγε, χ᾽ ἃ μὲν ἀπῆνθεν· ἐγὼ δ᾽, ὅσα βωκωλίασδον
Νήπιος, ὡς ἐθέλοντα μαθεῖν τὸν Ἔρωτα δίδασκον
Ὡς εὗρεν πλαγίαυλον ὁ Πὰν, ὡς αὐλὸν Ἀθάνα,
Ὡς χέλυν Ἑρμάων, κίθαριν δ᾽ ὡς ἁδὺς Ἀπόλλων.
Ταῦτά μιν ἐξεδίδασκον. ὁ δ᾽ ȣ̓κ ἐμπάζετο μύθων,
Ἀλλά μοι αὐτὸς ἄειδεν ἐρωτύλα, καί μ᾽ ἐδίδασκε
Θνατῶν τ᾽ ἀθανάτων τε πόθȣς, καὶ ματέρος ἔργα.
Κἠγὼν ἐκλαθόμαν μὲν ὅσων τὸν Ἔρωτα δίδασκον,
Ὅσσα δ᾽ Ἔρως μ᾽ ἐδίδαξεν ἐρωτύλα, πάντ᾽ ἐδιδάχθην.

НѢЧТО
о второй Идилліи.

Одно только можно сказать навѣрно, что сія прелестная выдумка, написана Біономъ въ минуту щастливаго расположенія. Она показываетъ до какой степени воображеніе Грековъ было любезно и какія пріятныя картины, какія плѣнительныя мысли заключались даже въ ихъ преданіяхъ вѣры.

Судя по мыслямъ и связи, кажется въ семъ сочиненіи немогло быть болѣе 16 стиховъ. Сія Идиллія подъ именемъ *Біоновой*, сохранена въ *Стобеевомъ* Florilogio (изд. Геснера стр. 400 Гроція 267.) Многіе изъ новѣйшихъ подражали ей: на Аглинскомъ *Спенцеръ*, въ пастушескомъ календарѣ, въ Мартѣ мѣсяцѣ, сдѣлалъ изъ сей выдумки небольшую, но пріятную пѣсню; на нѣмецкомъ *Клейстъ* (стр. 83. изд. 1783). Кажется, что и въ древнее время, сія Идиллія была не что иное, какъ общенародная пѣсня: вопервыхъ потому, что она коротка; вовторыхъ, что въ древнее время, всѣ творенія Поэзіи сопровождаемы были музыкою; наконецъ потому, что самое содержаніе сей Идилліи, прилично пѣнію и что, можетъ быть, такимъ образомъ она сохранилась и до нашихъ временъ.

Должно думать, что Біонъ написалъ сію Идиллію не въ юности, но въ тѣхъ лѣтахъ, когда уже могъ по опыту чувствовать и говорить объ опасностяхъ любви —

Дѣйствующее лице мальчикъ — онъ ловитъ Амура, перелетывающаго съ вѣтки на вѣтку, въ видѣ птицы; старый охотникъ, и вѣрно опытной . . . изъясняетъ свойство сей птицы, остерегаетъ мальчика отъ ловли и говоритъ: придетъ время, когда сія опасная птица сама прилетитъ къ тебѣ и сядетъ надъ головою. — Какая забавная и пріятная выдумка! безъ сомнѣнія, мы не много найдемъ подобныхъ въ наше время. — Разсмотримъ подробнѣе.

* * *

Стихъ 1 — 5. *Должно знать*, что древніе совсѣмъ не такъ ловили птицъ, какъ ловятъ ихъ въ наше время; они намазывали клѣемъ прутья, поднимали ихъ вверхъ, птицеловъ скрывался подъ хворостомъ, и приманивалъ дудкою птицъ, которыя, садясь на сіи прутья приклѣивали ноги и крилья. Такъ *Овидій.* Amor:

Fistula dulce canit, volucrem dum decipit anceps.

Стихъ 6. Τᾷ καὶ τᾷ) прекрасно выражаетъ характеръ Амура, который безпрестанно порхаетъ туда и сюда. *Мосхъ*, какъ ученикъ *Біоновъ*, подражалъ сему мѣсту въ первой своей Идилліи, гдѣ такъ же онъ говоритъ объ Амурѣ:

Καὶ πτερόεις, ὡς ὄρνις, ἐφίπταται ἄλλοτ' ἐπ' ἄλλως
Ἀνέρας, ἠδὲ, γυναῖκας ἐπὶ σπλάγχνοις δὲ κάθηται.

т. е. Какъ птичка тамъ и сямъ вездѣ находитъ путь
Къ мущинѣ, къ дѣвушкѣ онъ порхъ и прямо въ грудь.

Но *Біонъ*, какъ видно, самъ подражалъ Θеокриту, у коего въ 15 Идилліи со 119 стиха, есть подобное мѣсто, гдѣ говоритъ:

Χλωραὶ δὲ σκιάδες, μαλακῷ βρίθοισαι ἀνήθῳ,
Δέδμανθ'· οἱ δέ τε κῶροι ὑπερποτῶνται Ἔρωτες,
Οἷοι ἀηδονιδῆες ἐφεζόμενοι ἐπὶ δένδρῳ
Πωτῶνται, πτερύγων πειρώμενοι, ὄζον ἀπ' ὄζω.

т. е. *Зеленыя бесѣдки, осѣненныя нѣжнымъ анетомъ, засохли, и малютки Амуры порхаютъ, подобно птенцамъ Соловьинымъ, на кустѣ сѣдящимъ, кои перелетываютъ съ вѣтки на вѣтку, испытывая свои юныя крылушки.*

Въ 7 стихѣ Ἀχαλάων, *досадуя, сердясь*; можно представить, сколько досада въ лицѣ прекраснаго малютки занимательна и прелестна; какое измѣненіе въ чертахъ и движеніяхъ! — и тѣмъ прелестнѣе, что сей переходъ слѣдуетъ послѣ того, какъ онъ дрожалъ отъ радости, видя птицу — какъ искусно древніе умѣли противополагать одну другой страсти! — Такъ въ 14 одѣ представляется забавное сраженіе Амура съ Анакреономъ; первый бросаетъ стрѣлы, послѣдній убѣгаетъ — потомъ:

Ὡς δ' οὐκ ἔτ' εἶχ' ὀϊστοὺς,
Ἤχαλλεν, εἶθ' ἑαυτὸν
Ἀφῆκεν εἰς βέλεμνον т. е.

Когда истощилъ всѣ стрѣлы, разгнѣвался и самъ бросился въ меня, на мѣсто стрѣлы.

Въ 10 стихѣ Ἔρωτα καθήμενον — *сидѣвшаго Амура* — точно такъ, какъ Дмитріевъ говоритъ о зяблицѣ,

Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ.

Μειδιόων κίνησε κάρη, въ 11 стихѣ: т. е. *улыбаясь покачалъ головою.* Какой контрастъ между невинностью мальчика и опытностію старика — который взглянувъ на птицу и на мальчика, только улыбнулся и покачалъ головою.

Въ 13 стихѣ κακὸν τὸ θηρίον. Подлинно κακὸν, кто знаетъ и чувствуетъ . . . посмотрите только въ 1 Идилліи Мосховой, какъ сама его мать Венера говоритъ объ немъ:

Ἦν δὲ χολᾷ νόος ἐστὶν ἀνάμερος, ἠπεροπευτάς,
Οὐδὲν ἀλαθεύων, δόλιον βρέφος, ἄγρια παίσδει.

Когда жъ разсердится, жестокъ онъ и нескроменъ,
Обманчивъ и изъ глазъ примѣтно, вѣроломенъ.

Стихъ 14. ἐς μέτρον ἔλθῃς) выраженіе Гомеровское — такъ Ѳеокритъ въ XIII Идилліи, говоритъ въ 13 стихѣ о Гиласѣ: ἐς ἀλαθινὸν ἄνδρ' ἀποβαίη — *придетъ въ мужеской возрастъ* — или, какъ Ксенофонтъ говоритъ: εἰς τέλειον ἄνδρα. —

Κεφαλὰν ἐπὶ σεῖο καθιξεῖ ст. 16. — *Сядетъ на твою голову.* — Такъ Проперцій въ 1 книгѣ говоритъ: et caput impositis pressit amor pedibus — съ сею Идилліею можно сравнить и видѣть много подобнаго въ III, VII и X одахъ Анакреоновыхъ. —

Въ заключеніе сказать можно, что сія Идиллія, есть одинъ изъ драгоцѣнныхъ остатковъ древности, — ея содержаніе прелестно — выдумка показываетъ живость и любезность воображенія; а намѣреніе и цѣль нравоучительны.

НѢЧТО

о третей Идилліи.

Сіе прекрасное сочиненіе весьма пріятно для читателя и невольно производитъ тихую улыбку, когда видимъ все могущество любви, представленное такъ искусно и забавно въ лицѣ ученика и учителя.

Содержаніе сей Идилліи особенно драгоцѣнно потому, что показываетъ нѣкоторымъ образомъ исторію древней музыки. — Выдумка басни совершенно піитическая и очень занимательная. — Вездѣ видна какая-то свободная нѣжность чувствованій, какая-то Аѳинская любезность воображенія. — (Сіи 13 стиховъ подъ именемъ Біоновыхъ находятся въ Стоб. Геснер. Изд. стр. 383, въ Гроціи стр: 245 въ первомъ изданіи Тринкавеллія и въ рукописи Лейденской подъ надписью Ἐκ τῶν Βίωνος βουκολικῶν. (Фалькен.)

Разсмотримъ планъ сей Идилліи: Біонъ, какъ любезный Поэтъ, описываетъ произшествіе, какъ онъ познакомился съ Амуромъ и говоритъ: я былъ еще мальчикомъ — является Венера съ сынкомъ своимъ; поручаетъ его мнѣ и проситъ, чтобъ я училъ его всѣмъ пастушескимъ пѣснямъ. По простотѣ моей, я тотчасъ взялъ Амура, училъ всему, что только самъ зналъ. — Рѣзвый малютка не слушалъ меня; а самъ пѣлъ мнѣ любовныя пѣсни — и чтожъ? . . . я забылъ все, что зналъ; а что пѣлъ мнѣ Амуръ, наизусть знаю. — Здѣсь все сказано; читатель, можетъ быть,

улыбнется только и скажетъ вмѣстѣ со мною, подлинно ученикъ сталъ учителемъ — — но сего недовольно:

* * *

Должно знать, что въ 1 стихѣ вмѣсто общенароднаго *ὑπνώοντι*, я принялъ въ текстъ *ὑβώοντι*, вмѣстѣ съ Гарлесомъ; ибо кажется мнѣ, что это была истинная мысль Поэта, которой точно хотѣлъ описать, какъ узналъ любовь: *ὑβώοντι*, то есть mihi iuveni, когда я былъ еще въ молодыхъ лѣтахъ; а не *ὑπνώοντι*, dormienti, спящему, во снѣ; ибо вопервыхъ сны скоро забываютъ и онъ бы не могъ помнить всего наизусть, какъ самъ говоритъ въ 13 стихѣ: Вовторыхъ видѣть во снѣ можетъ и не Поэтъ и въ то время, кажется, сія Идиллія была бы пустой сонъ, а не Піитическая выдумка.

Стихъ 3) Ἐς χθόνα νευστάζοντα-Νέυειν εἰς τὴν γῆν, или πρὸς τὴν γῆν, говорится о тѣхъ, которые отъ стыда или раскаянія потупляютъ глаза въ землю, такъ же и о тѣхъ, кои заняты глубокимъ размышленіемъ — такъ у Геродіана въ IV книгѣ: *οἱ μὲν ἄλλοι πάντες σκυθρωποῖς προσώποις εἰς τὴν γῆν ἔνευσαν* — т. е. *прочіе всѣ съ печальнымъ лицемъ обратили взоръ въ землю* — такъ Перс. сат. III ст. 79.

— non ego curo
Esse quod Arcesilas, aerumnosique Solones
Obstipo capite et figentes lumine terram.

Гарлесъ приводитъ одного Испанскаго Поэта, но не упоминаетъ объ имени, который говоритъ о скромности Амура, такъ какъ и здѣсь:

Passava Amor su arco desarmado
Los ojos baxos, blando, y muy modesto.

Такъ Гомеръ описываетъ Улисса, когда онъ хочетъ говорить Иляд. III. ст. 217.

Ἀλλ᾽ ὅτε δὴ πολύμητις ἀναΐξειεν Ὀδυσσεύς,
Στάσκεν, ὑπαὶ δὲ ἴδεσκε, κατὰ χθονὸς ὄμματα πήξας.

т. е. Но когда возсталъ заботящійся Улиссъ, то стоялъ задумавшись, и глядѣлъ внизъ, обративъ глаза въ землю.

Въ 7 стихѣ Біонъ мимоходомъ упоминаетъ о изобрѣтеніяхъ музыкальныхъ — *πλαγίαυλον ὁ Πὰν*). Греческое *πλαγίαυλος* — *согнутая флейта*; или какъ у Римлянъ было по замѣчанію *Сервія*: *tibia obliqua*, или *tibia vasca*. Вообще, о музыкальныхъ инструментахъ древнихъ мало извѣстно; безъ сомнѣнія они не такъ важны; но въ разсужденіи изобрѣтателей ихъ писатели думаютъ различно. — По замѣчанію *Лонгопетрея* Панъ изобрелъ такъ же и свирѣль:

Pan primus calamos cera conjungere plures
Instituit.

Во второй Эклогѣ Виргилія ст. 32 упоминается о семи инструментѣ, гдѣ сл. Гейне приводитъ 7 и 8 стихъ

Біоновъ и остроумно вычисляетъ роды стиховъ, которымъ Поэтъ училъ Амура. О *πλαγιαύλῳ* смотри у Теокрита Ид. XX. ст. 29. *Плагіавлъ* по мнѣнію Поллукса К. IV. гл. 20. Libycorum, Аѳенея Египетскаго, или Озириса (Кн. IV. стр. 175, гдѣ о разныхъ музыкальныхъ инструментахъ и ихъ изобрѣтателяхъ говорится пространно) и вообще по мнѣнію Грековъ и Римлянъ (см. Плинія Кн. VII. гл. 58) была едвали не таже самая флейта, которая издревле почиталась изобрѣтеніемъ Фригійскимъ. Плутархъ о музыкѣ на стр. 1136 говоритъ, что три главнѣйшіе въ древности были музыкальные инструменты (то есть *αὐλὸς, κιθάρα* и *σύριγξ* *флейта, цитара* и *свирѣлъ*) и притомъ первые два инструмента, что изъ другихъ мѣстъ видно, и видомъ и звукомъ и употребленіемъ совершенно были различны. Фабрицій въ древней Библіограф. вычисляетъ всѣхъ, говорившихъ о музыкѣ — Впрочемъ весьма вѣроятно что въ разныхъ странахъ, разные люди могли изобрѣсть одни и тѣже инструменты.

Стихъ тотъ же) *ὥς αὐλὸν Ἀθάνα. Αὐλὸς прямая,* или *длинная флейта.* Такъ говоритъ Овидій Fastorum lib. VI. ст. 697. Минерва расказываетъ Исторію своихъ изобрѣтеній:

Prima terebrato per rara foramina buxo
Ut daret, effeci, tibia longa sonos.

Пиндаръ говоритъ, что Минерва изобрѣла *τὸν αὐλὸν* послѣ пораженія Горгоны Персеемъ съ ея помощію. Пиѳич. Ода 12:

ἀλλ' ἐπεὶ ἐκ
Τούτων φίλον ἄνδρα πόνων
Ἐῤῥύσατο παρθένος, αὐ-
λῶν τεῦχεν πάμφωνον μέλος
Ὄφρα τὸν Εὐρυάλας
Ἐκ καρπαλιμᾶν γεννύων
Χριμφθέντα, σὺν ἔντεσι μι-
μήσαιτ' ἐρικλάγκταν γόον
Εὗρεν Θεός· ἀλλά νιν εὑροῖ-
σ' ἀνδράσι θνατοῖς ἔχειν,
Ὠνόμασεν κεφαλᾶν πολλᾶν νόμον,
Εὐκλέα λαοσσόων μναστῆρ' ἀγώνων,
Λεπτοῦ διανισσόμενον
Χαλκοῦ θᾶμα καὶ δονάκων.

Теокритъ, или лучше Мосхъ, еще о многихъ родахъ инструментовъ упоминаетъ, кромѣ *αὐλὸν* и *πλαγίαυλον.* — Епніс. ст. 28. *Гарлесъ.*

— Κὴν σύριγγι μελίσδω,
Κ' ἢν αὐλῷ λαλέω, κ' ἢν δώνακι, κ' ἢ πλαγιαυλῷ

Каллимахъ, въ Гимнѣ Діанѣ, говоритъ такъ же, что флейта была изобрѣтеніе Аѳины, *ἔργον Ἀθηναίης.* Стихъ 245. гдѣ Спангеймъ пространно разсуждаетъ о изобрѣтателяхъ; (ибо древніе весьма не согласны вразсужденіи вида флейты и матеріи — Эврипидъ въ Ифиге; in Aulide почитаетъ изобрѣтателемъ флейты *Олимпа*, стихъ 576. и

слѣд. при чемъ смотри замѣчаніе *Барнеса*. Кажется, что *Олимпъ* изобрелъ новый инструментъ, или ввелъ новую и совершеннѣйшую перемѣну въ прежнемъ. Древніе вообще изобрѣтеніе всего пріятнаго и полезнаго относили къ богамъ, и часто изобрѣтеніе разныхъ людей и разныхъ странъ приписывали одному; отсюда произошло великое несогласіе о изобрѣтателяхъ. — Флейта Ливійская, говоритъ Эврипидъ въ Альцестѣ ст. 347. дѣлалась изъ тростника. И Овидій fastorum IV. 50. и слѣд.

Въ 8 стихѣ упоминаются два инструмента и ихъ изобрѣтатели — Лютню изобрелъ Меркурій, и сдѣлалъ ее изъ черепахи; цитару, Аполлонъ — изобрѣтеніе Меркурія пространно описываетъ Гомеръ, въ Гимнѣ сему богу — я скажу только, что *лютня χέλυς* получила названіе отъ того, что *χελώνην ὁ Ἑρμῆς ἐκδείρας αὐτὴν κατεσκεύασε*, изъ черепахи, (въ которой погибло животное), она сдѣлана Меркуріемъ. О изобрѣтеніи цитары Аполлономъ, говоритъ Перизоній у Эліана; но всего лучше можно видѣть у Питиска въ Лексиконѣ древностей Томъ I. Т. V. стр. 444 и въ той же книгѣ, Томъ III. стр. 599. весьма пространно говорится о флейтѣ. — Tibia.

Въ 12 стихѣ прекраснѣйшій контрастъ, между долгомъ учителя и ученика: учитель становится ученикомъ а ученикъ учителемъ, какое превращеніе? . . не удивляйтесь чудесамъ Амура; Греки почитали его всемогущи къ

Не знаю, но подозрѣваю, что онъ такую же силу имѣетъ и въ наше время. Прочтя 12 и 13 стихъ невольно вспомнишь Анакреонову Оду *βασιλίου*. стр. 66. изданіе Брунка. *Гарлесъ*.

Ἀνακρέων ἰδών με
Ὁ Ἰήιος μελῳδὸς,
Ὄναρ λέγων προσεῖπε,
Κἀγὼ δραμὼν πρὸς αὐτὸν
Περιπλάκην φιλήσας.
Γέρων μὲν ἦν, καλὸς δὲ,
Καλός τε καὶ φίλευνος.
Τὸ χεῖλος ὦζεν οἴνου.
Τρέμοντα δ' αὐτὸν ἤδη
Ἔρως ἐχειραγώγει.
Ὁ δ' ἐξελὼν καρήνου
Ἐμοὶ στέφος δίδωσι;
Τὸ δ' ὦζ' Ἀνακρέοντος.
Ἐγὼ δ' ὁ μωρὸς ἄρας
Ἐδησάμην μετώπῳ·
Καὶ δῆθεν ἄχρι καὶ νῦν
Ἔρωτος οὐ πέπαυμαι.

Въ заключеніе мы можемъ вспомнить прекрасные Волтеровы стихи:

Qui que tu sois, voilà ton maitre;
Il le fut, il l'est, ou il doit l'être.

ИДИЛЛІЯ IV.

МУЗЫ СЪ АМУРОМЪ.

Ταὶ Μοῖσαι τὸν Ἔρωτα τὸν ἄγριον οὐ φοβέονται,
Ἐκ θυμῶ δὲ φιλεῦντι, καὶ ἐκ ποδὸς αὐτῷ ἕπονται.
Κἢν μὲν ἄρα ψυχάν τις ἔχων ἀνέραστον ὀπηδῇ,
Τῆνον ὑπεκφεύγοντι, καὶ οὐκ ἐθέλοντι διδάσκειν·
Ἢν δὲ νόον τις Ἔρωτι δονεύμενος ἁδὺ μελίσδῃ,
Ἐς τῆνον μάλα πᾶσαι ἐπειγόμεναι προρέοντι.
Μάρτυς ἐγὼν ὅτι μῦθος ὅδ' ἔπλετο πᾶσιν ἀληθής·
Ἢν μὲν γὰρ βροτὸν ἄλλον ἢ ἀθανάτων τινὰ μέλπω,
Βαμβαίνει μευ γλῶσσα, καὶ ὡς πάρος οὐκ ἔτ' ἀείδει·
Ἢν δ' αὖτ' ἐς τὸν Ἔρωτα καὶ ἐς Λυκίδαν τὶ μελίσδω,
Καὶ τόκα μοι χαίροισα διὰ στόματος ῥέει ᾠδά.

ИДИЛЛІЯ V.

БЕЗПЕЧНОСТЬ.

Οὐκ οἶδ', οὐδ' ἐπέοικεν, ἃ μὴ μάθομεν πονέεσθαι.
Εἴ μοι καλὰ πέλει τὰ μελύδρια, καὶ τάδε μοῦνα
Κῦδος ἐμοὶ θήσοντι, τά μοι πάρος ὤπασε Μοῖσα.
Εἰ δ' οὐχ' ἁδέα ταῦτα, τί μοι πολὺ πλήονα μοχθῆν;
Εἰ μὲν γὰρ βιότω διπλόον χρόνον ἄμμιν ἔδωκεν
Ἢ Κρονίδας, ἢ Μοῖρα πολύτροπος, ὥστ' ἀνύεσθαι
Τὸν μὲν ἐς εὐφροσύναν καὶ χάρματα, τὸν δ' ἐνὶ μόχθῳ,
Ἦν τάχα μοχθήσαντι ποθ' ὕστερον ἐσθλὰ δέχεσθαι.
Εἰ δὲ θεοὶ κατένευσαν ἕνα χρόνον ἐς βίον ἐλθεῖν
Ἀνθρώποις, καὶ τόνδε βραχὺν καὶ μήονα πάντων,
Ἐς πόσον ἆ δειλοὶ καμάτως κ' εἰς ἔργα πονεῦμες;
Ψυχὰν δ' ἄχρι τίνος ποτὶ κέρδεα καὶ ποτὶ τέχνας
Βάλλομες, ἱμείροντες ἀεὶ πολὺ πλήονος ὄλβω;
Λαθόμεθ' ἢ ἄρα πάντες ὅτι θνατοὶ γενόμεσθα,
Χ' ὡς βραχὺν ἐκ Μοίρας λάχομεν χρόνον.

НѢЧТО
о четвертой Идилліи.

Сіе твореніе пріятно, не принужденно и показываетъ, что страсти вообще должны руководствовать Поэта. Вся Идиллія состоитъ въ одиннадцати прекрасныхъ стихахъ, (въ Стоб. Гес. стр, 387. Гроц. 241.) легкихъ, плавныхъ и гармоническихъ. Въ наше время подобное сочиненіе обыкновенно; но въ древности, можетъ быть, оно въ первый разъ родилось въ воображеніи Біона. Оно доказываетъ мысль пріятную для всѣхъ молодыхъ людей, мысль, что любовь возвышаетъ человѣка, что сія нѣжная страсть выводитъ его изъ бездѣйственнаго состоянія и, приводя въ движеніе всѣ сокровенныя чувства сердца, дѣлаетъ его героемъ неустрашимымъ, Поэтомъ пылкимъ, коего творенія ознаменованы печатію любви и пріятности. — Разсмотримъ подробнѣе:

* * *

Въ первыхъ двухъ стихахъ, по разнымъ изданіямъ заключаются двѣ разныя мысли — *ταὶ Μοῖσαι ἐ Φοβέοισι ἐκ θυμῷ Φιλέονται* — такъ находится *у Урсина.* Ген. Стефанъ и Гроцій въ Стоб. читаютъ: *ἤ Φοβέοντι, Ἠ κ θυμῷ Φιλέοντι.* то есть: *Музы или боятся, или любятъ Амура,* и *слѣ-*

дуютъ за нимъ, или изъ страха, или по желанію: сія мысль слишкомъ искуственна и хитра, я принялъ въ текстъ ту, которая кажется гораздо простѣе и натуральнѣе — Въ обыкновенныхъ изданіяхъ *ἐ Φοβέονται ἤ κ θυμῷ Φιλέοντι,* то есть:

Амура Музы нестрашатся,
Идутъ за нимъ и съ нимъ дружатся.

3) *Ὀπηδῇ* — въ нѣкоторыхъ изданіяхъ *ἀείδῃ* — но *τὸ ἀείδῃ* гораздо холоднѣе; притомъ Поэтъ, безъ сомнѣнія хотѣлъ представить картину, какую изображаютъ въ противо-положности слова: *ὀπηδῇ* и *τὸ ὑπεΦεύγοντι,* — можно думать, что *ἀείδῃ* было написано на *полѣ* для обясненія *τῦ ὀπηδῇ*, и послѣ принято въ текстъ.

9) *Βαμβαίνει μεῦ γλῶσσα,* прекрасное выраженіе! въ нѣкоторыхъ изданіяхъ *καμβαίνει*, (ma langue begaye) *языкъ отказывается отъ своего долга,* что бы чувствовать всю красоту сего выраженія, стоитъ прочесть во второй Одѣ Сафы слѣдующіе стихи: хотя въ другомъ смыслѣ.

Ὡς γάρ ἴδω σε, βροχέως με Φωνᾶς
Οὐδὲν ἔθ' ἥκει
Ἀλλὰ καμμὲν γλῶσσα ἔαγε.

Всякой чувствуетъ, какова должна быть степень страсти, когда языкъ нашъ *βαμβαίνει*, titubat, begaye, *заикается, останавливается,* когда слова на устахъ замираютъ. — въ семъ мѣстѣ другой смыслъ, но выраженіе

тоже. Я скажу только любопытнымъ, пусть прочтутъ разборъ сей Сафиной Оды въ *Лонгинѣ*. — Сіе мѣсто Катуллъ перевелъ: —

— Nam simul te
Lesbia adspexi, nihil est supermi,
Quod loquar amens:
Lingua sed torpet. —

Стихъ 11) *Καὶ τόκα μοὶ — ῥέει ᾠδά.* Послѣдвій стихъ отмѣнно пріятенъ, и плавенъ; все кончилось, но вниманіе наше еще не удовлетворилось; еще желаетъ слушать. — Такъ Гезіодъ въ Θеогоніи ст. 96.

——— *ὁ δ᾽ ὄλβιος, ὅντινα Μοῦσαι*
Φιλεῦνται· γλυκερή οἱ ἀπὸ στόματος ῥέει αὐδή

Щастливъ тотъ, кого Музы любятъ: ибо изъ устъ его проливается сладкій голосъ. Между тѣмъ можемъ видѣть подобное въ отцѣ всѣхъ красотъ и пріятностей, Анакреонѣ: од. 1.

Θέλω λέγειν Ατρείδας
Θέλω δὲ Κάδμον ᾄδειν.
Ἁ βάρβιτος δὲ χορδαῖς
Ἔρωτα μοῦνον ἠχεῖ.

Я пѣть хочу перуны
Атридовъ Кадмовъ трудъ
Но рѣзвыя струны
Къ Амуру влекутъ
Амура поютъ.

НѢЧТО
о пятой Идилліи.

Въ сей Идилліи есть что-то особенно утѣшительное, какая-то Философія пріятная, льющаяся въ сердце, Философія Греческаго Пастушескаго Поэта. Она занимаетъ щастливую средину между строгостію Циниковъ и веселіемъ эпикурейцовъ и показываетъ милую безпечность — образъ мыслей Біоновыхъ.

Можно думать, что сіе твореніе есть плодъ позднѣйшихъ лѣтъ сего Поэта, когда онъ, оставляя сладкую мечту воображенія и сердца, началъ размышлять о будущемъ, когда душа его летѣла на встрѣчу къ покою, къ безпечности, къ тихому наслажденію, безцѣнному для чувствительныхъ — кто не любитъ вѣрить сей благодѣтельной Философіи? кто не любитъ въ часы унынія питать сею мыслію душу: „къ чему намъ почести и слава? должно „ли трудиться? естьли бъ Парка дала мнѣ двѣ „жизни; я одну посвятилъ бы трудамъ, а другую „наслажденію; но мы имѣемъ одну, для чего жъ „изнурять себя трудами.“ Виргилій и Горацій любили сію Философію — ихъ творенія дышатъ подобными правилами: Quid fortes brevi jaculamur aevo multa? говоритъ Горацій и мы вѣримъ ему. —

Сіе твореніе не полно и, кажется, представляетъ только отрывокъ прекраснаго творенія, которое, можетъ быть, содѣлалось жертвою времени. Разсмотримъ подробнѣе:

* * *

Въ Стобеевомъ изданіи гл. 58 сей отрывокъ начинается слѣдующимъ стихомъ:

Ὀυκ ὖιδ᾽, ὀυδ᾽ ἐπίσαμαι, ἃ μὴ μάθομεν πονέεσθαι. Сей стихъ имѣетъ связь съ текстомъ и я, вмѣстѣ съ Фалькенаріемъ, принялъ его.

Въ третьемъ стихѣ, въ иныхъ изданіяхъ Μοῖρα, въ другихъ Μοῖσα; тѣ кои приняли Μοῖρα ссылаются на слѣдующіе стихи Горація К. II. Ода 16.

— — Mihi parva rura, et
Spiritum Grajae tenuem camenae
Parca non mendax dedit, & malignum
Spernere vulgus.

По сей долгъ порученъ былъ такъ же и Аполлону; тотъ же Горацій въ 6й Одѣ Кн. II. говоритъ:

Spiritum Phoebus mihi, Phoebus artem
Carminis, nomenque dedit Poëtae.

Нѣтъ сомнѣнія, что Аполлонъ и Музы, то есть стихотворенія доставили славу Біону — Смотри его же отрывокъ III. Такъ нашъ Державинъ говоритъ:

О Муза возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Не принужденною рукой не торопливой
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай,

5) Εἰ μὲν γαρ — χρόνον. — Подобное мѣсто есть у Эвфрона, стариннаго Комика. *Лонголетрей:*

Ὦ Ζεῦ, τί ποθ᾽ ἡμῖν δȣ̃ς χρόνον τȣ̃ ζῆν βραχὺν πλέκειν ἀλύπως τȣ̃τον ἡμᾶς ȣ̓κ ἐᾷς; по что о Зевсъ, давши намъ столь краткій вѣкъ, не позволяешь провесть его безъ печали? — Такъ Эврипидъ въ Геркулесѣ ярящ. стихъ 655.

Εἰ δὲ Θεοῖς ἦν ξύνεσις
Καὶ σοφία κατ᾽ ἄνδρας
Δίδυμον ἂν ἥβαν ἔφερον
Φανερὸν χαρακτῆ.
Ρ᾽ἀρετῆς, ὅσοισι
Μέτα· καὶ θνατοὶ ἐς
Τὰς αὐγὰς πάλιν ἀλίȣ
Δισσȣ̀ς ἂν ἔβαν διαύλȣς. κ. τ. λ.

Подобно IIму стиху — ἐς πόσον — Горацій говоритъ: К. I. Ода 4.

Vitae summa brevis spem nos vetat
Inchoare longam — —

Вѣ Одѣ II — Sapias — et ſpatio brevi
Spem longam reseces: dum loquimur fugerit invida
Aetas: carpe diem, quam minimum credula postero.

Книга II. Ода 11. (стр. 9 и слѣд.)

Non ſemper idem floribus eſt honos
Vernis, neque uno luna rubens nitet
Vultu: quid aeternis minorem
Consiliis animum fatigas.

О сколько жалобъ на скоротечность жизни! — пословица древняя говоритъ: θνατὰ χρὴ τὸν θνατὸν, ȣ̓κ ἀθάνατα, θνατὸν φρονεῖν; сими мыслями наполнены почти всѣ сочиненія древнихъ. (Смот. Анакр. IV. стихъ 7. и слѣд. и замѣчанія въ Антологіи). Такъ нѣкто изъ нашихъ Авторовъ говоритъ:

Роза дважды не алѣетъ,
Рви ее, пока цвѣтетъ;
Все въ подлунной сей истлѣетъ,
Брось, мой другъ! труды суетъ!

ИДИЛЛІЯ VI.

О ВРЕМЕНАХЪ ГОДА.

ΚΛΕΟΔΑΜΟΣ καὶ ΜΥΡΣΩΝ.

Клеодамъ.

Εἴαρος, ὦ Μύρσων, ἢ χείματος, ἢ φθινοπώρȣ,
Ἢ θέρεος, τί τοι ἁδύ; τί δὲ πλέον εὔχεαι ἐλθεῖν;
Ἢ θέρος, ἁνίκα πάντα τελείεται ὅσσα μογεῦμες;
Ἢ γλυκερὸν φθινόπωρον, ὅτ᾽ ἀνδράσι λιμὸς ἐλαφρά;
Ἢ καὶ χεῖμα δύσεργον; ἐπεὶ καὶ χείματι πολλοὶ
Θαλπόμενοι θέλγονται ἀεργείῃ τε καὶ ὄκνῳ;
Ἢ τοι καλὸν ἔαρ πλέον εὔαδεν; εἰπὲ, τί τοι φρὴν
Αἱρεῖται; λαλέειν γὰρ ἐπέτραπεν ἁ σχολὰ ἄμμιν.

Мирсонъ.

Κρίνειν ȣ̓κ ἐπέοικε θεήϊα ἔργα βροτοῖσι·
Πάντα γὰρ ἱερὰ ταῦτα καὶ ἁδέα· σεῦ δ᾽ ἕκατι
Ἐξερέω, Κλεόδαμε, τό μοι πέλεν ἅδιον ἄλλων.
Οὐκ ἐθέλω θέρος ἦμεν, ἐπεὶ τόκα μ᾽ ἅλιος ὀπτῇ.
Οὐκ ἐθέλω φθινόπωρον, ἐπεὶ νόσον ὥρια τίκτει.

Οὖλον χεῖμα φέρειν, νιφετὸν κρυμὼς τε φοβεῦμαι.
Εἶαρ ἐμοὶ τριπόθατον ὅλῳ λυκάβαντι παρείη,
Ἀνίκα μήτε κρύος, μήθ᾽ ἅλιος ἄμμε βαρύνει.
Εἴαρι πάντα κύει, πάντ᾽ εἴαρος ἀδέα βλαστεῖ,
Χ᾽ ἁ νὺξ ἀνθρώποισιν ἴσα, καὶ ὁμοίϊος ἀώς.

И Д И Л Л І Я VII.

Ἐπιθαλάμιος Ἀχιλλέως καὶ Δηιδαμείας,

Μύρσων, Λυκίδας

Мирсонъ.

Λῆς νύ τι μοὶ, Λυκίδα, Σικελὸν μέλος ἁδὺ λιγαίνειν,
Ἱμερόεν, γλυκύθυμον, ἐρωτικὸν, οἷον ὁ Κύκλωψ
Ἄεισεν Πολύφαμος ἐπ᾽ ἠϊόνι Γαλατείᾳ;

Ликидасъ.

Κἦν μοι συρίσδεν, Μύρσων, φίλον, ἀλλὰ τί μέλψω;

Мирсонъ.

Σκύριον, ὦ Λυκίδα, ζαλῶ μέλος, ἁδὺν Ἔρωτα,
Λάθρια Πηλείδαο φιλάματα, λάθριον εὐνάν.
Πῶς παῖς ἕσσατο φᾶρος, ὅπως δ᾽ ἐψεύσατο μορφὰν,
Χ᾽ ὅπως ἐν κώραις Λυκομηδίσιν ἀπαλέγοισα
Ἀηδήνη ἄταρον Ἀχιλλέα Δηϊδάμεια.

Ликидасъ.

Ἅρπασε τὰν Ἑλέναν πόθ᾽ ὁ βωκόλος· ἆγε δ᾽ ἐς Ἴδαν,
Οἰνώνῃ κακὸν ἄλγος· ἐχώσατο δ᾽ ἁ Λακεδαίμων,
Πάντα δὲ λαὸν ἄγειρεν Ἀχαϊκόν. οὐδέ τις Ἕλλην,
Οὔτε Μυκηναίων, οὔτ᾽ Ἤλιδος, οὔτε Λακώνων
Μεῖνεν ἐὸν κατὰ δῶμα, φέρον τίσιν, αἰνὸν Ἄρηα.

Λάνθανε δ' ἐν κώραις Λυκομηδίσι μοῦνος Ἀχιλλεύς
Εἴρια δ' ἀνθ' ὅπλων ἐδιδάσκετο, καὶ χερὶ λευκᾷ
Παρθενικὸν κόπον εἶχεν· ἐφαίνετο δ' ἠΰτε κώρα·
Καὶ γὰρ ἴσον τήναις θηλύνετο, καὶ τόσον ἄνθος
Χιονέαις πόρφυρε παρειῆς· καὶ τὸ βάδισμα
Παρθενικῆς ἐβάδιζε, κόμας δ' ἐπύκαζε καλύπτρῃ.
Θυμὸν δ' Ἄρεος εἶχε, καὶ ἀνέρος εἶχεν ἔρωτα,
Ἐξ ἀοῦς δ' ἐπὶ νύκτα παρίζετο Δηϊδαμείᾳ·
Καὶ ποτὲ μὲν κείνας ἐφίλει χέρα, πολλάκι δ' αὐτᾶς
Στόμ' ἀνὰ καλὸν ἄειρε, τὰ δ' ἀδέα δάκρυ' ἐπῄνει.
Ἤσθιε δ' οὐκ ἄλλᾳ σὺν ὁμάλικι· πάντα δ' ἐποίει
Σπεύδων κοινὸν ἐς ὕπνον. ἔλεξε νυ καὶ λόγον αὐτᾷ.
Ἄλλαι μὲν κνώσσουσι σὺν ἀλλήλαισιν ἀδελφαί,
Αὐτὰρ ἐγὼ μώνα μίμνω, σὺ δὲ νύμφα καθεύδεις,
Αἱ δύο, παρθενικαί, συνομάλικες, αἱ δύο καλαί.
Ἀλλὰ μόναι κατὰ λέκτρα καθεύδομες· ἁ δὲ πονηρὰ
Νύσσα γὰρ δολία με κακῶς ἀπὸ σέο μερίσδει·
Οὐ γὰρ ἐγὼ σέο. * * *

НѢЧТО
о шестой Идилліи.

Сіе твореніе найдено Урсиномъ въ Стобеевой рукописи: Фульвъ въ библіотекѣ Фарнезіанской; онъ первый показалъ его свѣту. Гескинъ издалъ его послѣ и исправилъ; потомъ послѣдовавшіе издатели Фалькенарій и другіе еще болѣе исправили ошибки сей рукописи.

Клеодамъ и Мирсонъ, пастухи смѣжные лугами, разсуждаютъ о временахъ года. Предметъ почти философскій, но представленный подъ цвѣтами Поэзіи. Поэзія у Грековъ обнимала всѣ науки; но чаще всего и больше всего Философію; онѣ соединялись вмѣстѣ — Поэзія украшала цвѣтами истинну; истинна сохраняла блескъ и свѣжесть Поэзіи — Философы были Поэтами; а Поэты Философами. Прелестно для насъ соединеніе Зефира и Флоры; любезно сочетаніе Купидона и Душеньки; но всего любезнѣе союзъ Философіи съ Поэзіею.

Клеодамъ спрашиваетъ Мирсона, „какое время изъ четырехъ временъ года больше ему нравится? — Мирсонъ отвѣчаетъ: — всѣ времена „года для смертныхъ священны и пріятны, но для „него пріятнѣе всѣхъ весна, когда нѣтъ ни холоду

„ни зною, когда все цвѣтетъ и оплодотворяется и „когда день и ночь равны между собою." Вотъ пастушеская философія! но кто въ этомъ не былъ бы согласенъ съ Мирсономъ?

* * *

Первый вопросъ: Ἔαρος — τί τοι ἁδύ; весьма простъ и натураленъ; въ нѣкоторыхъ изданіяхъ находится τύ; но смыслъ не перемѣняется.

Ст. 3) Ἢ θέρος — μογεῦμες. По сему самому, какъ увѣряетъ Гескинъ, названъ годъ πλεῖον; какъ будто бы ἀπὸ τοῦ πάντας τοὺς καρποὺς τῆς γῆς συμπληροῦσθαι. Мнѣ особенно нравится сіе пріятное вычисленіе забавъ, каждаго времени года: γλυκερὸν Φθινόπωρον, καὶ χεῖμα δύσεργον, ибо и зимою, многіе, грѣясь у огня, тѣшатся праздностію и лѣнью. О праздность и лѣнь, бичь пресыщенныхъ богачей и первое желаніе бѣдныхъ тружениковъ! (не знаю справедливо ли мнѣ кажется, что большая часть учоныхъ праздныхъ имѣютъ видъ въ обществѣ чрезвычайно задумчивый, озабоченный, и дома суетятся ничето недѣлая; межъ тѣмъ какъ подлинно занятые, въ тѣсномъ кругу друзей, шутятъ на счетъ своей праздности и лѣни).

Стихъ 5). Ἢ καὶ χεῖμα ὀκνηρ.) Δύσεργον, зима называется κατὰ τὰ γεωργικὰ ἔργα. Слово ἔργα, употребляемое во

множественномъ числѣ, большою частію означаетъ *поля*, *нивы*, отъ Γεωργίαν. — Такъ Каллимахъ въ Гимнѣ Діанѣ стихъ 125 говоритъ:

Κτήνεά σφιν λοιμὸς καταβόσκεται, ἔργα δὲ πάχνη.

Стада ихъ умираютъ отъ голоду, а нивы, или жатва побита градомъ. — И въ стихѣ 156 говоритъ:

Σύες ἔργα, σύες φυτὰ λυμαίνονται.

Кажется Виргилій, (въ кн. 1. Георгикъ стихъ. 299.) подражалъ или покрайней мѣрѣ имѣлъ въ виду сіе Біоново мѣсто — онъ говоритъ:

—— Hiems ignava colono:
Frigoribus parto agricolae plerumque fruuntur,
Mutuaque inter se laeti convivia curant:
Invitat genialis Hiems, curasque resolvit.
Ceu pressae cum jam portum tetigere carinae,
Puppibus et laeti nautae imposuere coronas.

При семъ можно вспомнить слѣдующіе Гезіодовы стихи въ Ἔργ. καὶ ἡμ: 494:

Ὥρῃ χειμερίῃ, ὁπότε κρύος ἀνέρας ἔργου
Ἰσχάνῃ· ἔνθα κ' ἄοκνος ἀνὴρ μέγα οἶκον ὀφέλλει.

Tempore hiberno cum frigus homines vehemens
Detinet: ubi etiam impiger vir domum valde auget.

И тамъ же.

Μή σε κακȣ̃ χειμῶνος ἀμηχανίη καταμάρψῃ
Σὺν πενίῃ, λεπτῇ δὲ παχὺν πόδα χειρὶ πιέζοις.
Ne te malae hiemis difficultas opprimat
Cum paupertate, macilenta vero crassum pedem
manu premas

Вообще Греческое Ἔργον, такъ какъ латинское opus, собственно говорится о земледѣліи, о занятіяхъ деревенскихъ; ибо земледѣліе было первымъ занятіемъ, первою заботою людей. Гарлесъ приводитъ рукопись Ксенофонта I. 5. 2. Ἔργων ἐπίστασιν. Эконо IV, 10. Ἔργων ἐπιμελȣ́μενοι. Тибул. II. 1. 5. Теренц. Heauton. I, 1. 20. Eunuch. II, 1. 14. и другія многія мѣста, гдѣ слова ἔργον и opus употребляются въ значеніи земледѣльчества.

6). Стихъ совершенно списанъ съ натуры, должно представить себѣ все удовольствіе, какое чувствуешь въ зимнее время, сидя у Камина. Гарлесъ совѣтуетъ сравнить Longi Pastor III. cap. II. pag. 278. Но рускимъ можно вспомнить при семъ стихѣ Князя Долгорукова *каминъ въ Пензѣ и въ Москвѣ.*

9. и 10. Стихъ) Κρίνειν — καὶ ἀδέα точно то же, что въ Ἀήναις: стихъ 38. Μηδὲν τὰ Θεῶν ὀνόσαιτο. *Nemo ea, quae deorum sunt, vituperet.* Подобное мѣсто есть въ Ѳеокритѣ Идиллія X стихъ 25.

13) Οὐκ ἐθέλω — τίκτει Горацій къ Постуму кн. II. ода. 14.

Frustra per autumnos nocentem
Corporibus metuemus austrum.

И кн. III. ода. 23.

Nec pestilentem sentiet Africum
Foecunda vitis, nec sterilem seges
Rubiginem, aut dulces alumni
Pomifero grave tempus anno.

Ювеналъ Сатир. 4. стихъ 56.

—— Jam letifero cedente pruinis
Autumno, jam quartanam sperantibus aegris.

Можно видѣть сію мысль въ Ювеналѣ Сатир. VI, 516. и Сатира X, 221. въ Виргил. Георг. III, 479. и въ Энеидѣ III, 141.

Гиппократъ въ III книгѣ, Афор. 9. утверждаетъ, что осенью бываютъ весьма часто самыя сильныя и опасныя болѣзни. Галенъ, Плутархъ въ Symposio. и другіе древніе полагаютъ пять тому причинъ: 1) быстрыя перемѣны холода и зноя, часто въ одинъ день случающіяся. 2) переходъ отъ зноя, во время коего желчныя влаги скопляются и потомъ легко загниваютъ. 3) Сжатіе отъ холода кожи, которою дурные пары внутри задерживаются и заражд аютъ болѣзни. 4) Разслабленіе силъ тѣлесныхъ, во время лѣта. 5) Наконецъ обиліе плодовъ, производящихъ вредные соки. По симъ причинамъ весьма справедливо Гиппократъ называетъ осень θεριώδης. зловредною. *Гескинъ.*

15. Ὅλῳ λυκάβαντι) нѣкоторые граматеи думаютъ, что названіе года τὸν λυκάβαντα происходитъ отъ τὸ λυγαίως βαίνειν; ибо время проходитъ тихимъ и непримѣтнымъ шагомъ; а нѣкоторые еще смѣшнѣе отъ τὸ λύκων δίκην βαίνειν, будто бы дни проходятъ, цѣпляясь одинъ за другой, какъ волки, переплывая рѣку — забавная учоность! . . . Истинное происхожденіе τον λυκάβαντα отъ τῦ λύκȣ т. е. солнца. Ибо въ древности солнце называлось λύκον, чему служитъ доказательствомъ еще одинъ Фивской народъ, называвшійся Ликонолитане. Въ Одиссеѣ, пѣснь XIV, 161. схоли: производитъ сіе слово отъ λυγαίως βαίνειν; но Барнезій тамъ же приводитъ мѣсто изъ Іул. Апост. Orat. IV fol. 154. Καὶ τοι λυκάβαντά φασιν ἀπὸ τῦ Θεῦ Ἡλίȣ, τον ἐνιαύσιον χρόνον. Ὀνομάζει δὲ ἀυτὸν ȣ̓χ Ὅμηρος μόνον, ȣ̓δὲ οἱ γνώριμοι τῶν Ἑλλήνων, τῦτο τὸ ὄνομα· πρὸς δὲ καὶ ὁ Θεός. Διανύων γὰρ φάσιν, ὀρχηθμῷ λυκάβαντα, δυωδεκάμηνα κέλευθα. По сему самому и луна называется Λύκη. Римляне называютъ такъ же noctilucá — и такъ ὁ λυκάβας означаетъ мѣсяцъ лунный; нѣмцы говорятъ: bey dem jetzigen Mondenlicht.

17) Ἔαρι πάντα κύει). Такъ Виргилій въ III. Экл. 96.

Et nunç omnis ager, nunc parturit arbos,
Nunc frondent silvae, nunc formosissimus annus.

Овидій fast. к. I. 151.

Omnia tunc florent, tunc est nova tempora aetas,
Et nova de gravido palmite gemma tumet.

Et modo formatis operitur frondibus arbos,
Prodit et in summum graminis herba Solum.

Калпурній Экк. V, 19.

Tunc et enim toto vernanti gramina silva
Pullat, et aestivas reparabilis inchoat umbras:
Tunc florent silvae viridisque renascitur annus.

Кто кому подражалъ, рѣшить весьма трудно. Можетъ быть всѣ сіи Геніи писали съ натуры. Впрочемъ намъ извѣстны *Томсоны*, *Клейсты*; описанія весны въ наше время безчисленны, всякой начинающій писать избираетъ весну предметомъ, и журналы наводняются красотами цвѣтущаго года.

НѢЧТО

о седьмой Идилліи.

Можетъ быть, изъ всѣхъ Идиллій Біоновыхъ, нѣтъ ни одной столько разрушенной временемъ, какъ *Эпиталама* Ахиллеса и Дейдаміи, или исторія любви ихъ. По мнѣнію многихъ, начало въ сей Идилліи вовсе другое, взятое, можетъ быть, изъ прочихъ его твореній, для насъ также потерянныхъ, а окончанія со всѣмъ нѣтъ. Чтожь осталось?

Въ не многихъ прекрасныхъ стихахъ, пылкія чувствованія Поэта, живыя картины и занимательная повѣсть о древнемъ преданіи. „Мирсонъ, „пастухъ проситъ сосѣда своего Ликидаса, спѣть „что нибудь, Сицилійское, нѣжное, любовное; Лики-„дасъ поетъ: какимъ образомъ Ахиллесъ, сей страш-„ный герой, провождалъ дни юности своей во мра-„кѣ, въ неизвѣстности, въ чертогахъ дѣвъ Лико-„медовыхъ; какъ онъ, одаренный мужествомъ из-„нурялъ силы свои нѣгою и дѣлался женоподоб-„нымъ!“

Мы видимъ какъ занимательно было бы окончаніе; но его нѣтъ, и мы жалѣемъ. Біонъ показалъ намъ въ сей Идилліи, или пастушескомъ разговорѣ, до чего пылкія страсти доводятъ молодаго чело-

вѣка; онѣ могутъ убить всѣ способности въ немъ, и даже генія; могутъ довесть до гибели, и какой Менелай исторгнетъ изъ чертоговъ Ликомедовыхъ? какой Менторъ благодѣтельною рукою низвергнетъ со скалы Калипсиной, онъ будетъ томиться, сохнуть, умирать душею, и наконецъ должно будетъ сказать съ Державинымъ:

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру!

*
* *

Разсмотримъ подробнѣе: Фалькенарій говоритъ, что первые три стиха взяты изъ другой Идилліи, и Пірсонъ утверждаетъ, что Біонъ заставилъ пѣть Ликидаса, о любви Полифема и Галатеи, и что сіи стихи можетъ быть относятся къ отрывку XII и XIV; тоже должно разумѣть и обѣ отрывкѣ X въ изд. Фалькенарія.

1) *Σικελὸν μέλος* т. е. *пѣснь пастушескую*; ибо отечествомъ пастушеской Поэзіи почиталась Сицилія. Такъ Виргилій въ Эклогѣ IV, 1:

Sicelides Musae paulo majora canamus. и Мосхъ въ III Идилліи, —

Ἄρχεται Σικελικαὶ τὸ πένθεος, ἄρχεται Μοῖσαι.
Ducite Sicelides mihi luctum ducite Musae.

2) Οἷον ὁ Κύκλωψ) *подобную Циклоповой.* Басня Полифема и Галатеи всѣмъ извѣстна; она многимъ древнимъ Поэтамъ подала поводъ къ описанію. Ѳеокритъ говоритъ о семъ предметѣ Идил. VI и XI и Овидій, заимствуя многое у Ѳеокрита описываетъ Полифема и Галатею въ XIII, басня 4.

3) Ἄεισεν Πολυφ.) вотъ слова Ѳеокритовы:

—— ὁ δὲ τὰν Γαλάτειαν ἀείδων,
Αὐτῶ ἐπ' αἰόνος κατετάκετο φυκιοέσσης,
Ἐξ ἀοῦς, ἔχθιστον ἔχων ὑποκάρδιον ἕλκος,
Κύπριδος ἐκ μεγάλας τό οἱ ἥπατι πᾶξε βέλεμνον.
Ἀλλὰ τὸ φάρμακον εὗρε· καθεζόμενος δ' ἐπὶ πέτρας
Ὑψηλᾶς, ἐς πόντον ὁρῶν, ἄειδε τοι αὐτα.

Овидій изобразилъ сіе мѣсто о Полифемѣ и Галатеи слѣдующимъ образомъ, Прев. к. XIII. басня 4.

Prominet in pontum cuneatus acumine longo
Collis: utrumque latus circumfluit aequoris unda,
Hunc ferus adscendit Cyclops, mediusque resedit.
Senserunt toti pastoria sibila montes
Senserunt undae. —

Въ 5. стихѣ должно читать Σκύριον, ὦ Λυκίδα, ζάλου μέλος; а не Σκύριον Λυκίδα ζαλῶν μέλος, какъ во всѣхъ изданіяхъ до сихъ поръ находится; ибо ζαλῶν нарушаетъ и мѣру стиха и смыслъ рѣчи: мѣру потому, что предпослѣдній слогъ въ Σκύριον никакъ долгимъ быть неможетъ; смыслъ потому, что во всей рѣчи не будетъ глагола, къ которому бы причастіе ζαλῶν относилось. Когдажъ прочесть Σκύριον ὦ Λυκίδα ζάλευ, *о Ликидасъ подражай Сциросскому сладкому пѣнію*; смыслъ полной и тогда долгое ὦ будетъ стоять на своемъ мѣстѣ ζάλευ дорич. вмѣсто ζήλου повел. отъ ζηλόω сред. aemulor *соревную*; Сциросскому, потому; что жители Сцироса съ торжественнымъ пѣніемъ праздновали любовь *Ахиллеса* и *Дейдаміи.*

Прочтя въ 6 стихѣ: Λάθρια Πηλεΐδαο φιλάματα, λάθριον εὐνάν, можно удивляться въ наше время, какъ невинны были Греки, когда равнодушно и скромно употребляли подобныя выраженія, не производя разврата въ ихъ любезныхъ нравахъ. Такъ Ѳеокр. въ Ὄαρις: ἀνίστατο φώριος εὐνή. Музей въ 1. стихѣ κρυφίους ἔρωτας — ст. 182. σκοτόεσσαν Ἀφροδίτην. —. ст. 237 κρυφίην εὐνάν. Еврипидъ Troad. ст. 252 λέκτρων σκότια νυμφευτήρια. Овидій Прев. к. IV. furtiva voluptas и furtivam noctem. Катуллъ furtivos amores. Вирг. Геор. IV, 346. dolos et dulcia furta.

7) Φᾶρος длинная верхняя одежда — Гарлесъ пишетъ Φάρος. Забавно видѣть, какъ многіе учоные спорятъ о

правописанія и значенія сего слова см. Идил. 1, ст. 3 и замѣчаніе. — Далѣе ἔχως — μορφὰν Кантеръ исправилъ ἐψεύσατο, вмѣсто ἐγεύσατο, которое прежде никакого, или весьма малый смыслъ имѣло. Впрочемъ 7, 8 и 9 стихи такъ испорчены временемъ, что многіе ученнѣйшіе мужи до сихъ поръ спорятъ о чтеніи ихъ и значеніи на примѣръ:

Швебеллій не отвергаетъ поправки Кантера; но поелику нѣтъ доказательствъ въ рукописяхъ, то удерживаетъ прежнее. По его смыслу: Ахиллесъ, будучи 9 лѣтъ, когда прибылъ къ Ликомеду, то при видѣ Дейдаміи почувствовалъ все могущество красоты. Смыслъ въ его чтеніи слѣдующій: *восмой, Ликидасъ, какимъ образомъ Ахиллесъ, въ первый разъ любовію плѣненный, покусился испытать красоту Дейдаміи.* Онъ приводитъ сей глаголъ въ томъ же значеніи, изъ другихъ Авторовъ, (смотри у Гарлеса). Такъ говоритъ Мосхъ въ Мегарѣ ст. 12.

Οὐδὲ τόσον σφετέρῃσιν ἐγεύσατο φροντίσι κηδέων.

т. е. *и не испыталъ толикихъ мученій въ своихъ подвигахъ.*

Но всѣ сіи мѣста ничего недоказываютъ: ибо должно доказать не только правильность выраженія γεύσασθαι μορφὰν, но смыслъ его настоящій и въ связи рѣчи. Поправка Кантера гораздо приличнѣе связи мыслей. Леннепій осуждаетъ такъ же ἐγεύσατο и исправляетъ слѣдующимъ образомъ:

Πῶς παῖς ἔσσατο, φάρει ὅπως δ' ἐψεύσατο μορφάν.

и φᾶρος вообще разумѣетъ онъ длинную одежду, подъ коею Ахиллесъ могъ скрыть полъ свой, и казаться дѣвушкою.

8 и 9. Стихи Урсинъ издалъ слѣдующимъ образомъ и ему послѣдовали прочіе:

Χ' ὤπως ἐν κούραις Λυκομηδίσιν ἀπαλέγοισα
Ἀλήθητ' ἄπαστον Ἀχιλλέα Δηϊδάμεια.

Но въ замѣчаніи говоритъ: „forte pro πάστον reponendum πλαστόν, ut ἀλήθητ' sit, latuerit“ — не знаю что изъ сихъ словъ понять можно? — Скалигеръ, въ своемъ изданіи, напечаталъ вотъ какъ:

Χ' ὤπως ἐν κούραις Λυκομηδίσι θάλπ' ἀλέγοισα
Ἄκμητον, καὶ ἄπαστον Ἀχιλλέα Δηϊδάμεια.

И я скажу, вмѣстѣ съ Гарлесомъ, что поправка перваго стиха весьма правильна; но въ другомъ стихѣ, его догадка очень неудачна; ибо въ самомъ дѣлѣ, что значитъ его ἄκμητον καὶ ἄπαστον, jejunum & impastum; *гладнаго и ненасыщеннаго*; и какую связь имѣетъ съ прочимъ. *Лонголетрей* въ первомъ стихѣ слѣдуетъ *Скалигеру*, а во второмъ читаетъ ἀκλεᾶ καὶ ἄπυστον, *не славнаго и неизвѣстнаго*, то есть Ахиллесъ, столь славный въ потомствѣ по мужеству, тогда еще былъ во мракѣ и неизвѣстности, мысль прекрасная! но Біонова ли? кто знаетъ. Кажется, нашедъ хорошее, должно бы и успокоиться, но ученость неутомима. Гарлесъ нахо-

діть, что здѣсь много перемѣнъ въ буквахъ, и читаетъ вотъ какъ:

Χ' ὅπως ἐν χώραις Λυκομηδίσι Θαλπ' ἀλέγουσα
'Αΐδῃ, ἠδὲ ἄπυστον Ἀχιλλέα Δηϊδάμεια.

Правда перемѣна ближе къ вульгарному и смыслъ тотъ же: но вотъ бѣда! первая стопа сдѣлалась анапестомъ; здѣсь онъ изъ двухъ четверишкахъ доказываетъ, что такой стихъ употребить можно, ссылаясь на Виргиліевъ и Гомеровъ.

Сверхъ сего *Леннепій* думаетъ, что послѣ 9го стиха, недостаетъ чего-то въ словахъ Мирсона. „Quae, ait, nisi hoc statuas, nimis subito abrumperentur, nihil enim adhuc de nuptiis Achillis et Deidamiae dixerat, quarum tamen mentio neceſſaria admodum erat, propter ea, quod praecipuum Idillii argumentum in eo situm fuerit, ut nuptiae Achillis celebrarentur." Довольно остроумно! но сему недоумѣнію нѣсколько пособить можно, естьли представимъ, что стихи съ 10 до 14 не на своемъ мѣстѣ, и что ихъ можно поставить въ концѣ отрывка. По сему самому стихъ 15 и слѣдующіе хорошо бы отвѣтствовали стиху девятому, и составили бы связь со всею рѣчью. Можетъ быть, и сіе дерзкое намѣреніе многимъ бы понравилось. Фалькенарій предпочитаетъ догадку Рункенія, который читаетъ вотъ какъ:

Χ' ὅπως ἐν χώραις Λυκομηδίσιν ἀγκάς ἔχοισα
Πηλείδην ἀγάπαξεν Ἀχιλλέα Δηϊδάμεια.

При сей поправкѣ, перестановка стиховъ вовсе не нужна; только переходъ будетъ нѣсколько быстръ; а быстрота переходовъ, въ изображеніи страстей, весьма свойственна Поэтамъ. — Впрочемъ ничего вѣрнаго опредѣлить не возможно; ибо мы не имѣемъ окончанія сей піэсы. Кажется, Ликидасъ, для удовлетворенія любопытства Мирсона, долженъ былъ подробно расказать, какимъ образомъ началась Троянская война и для чего Ахиллесъ скрывался; онъ долженъ былъ представить, въ живой картинѣ, всю басню любви ихъ и наконецъ окончаніе, или развязку. Сія басня и связь ея, есть преданіе, изобрѣтенное, можетъ быть, воображеніемъ и освященное вѣрою древнихъ. Здѣсь о немъ говоритъ Поэтъ; а Поэтовъ изъяснять не можетъ тупое перо хладныхъ комментаторовъ.

Стихъ 10. — Βωκόλος. Почти такимъ образомъ начинается Ὀαριςὺς Москова:

Τὰν πινυτὰν Ἑλέναν Πάρις ἅρπασε βωκόλος ἄλλος,
Μᾶλλον ἐμ' ἁ Ἑλένα τὸν βωκόλον ἐςὶ φιλεῦσα.

Стихъ 11. *Энона* была Фригійская Нимфа, владѣвшая прежде сердцемъ Париса — Кто хочетъ знать подробнѣе исторію любви ихъ; тотъ можетъ прочесть пятое посланіе Овидія, *Эноны къ Парису*. Первый супругъ Елены

былъ Менелай, который за похищеніе Елены возжегъ троянскую войну. Стацій Ахил. 1. стихъ 20 и слѣд.

Solverat Oebaliam clafsem de littore pastor
Dardanus, incautus blande populatus Amyclas.

Потомъ: Interea meritos ultrix Europa dolores.
Dulcibus armorum furiis, et supplice regum
Conquestu flammata movet: — —
— — Coeunt gens omnis et aetas:
Nec tantum exciti bimari, quos Isthmia vallo
Claustra, nec undifonae, quos circuit umbo Maleae,
Sed procul amotae. etc.
— — Innumera resonant incude Mycenae:
Pisa novat currus: vacuantur pascua ditis,
Arcadiae. etc.
Hos inter motus pigram gemit ora quietem
Thefsalis, et geminis incusat fata quaerelis:
Quod senior Peleus, nec adhuc maturus Achilles. etc.
Omnis in absentem belli manus ardet Achillem;
Nomen Achillis amant. etc. . . .

Вотъ главнѣйшіе стихи, сюда относящіяся; впрочемъ любопытные могутъ прочесть и самаго Стація.

14). Урсинъ первый издалъ и всѣ ему послѣдовали *Φέρων δισσὶν ἀνὰν ἄρνα.* Между тѣмъ въ замѣчаніи говоритъ: „ἄρνα Clasomenii adpellant τὸν ὅρκον, atque ejus juramenti fieri mentionem a Stesichoro apud Homeri Scholiasten in

Iliade β'". Великій Казаубоній думалъ, что должно читать *Φέρων χάριν Ἀτρείδῃσιν*; но сія догадка далеко отходитъ отъ древней рукописи. Скалигеръ читаетъ: *Φέρων τισὶν αἰνὸν* (или *αἰπὺν*) *ἀρῆα.* *Неся другимъ жестокую войну.* *Лонголетрей* щастливѣе всѣхъ сдѣлалъ свою догадку, перемѣнивъ одно только удареніе: *Φέρων τίσιν, αἰνὸν ἀρῆα.* *Неся отмщеніе, войну ужасную.* Сію поправку и я принялъ въ текстъ вмѣстѣ съ Гарлесомъ. Истинное же слово, или отъ худого прочтенія переписчика, или отъ ошибки въ первомъ оригиналѣ совершенно потеряно. *Фалькенарій* думаетъ, вмѣстѣ съ *Рункеніемъ*, что истинное чтеніе есть *Φέρων Φθισάνορ' Ἀρῆα.*

16.) Гарлесъ читаетъ:

Εἴρια δ' ἀνθ' ὅπλων ἐδιδάσκετο, καὶ χερὶ λευκᾷ
Παρθενικὸν κόπον εἶχεν· ὑφαίνετο δ' ἠΰτε κώρα·
Κὰδδ' ἄρ' ἴσον τήναις θηλύνετο.

Въ Урсинѣ и другихъ изданіяхъ вотъ какимъ образомъ:

Παρθενικὸν κορὸν εἶχεν· ἐφαίνετο δ' ἠΰτε κώρα·
Καὶ γὰρ ἴσον τήναις θηλύνετο.

Но *κόρος* что значитъ? мысль недостойная Царицы! будто бы Ѳетида, представила Ликомеду, какъ дочь свою, Ахиллеса, котораго онъ воспиталъ межъ дочерьми своими. Скалигеръ примѣтилъ, что сіе чтеніе не лѣпо и исправилъ

оное, поставивъ *κόπον*, вмѣсто *κορόν*. *Лонголетрей* удерживаетъ прежнее чтеніе и очень много не кстати толкуетъ о должностяхъ Царицъ древнихъ. Кто повѣритъ, чтобы Царицы, или Царевны (особенно при дворѣ Ликомеда, который такъ славенъ у Стація по утонченной роскоши), имѣли въ спальняхъ своихъ *κόρας*; но естьли бы даже допустить и сіе, чего допустить невозможно, то къ чему же *παρθένικὸς* *дѣвственный*? весьма очевидно, что должно быть *παρθενικὸν κόπον*, *дѣвственный трудъ*, *женскія занятія*, *пряжа*, *тканье* и проч. вмѣсто вульгарнаго ἐφαίνετο, *сдѣлался*, Гарлесъ написалъ ὑφαίνετο, *казался совершенно дѣвицею*

Въ томъ же стихѣ: Εἴρια δ' ἀνθ' ὅπλων). Такъ Стацій говоритъ о Дейдаміи, которая учитъ Ахиллеса. Ахиллеид. К. I. стихъ 570.

Ipsa quoque et validos proferre modestius artus
Demonstrat, reficitque colos et perdita dura
Pensa manu.

Межъ тѣмъ самъ Ахиллесъ жалуется на свое бездѣйствіе. Стихъ. 624.

Ast ego pampineis diffundere brachia Thyrsis,
Et tenuare colos, (pudet heu taedetque fateri)
Iam scio.

И вотъ какъ утѣшаетъ печальную Деидамію:

— Neque ego hos cultus, aut foeda subissem
Tegmina, ni primo te visa in littore: cessi
Te propter: tibi pensa manu, tibi mollia gesto
Tympana. — *Гескинъ*.

Въ 18 стихѣ, глаголъ Θηλύνετο весьма хорошо выражаетъ принужденное желаніе нравиться, *кокетствовать* сіе стремленіе чувствъ поддѣльныхъ, которыя любовь производитъ въ юномъ сердцѣ. Такъ Θеокритъ говоритъ: Идиллія XX стихъ 14: Καὶ πολὺ τᾷ μορφᾷ Θηλύνετο.

Тамъ же. Καὶ τόσον — παρειῇ. Вотъ какъ Біонъ хвалитъ красоту Ахиллеса! каждое слово, кажется, придаетъ новую пріятность. Ἄνθος есть *цвѣтъ юности* должно знать, что обѣ Ахиллесѣ говорятъ: erat omnium aetatis suae multo formosissimus; il etoit le plus beau de tous les Grecs. Подобнымъ образомъ Гезіодъ въ Θеогон. хвалитъ красоту юноши; стихъ 988.

Τὸν ῥα νέρεν ἄνθος ἔχοντ' ἐρικύδεος ἥβης. т. е. *юношу, имѣвшаго нѣжный цвѣтъ прекрасной юности*.

Гомеръ въ Одиссеѣ К. XI. стихъ 318.

— Πρὶν σφῶϊν ὑπὸ κροτάφοισιν ἰούλους
Ἀνθῆσαι, πυκάσαι τε γένυς εὐανθέϊ λάχνῃ.

Antequam illic sub temporibus lanugo
Floreret, ornarenturque genae florenti herba.

Виргилій Энеид. VIII. 160.

Tum mihi prima genas vestibat flore juventas

Лукреція. К. V, 886. и слѣд.

Tum demum pueris aevo florente juventas
Occipit, et molli vestit lanugine malas.

Впрочемъ слова *Χιονέαις πόρφυρε παρειῆς* Стацій въ Ахиллендѣ перевелъ; кн. I. стихъ 161.

— Niveo natat ignis in ore
Purpureus, fulvoque nitet coma gratior auro:
Nec dum prima nova lanugine vertitur aetas.

Любопытные могутъ прочесть при семъ Каллимаховъ Гимнъ Дел. стихъ 112. и тамъ же замѣч: Эрнест. и Спанг. Ѳеокрит. Идил. XIII стихъ 27. и замѣчаніе.

Въ 20 стихѣ Καλύπτρη *покрывало головной женской уборъ.* Гомеръ въ Иліадѣ. X, 406. говоритъ.

— Ἡ δέ νυ μήτηρ
Τίλλε κόμην, ἀπὸ δὲ λιπαρὴν ἔρριψε καλύπτρην.

т. е. *Но мать рвала волосы и сбросила съ главы блестящее покрывало. Гезихій* καλύπτρα, κόσμητρα. Κεφαλῆς καλύμματα, гдѣ можно видѣть Альберт. который одобряетъ Перизонія у Эліяна Раз. Истор. VII, 9. стран. 190 изд. Гроновія. Кажется, что Καλύπτρα, былъ такой головной уборъ

который защищалъ отъ дождя и въ тоже время, возвышаясь, украшалъ голову. Можно видѣть о семъ у Фейѳія Antiqu. Homeric. стр. 324. изд. Стебера. *Гарлесъ.*

Въ 22 стихѣ *παρύζετο Δηϊδαμείᾳ*, *Кантеръ* исправилъ и такъ приняли въ Текстъ *Брункъ* и *Фалькенарій.* Во всѣхъ прежнихъ издадіяхъ было *μαςίζετο*, глаголъ, какой едвали можно найти въ греческомъ языкѣ. Такъ Виргилій въ Георгик. Кн. IV, 465.

Te dulcis conjux, te solo in littore secum,
Te veniente die, te decente canebat.

И Горацій книга II ода 9 я.

— Nec tibi vespero
Surgente decedunt amores,
Nec rapidum fugiente solem.

Стацій объ Ахиллесѣ, преслѣдующемъ Дейдамію говоритъ — Ахил. 1. 558.

— Illam sequiturque premitque,
Improbus illam oculis iterumque iterumque resumit:
Nunc nimius lateri non evitantis adhaeret:
Nunc levibus fertis, lapsis nunc sponte canistris,
Nunc Thyrso parcente ferit: *modo dulcia notae*
Fila lyrae, tenuesque modos, et carmina monstrat.

Chironis, *ducitque manum digitosque sonanti*
Infringit Citharae; nunc occupat ora canentis
Et ligat amplexus, et mille per oscula laudat.
— *Гескинъ*.

Но нѣтъ нужды въ догадкѣ *Гескина*; смотри сіе же самое мѣсто, имъ одобряемое; особенно стихъ 561. Доказываетъ поправку παρίζετο что утверждаетъ и Леннепій.

Въ 24 стихѣ.

Στᾶμ' ἀνὰ καλὸν ἄειρε τὰ δ' ἀδέα δάκρυα ἐπῖνει.

Такъ, думаетъ *Гарлесъ*, читать должно, по догадкѣ *Урсина*. Межъ тѣмъ во всѣхъ изданіяхъ: Στόμ' ἀνὰ, что по его мнѣнію противно и мѣрѣ стиха и смыслу. Сія поправка нравилась и *Лонголетрею*; но онъ, либо не примѣтилъ, либо не зналъ, что прежде его такъ прочелъ *Урсинъ*. Здѣсь Поэтъ желаетъ дать знать, что Ахиллесъ, обнимая Деидамію, иногда приподнималъ ее нѣсколько въ своихъ объятіяхъ. Сіе часто случается юношамъ, когда съ жаромъ обнимаютъ возлюбленную. — Старикъ *Скалигеръ* подумалъ, что здѣсь Поэтъ говоритъ о волнѣ и прочелъ:

Στᾶμ' ἀνὰ (или лучше στάμονα) κ. α. τὰ δ' ἀδέα κάιρε ἀεπῖνει.

Прекрасно! но здѣсь дѣло идетъ не о женскихъ занятіяхъ, какъ замѣчаетъ *Лонголетрей*, который такъ же подъ словомъ τὰ δάκρυα разумѣетъ тѣ слезы, которыя

проливала Дейдамія, или отъ минутной разлуки, или отъ страха и безпокойства, кои изъявляли нѣжную страсть къ Ахиллесу, и были ему весьма пріятны. *Гескинъ*. Шебел. и Фельк думаютъ: Στάμονα καλὸν ἄειρε, τὰ δ' ἀδέα κάιρε ἐπῆνει — *то* καῖρος *волна*, *ленъ*. *Леннепій* поправляетъ довольно смѣло; но не такъ удачно:

Στάμονα κάλον ἄειρε τὸ δαίδαλα δ' ἄτρι' ἐπῆνει.

Швебелій удержалъ въ текстѣ Στόμ' ἀνὰ, а въ нотахъ, кажется предпочитаетъ поправку Урсина Στᾶμ'. Впрочемъ глаголъ ἄειρε взятъ по подобію, въ переносномъ смыслѣ отъ борцовъ къ сподвижникамъ любви; ибо когда одинъ хотѣлъ сбить другаго съ мѣста, то обыкновенно говаривалъ, какъ въ Иліадѣ пѣснь XXIII. стихъ 724: ἤ μ' ἀνάειρ', ἢ ἐγὼ σὲ *или ты меня подними*, *или я тебя*.

31.) Αὐτὰρ ἐγὼ μῶνα μίμνω, σὺ δὲ νύμφα καθεύδεις.
Αἱ δύο παρθενικαὶ συνομάλικες, αἱ δύο καλαὶ
Ἀλλὰ μόναι κατὰ λέκτρα καθεύδομες.

Такъ читать должно, думаютъ *Гарлесъ* и *Фалькенарій*. Мимоходомъ, сказать можемъ, какія прекрасныя мысли! какое простодушіе и чистосердечіе! какое невинное признаніе въ любви — во всѣхъ прежнихъ изданіяхъ:

Αἱ δ' ἀποπαρθενικαὶ συνομάλικες, αἱ δύο καλαὶ
Ἀλλὰ μόναι καὶ λέκτρα καθεύδομες

Смыслъ весьма запутанный. Вмѣсто *αἱ δ᾽ ἀποπαρθενικαὶ*, какого слова нѣтъ ни гдѣ, *Фалькенар.* и *Гарлесъ*, сдѣлавъ весьма малую перемѣну, читаютъ: *αἱ δύο παρθενικαὶ*, что придаетъ красоту словамъ и мыслямъ; особенно повторенiе: *αἱ δύο παρθενικαὶ*, *αἱ δύο καλαὶ* — *мы двѣ дѣвицы*, *мы двѣ красавицы.* Вмѣсто Ἀλλὰ, *Лонголетр.* и *Фалькен.* читаютъ Ἄλλα. Вмѣсто *καὶ*, *Скалигеръ* поправилъ *κατὰ*. Впрочемъ подобная простота есть у Θеокрита, гдѣ пастухъ, въ Eunic: стихъ послѣднiй, говоритъ: *Μώνη ἀνὰ νύκτα καθεύδοις.* Такое же точно возвышенное простосердепiе (naïf) мы видимъ въ Сафѣ:

> Δέδυκε μὲν ἁ Σελάνα,
> Καὶ Πληϊάδες, μέσαι δὲ
> Νύκτες, παρὰ δ᾽ ἔρχεθ᾽ ὥρα·
> Ἐγὼ δὲ μόνα καθεύδω.

Уже сокрылась прекрасная Дiана, помрачились Плеяды, уже ночь на срединѣ пути своего и часъ прошелъ, а я одна возлежу на ложѣ. Здѣсь Гарлесъ для мѣры стиха поставилъ Πληϊάδες. Такъ Овидiй Героид. 1. стихъ 7. говоритъ.

Non ego deserto jacuifsem frigida lecto.

31.) Ἀ δὲ πονηρὰ Νύσσα καὶ δολία) Такъ читать должно, по догадкѣ *Лонголетрея* и, еще прежде его, по догадкѣ *Пальмерiя.* Въ обыкновенныхъ изданiяхъ Νύσσα, γὰρ δολία. Скалигеръ поправляетъ Νύσσα γὰρ ἀργαλέα, но здѣсь

нѣтъ Поэзiи. Νύσσα, собственно значитъ *мѣта*, *цѣль*, *доска* и здѣсь оно означаетъ стѣну — единственное вмѣсто множественнаго — *Гескинъ.* Одному только *Леннепiю* не нравилась здѣсь Νύσσα; ибо, говоритъ онъ, одна только ночь разлучала Ахиллеса и Дейдамiю и онъ читаетъ:

> — — ἁ δὲ πονηρὰ
> Νὺξ ἀλλ᾽ ἀργαλέα με κακῶς ἀπὸ σεῖο μερίσδει.

32.) Οὐ γὰρ ἐγὼ σέο — Какъ жаль, что прочее похищено отъ насъ завистливымъ временемъ! здѣсь недостаетъ еще очень многаго.

Можетъ быть, не осталось уже никакихъ средствъ, обрести потерянное. Здѣсь видно, что недостаетъ еще самаго занимательнаго, какимъ образомъ храбрѣйшiй изъ Грековъ Ахиллесъ, оставилъ наконецъ и чертоги Ликомедовы и возлюбленную Дейдамiю — любопытство силится узнать, достигъ ли онъ желаемаго? былъ ли узнанъ; или самъ открылся? и наконецъ какимъ образомъ изъ нѣжнаго, женоподобнаго юноши, сдѣлался Героемъ, никѣмъ не побѣдимымъ.

ИДИЛЛІЯ VIII.

КЪ ГЕСПЕРУ

Ἕσπερε, τᾶς ἐρατᾶς χρύσεον φάος Ἀφρογενείας,
Ἕσπερε, κυανέας ἱερὸν, φίλε, νυκτὸς ἄγαλμα,
Τόσσον ἀφαυρότερος μήνας, ὅσον ἔξοχος ἄστρων,
Χαῖρε φίλος· καί μοι ποτὶ ποιμένα κῶμον ἄγοντι
Ἀντὶ σελαναίας τὺ δίδȣ φάος· ὥνεκα τήνα,
Σάμερον ἀρχομένα, τάχιον δύεν. ȣ̓κ ἐπὶ φωρὰν
Ἔρχομαι, οὐδ᾽ ἵνα νυκτὸς ὁδοιπορέοντ᾽ ἐνοχλήσω·
Ἀλλ᾽ ἐράω· καλὸν δέ τ᾽ ἐρασσαμένῳ συνερᾶσθαι.

ИДИЛЛІЯ IX.

КЪ ВЕНЕРѢ.

Ἅμερε Κυπρογένεια Διὸς τέκος ἠδὲ θαλάσσας,
Τίπτε τόσον θνατοῖσι καὶ ἀθανάτοισι χαλέπτεις;
Τυτθὸν ἔφαν, τί νυ τόσσον ἀπέχθεο, καὶ τί νυ αὐτὰ,
Ταλίκον ὡς πάντεσσι κακὸν τὸν Ἔρωτα τέκηαι,
Ἄγριον, ἄστοργον, μορφᾷ νόον ȣ̓δὲν ὅμοιον;
Ἐς τί δέ νιν πτανὸν καὶ ἑκαβόλον ὤπασας ἄμμιν,
Ὡς μὴ πικρὸν ἐόντα δυναίμεθα τῆνον ἀλύξαι;

ИДИЛЛІЯ X.

КТО ЩАСТЛИВЪ?

῞Ολβιοι οἱ Φιλέοντες, ἐπὴν ἶσον ἀντεράωνται.
῞Ολβιος ἦν θασεὺς τῶ Παριθόω παρεόντος,
Εἰ καὶ ἀμειλίκτοιο κατήλυθεν ἐς ᾽Αΐδαο.
῞Ολβιος ἦν χαλεποῖσιν ἐν αξείνοισιν ᾽Ορέςας,
Οὕνεκα οἱ ξυνὰς Πυλάδας ἥρητο κελεύθȣς.
῏Ην μάκαρ Αἰακίδας ἑτάρω ζώοντος ᾽Αχιλλεὺς,
῞Ολβιος ἦν θνάσκων, ὅτι οἱ μόρον αἰνὸν ἄμυνεν.

НѢЧТО

объ осьмой Идилліи.

Сіе привѣтствіе Гесперу излилось въ тихомъ и ровномъ спокойствіи души Біоновой, которое бываетъ удѣломъ сердецъ чувствительныхъ и нѣжныхъ. Оно написано въ какомъ-то духѣ унынія, ожиданія и надежды; прочитавъ его, невольно придешь въ нѣкоторую томную меланхолію.

Сія Идиллія сохранена Стобеемъ въ 61 главѣ. ф. Урсинъ первой издалъ ее подъ именемъ Біоновой. Во всѣхъ прежнихъ изданіяхъ находилась она въ твореніяхъ Мосха. Содержаніе сей Идилліи весьма просто: „Поэтъ привѣтствуетъ вечернюю звѣзду, „или звѣзду Венеры, и проситъ, чтобъ она, когда „зайдетъ луна, пролила тихій блескъ свой и озарила его шествіе; ибо онъ не хищникъ не нарушитель покоя, но страстный, идущій на свиданіе съ любезной. О Гесперъ! — говоритъ онъ — „будь другомъ мнѣ и ей.“

Замѣтимъ особенно сей духъ унынія, которому не многіе пастушескіе Поэты подражать умѣли. Сія Идиллія доказываетъ образованность чувствованій, которыя, съ утонченіемъ нравовъ,

переливаются изъ пламенныхъ порывовъ, въ тихое меланхолическое ощущеніе. —

*
* *

Первые два стиха натуральны, живописны, и весьма пріятны!

1) Ἕσπερε, —) Виргилій Энеиды К. VIII. 389. и слѣд.

Qualis ubi oceani perfusus Lucifer unda,
Quem Venus ante alios astrorum diligit ignes,
Extulit os sacrum coelo, tenebrasque resolvit.

или Клавдіанъ Fesc. Ода. 4.

Attollens thalamis jubar Jdalium
Dilectus Veneri nascitur Hesperus.

Можно видѣть Иліяды X, 318. Каллимахъ въ Гим. Делосу 303. и тамъ же замѣчанія Спангейма и Швебеллія къ сему мѣсту.

2) Νυκτὸς ἄγαλμα.) Въ изданіи Г. Стефана и въ обыкновенныхъ, сіе мѣсто переводятъ: *noctis imago*, *образъ ночи*. Странно! чтожъ можетъ быть образомъ ночи, кромѣ самой ночи, или чего нибудь подобнаго? и такъ Вулканій принялъ *ἄγαλμα* за *утѣшеніе*, или *увеселеніе*; такъ какъ говоритъ Катуллъ въ Carm. nupt:

Hespere, qui coelo luces jucundior ignis.

И тамъ же приводитъ Гомера, который въ IV. пѣсни Иліад. говоритъ? *Βασιλῆϊ δὲ κεῖται ἄγαλμα* и утверждаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о томъ, что употребляли Цари для удовольствія во время *κειμήλια*. — Но и въ семъ Гомеровомъ мѣстѣ слово *Ἄγαλμα* лучше перевесть чрезъ *decus*, *ornamentum*, *украшеніе*; ибо Поэтъ говоритъ не о тѣхъ только вещахъ, которыя служили для удовольствія, но которыя иногда были въ употребленіи, что явствуетъ изъ слѣдующаго тамъ стиха:

Ἀμφότερον, κόσμος δ' ἵππῳ, ἐλατῆρι τε κῦδος.

И такъ Гарлесъ перевелъ *sacrum decus noctis*, *священная краса ночи*. Урсинъ, между прочимъ замѣчаетъ, будто бы Виргилій, хотѣлъ перевесть слово *ἄγαλμα*, когда говоритъ iri decus coeli, а прилагательное *ἱερὸν*, относится къ слѣдующему стиху, гдѣ онъ говоритъ extulit os sacrum. — Съ такою же пріятностію Музей въ стихѣ 8, говоритъ: *Λύχνιον ἔρωτος ἄγαλμα.* Можно видѣть при семъ Ѳеокрита Идил. II. 161. и слѣд. и тамъ же замѣчаніе.

Подобно 3 стиху Гомеръ такъ же съ похвалою описываетъ красоту Геспера Ил. XXII, 317.

Οἷος δ' ἀςὴρ εἶσι μετ' ἄςρασι νυκτὸς ἀμολγῷ
Ἕσπερος, ὃς κάλλιςος ἐν ὐρανῷ ἵςαται ἀςήρ.
Qualis ſtella procedit inter ſtellas nocte intempeſta
Heſperus, quae pulcerrima in coelo posita eſt ſtella

Такъ Пиндаръ въ Исѳм. Одѣ IV. строфа 2. говоритъ:

— ἑωσφόρος θα-
ητὸς ὡς ἄςροις ἐν ἄλλοις, *то есть:*

Lucifer conspicuus ceu astra inter caetera.

И Стацій въ Epicedio Pil. Urs. Silu: II, 79.

Qualis erat, (procul heu)! cunctis puerisque virisque
Pulcrior, & tantum domino minor! illius unus
Ante decor, *quantum praecedit clara minores*
Luna faces, quantumque alios premit Hesperus ignes.

Гескинъ. Сіе мѣсто почти отъ слова до слова переведено изъ Біона. Флаккъ, весьма щастливо льстя, умѣлъ прекрасно перенесть сіе подобіе къ созвѣздію Іула книга I. ода 12. стихъ 45.

— — micat inter omnes,
Julium sidus, velut inter ignes
Luna minores.

ѳ.) Κῶμον ἄγοντι. — Κῶμος собственно значитъ бесѣда, пляска, пѣніе; и Κῶμος называется еще богъ поспѣшности и веселыхъ пировъ. *Гезихій.* Κῶμος, εἶδος ὀρχήσεως ποιμένος (Фаберъ читаетъ ποιμενικῆς) τινὸς, ἤ μένη τινὸς (Фаберъ читаетъ ἤ μετὰ μέθης, иные ἤ μέλος τινὸς). Ѳеокритовъ схоліастъ въ Идил. III, 1. говоритъ: κωμάζειν λέγεται ἐπὶ τῶν κατὰ νύκτα εἰς τὰς ἐρωμένας ἀπερχομένων — Вообще переводятъ сіе мѣсто *commessatum eunti, пировать идущему,* и сіе

точно соотвѣтствуетъ выраженію греческому. Лонгопетрей однакожъ переводитъ: je vais conduire une serenade. Κωμάζειν, какъ мнѣ кажется, собственно значитъ *пировать,* во всемъ значеніи сего слова. Вулканій весьма удачно перевелъ сіе мѣсто.

— Pastorum convivia mixta choreis
Dum peto. — —

Глаголъ ἄγοντι лучше идетъ къ мысли Лонгопетреевой, нежели къ общимъ переводамъ. Греки говорили ἄγειν ἡμέραν, *провесть день* и Діонисій Періегета гдѣ-то говоритъ:

— Κῶμον ἄγουσιν ἐριβρεμέτῃ Διονύσῳ. *Гарлесъ.*

Въ семъ мѣстѣ ἄγουσι точно тоже, что латинское agunt, *проводятъ,* и въ семъ значеніи ἄγοντι, полагается вмѣсто ἄξοντι. Но и ἄγειν, просто, само по себѣ, означаетъ *ire, итти:* какъ доказываетъ Гезихій. Впрочемъ выраженію, κῶμον ἄγειν, есть подобное, ἑορτὴν ἄγειν, или ἀνάγειν. *торжествовать празднество,* у Геродота 1. гл. 147.

Въ 6 стихѣ οὐκ ἐπὶ φωρᾷν, въ Урсинѣ и обыкновенныхъ изданіяхъ φωρᾶν, съ облеченнымъ, неопредѣленное, вмѣсто существительнаго. Но сіе несправедливо потому, что τὸ φωρᾶν не значитъ *воровать,* но *поймать въ воровствѣ.* Гескинъ, у *Гарлеса.*

8) Καλὸν δὲ τ᾽ ἐρασσαμένῳ συνεῖσθαι. Различнымъ образомъ переводятъ: въ обыкновенныхъ изданіяхъ: decet aman-

tem simul ab aliis amari, *пріятно любящему быть отъ другихъ любимымъ.* Вулканій перевелъ:

Verum amo. Amans alieno est dignus amore.

т. е. *но я люблю. Любящій достоинъ любви другихъ,*

Но естьли συνεράσθαι принять въ семъ смыслъ, то кажется лучше перевесть. *Пріятно любовнику* быть *взаимно любимымъ.* Сколько сія мысль, сама по себѣ, ни пріятна; но въ связи не имѣетъ силы. Ибо Поэтъ привѣтствуя Геспера, проситъ его содѣйствія, помощи и потому я съ Лонгопетреемъ и Гарлесомъ перевелъ:

Иду къ возлюбленной моей;
О Гесперъ, тихій свѣтъ! будь другомъ мнѣ и ей.

Сія мысль; кажется мнѣ, и натуральнѣе и связнѣе со всею Идиллією есть еще одно подражаніе на Италіянскомъ:

— Vaga, amarosa stella
A cui null' altra pari in ciel resplende,
Ne si leggiadra il suo bel lume accende,
Mentre ch'al sen della mia donna torno,
Al soave ricetto — —
Scorgendomi ti mostra fida duce.

Въ заключеніе приведемъ прекрасные стихи нашего Капниста, гдѣ онъ не съ радостію, но съ горестію обращается къ Лунѣ и призываетъ грустить съ собою:

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина,
Выходитъ изъ за рощи
Печальная луна;
Я лиру томно строю
Пѣть скорбь, обьявшу духъ;
Прійди грустить со мною
Луна, печальныхъ другъ?

*

Но пѣсни сей плачевной
Прервать я долженъ тонъ:
Слезами омоченный
Нѣмѣетъ лиры звонъ.
Безмолвною тоскою
Сильняй тѣснится духъ;
Прійди жъ грустить сомною
Луна печальныхъ другъ

*

НѢЧТО

о десятой Идиллiи.

Сiя Идиллiя, по краткости и сильнымъ мыслямъ, кажется больше одною минутною жалобою на Венеру, нежели пастушескимъ невиннымъ творенiемъ. Она во многомъ сходна съ новѣйшими *impromptu къ Амуру.* Сколько жалобъ на бѣднаго малютку, Бога-любви?

Видно Бiонъ въ юныхъ лѣтахъ испыталъ горести любви и, чувствуя ихъ во всей силѣ, излилъ жалобу свою къ Венерѣ. Кто не испыталъ ихъ? но онъ даетъ необыкновенный оборотъ жалобѣ своей. „О Венера! чѣмъ мы возбудили гнѣвъ твой? за „что ты, для бѣдствъ нашихъ, произвела на свѣтъ „Амура жестокаго, крылатаго и искуснаго метать „стрѣлы, такъ что мы нигдѣ отъ него убѣжать „не можемъ.“ Красота виною любви; а любовь виною горестей. Нетоже ли говоритъ Капнистъ:

Ахъ пусть она бъ была,
Или не такъ сурова;
Или не такъ мила.

Сiи семь горестныхъ стиховъ, подъ именемъ Бiоновыхъ сохранены *Кантеромъ* (in variis lectionibus

к. I. гл. XX. стр. 48.) и находятся въ *Стобеѣ* (гл. 64. стр. 401. изд. Гесн. и стр. 267. изд. Гроц.) а *Фалькенарiй* помѣстилъ сiю Идиллiю въ концѣ творенiй Бiоновыхъ. Любопытные прочтутъ далѣе:

*
* *

Въ 1 стихѣ Κυπρογένεια — *Венера*; но она была не одна. Цицеронъ, de Nat. Deor. кн. III. п. 23. считаетъ четыре Венеры. Бiонъ называетъ Венеру дочерiю зевеса и моря, противъ общенароднаго понятiя, ибо Венера, родившаяся отъ зевеса, имѣла матерью *Дiону*; а та Венера, которая явилась изъ моря, родилась отъ морской пѣны и крови небожителей. Такъ вѣрили древнiе по своимъ преданiямъ.

4.) Τυτθὸν ἔφαν. — Такъ говоритъ Дафнисъ въ Θеокритѣ, Идил. I, 100.

— — Κύπρι βαρεῖα
Κύπρι νεμεσσατά, κύπρι θνατοῖσιν ἀπεχθής.

То есть: *о Венера тягостная, Венера ненавистная, Венера для смертныхъ несносная!*

5. Μορφᾶ — ὁμοῖον. Почти такъ же описываетъ Амура сама Венера, когда онъ бѣжалъ отъ нее. Мосхъ какъ ученикъ Бiоновъ подражалъ сему мѣсту въ Идил. I, 9.

Οὐ γὰρ ἴσον νοέει, καὶ φθέγγεται.

Когда жъ разсердится, бѣда, жестокъ не скроженъ.
Обманчивъ и изъ глазъ примѣтно вѣроломенъ.

Подобное мѣсто есть у Ѳеокрита Идил. III, 15. и слѣд. сила и могущество любви весьма пространно обьяснены *Клоцомъ* въ книгѣ подъ названіемъ: Ueber den Nutzen und Gebrauch der alten geschnittenem steine, und ihres Abdrúcke, стр. 198 и слѣд. и *Буркардъ* въ переводѣ съ Аглинскаго *Сланса* von der Uebereinstimmung der Werke der Dichter mit den Werken der Künstler nach dem Englischen 1773. стр. 89. и слѣдующія. *Гарлесъ.*

6) Ἔς τί δὲ νιν — τῆνον ἀλύξαι. Мысль прекрасная, по противоположности своей! *какъ онъ ни жестокъ, а мы не можемъ избѣжать его.* Подобная мысль находится въ одной греческой эпиграммѣ:

Φεύγειν δὴ τὸν Ἔρωτα κενὸς πόνος· ὃ γὰρ ἀλύξω.
Πεζὸς ὑπὸ πτηνοῦ πυκνὰ διωκόμενος.

Fugere Amorem labor irritus: non enim evadam
Pedes ab alto celeriter insectatus.

Такъ Тассъ говоритъ въ Аминтѣ.

E che giova fuggir da lui ch'a l'ali?

И Проперцій I. 1. и слѣд.

Cynthia prima suis miserum me cepit ocellis,
Contactum nullis ante Cupidinibus.
Tum mihi constantis dejecit lumina fastus,
Et caput impositis pressit amor pedibus.

При семъ можно видѣть забавное Проперціево стихотвореніе о видѣ и силѣ Амура. Книга II ст. 9. *Брукгъ* приводитъ прекрасную Эпиграмму того же содержанія. Томъ же Проперцій К. II. эл. X, 1, и слѣд. жалуется:

Non tot Achaemeniis armantur Susa sagittis
Spicula quot nostro pectore fixit amor.

НѢЧТО

о десятой Идилліи.

Сію Идиллію должно почесть отрывкомъ; а не полнымъ пастушескимъ твореніемъ. Видно Поэтъ началъ съ тѣмъ вычисленіе *кто щастливъ*, что бы въ концѣ показать сокровенную тоску сердца своего, и открыть свое нещастіе, раждавшееся, можетъ быть, отъ какой нибудь тайной, нѣжной страсти, на которую ему не отвѣчали. Сіе примѣтно изъ перваго стиха.

Ὄλβιοι οἱ φιλέοντες ἐπὴν ἴσον ἀντεράονται, т. е.

Блаженъ кто, самъ любя, равно любимъ взаимно.

Однакожъ такъ думать только позволено; но рѣшительно утвердить не возможно. Одно только справедливо то, что она окончанія не имѣетъ. Въ сей Идилліи особенно достоинъ замѣчанія выборъ историческихъ и миѳологическихъ лицъ, которые, щастіемъ своимъ, могли возбудить зависть нашего Поэта. Сіе твореніе сохранено Стобеемъ въ главѣ: περὶ Ἀφροδίτης πανδήμου. Остается пожалѣть, о той потерѣ, которую время нанесло сему творенію и разсмотрѣть его подробнѣе.

Въ 1 стихѣ. Ὄλβιοι — такъ точно Ѳеокритъ въ Идилліи XII, 15. говоритъ:

ἦ ῥα τότ᾽ ἦσαν
Χρύσειοι πάλαι ἄνδρες, ὅκ᾽ ἀντιφίλησε φιληθεὶς·

т. е. *Подлинно древле были золотые вѣки, когда любящій былъ любимъ взаимно.*

2) Тезей и Периѳой Герои, извѣстные по дружеству и взаимной вѣрности. *Меурзій* на греческомъ написалъ о Тезеѣ особенную книгу, которую *Гроновій* принялъ въ Thesaur: antiqui Vol X. Можно еще видѣть о семъ въ Бергерѣ: *сокровище Бранденбурское* томъ I стр. 99 и слѣд. объ Ахиллесѣ и Патроклѣ, все сказалъ Гомеръ въ Иліядѣ.

4) Χαλεποῖσιν ἐν Ἀξένοισιν) *Аксены* (не гостепріимные) назывались народы, жившіе по берегамъ чернаго моря и самое море называлось (должно думать прежде) *Аксинскимъ* (не гостепріимнымъ по причинѣ бурь, часто на немъ бывающихъ. Овидій Trist. IV., 4. 55 и слѣд. выводитъ причину сего названія слѣдующимъ образомъ:

Frigida me cohibent Euxini littora ponti,
Dictus ab antiquis *Axenus* ille fuit.
Nam neque jactantur moderatis aequora ventis,
Nec placidas pontus hospita navis habet,
Sunt circa gentes, quae praedam sangvine quaerunt,
Nec minus infida terra timetur aqua.

Такимъ образомъ, говоритъ Лукіанъ in Toxar: о *Пиладѣ и Орестѣ*: μήτε τὴν προσηγορίαν καταδείσαντες, ὅτι ἄξενος ἐκαλεῖτο, αἰα, οἶμαι, ἀγρίων ἐθνῶν περιοικούντων. *И названія не страшась, поелику не гостепріимнымъ назывался, по народамъ, думаю, дикимъ вокругъ обитающимъ.* — Можно думать, что Греки, называли прежде Черное море ἄξενος *не гостепріимнымъ*; но когда завели тамъ свои усадьбы и чрезъ торговлю сближились съ сими народами; то назвали его уже εὔξενος *гостепріимнымъ*, или *понтомъ Эвксинскимъ*. Өеокритъ въ Гиласѣ говорилъ о *Фазисѣ* (Донѣ), рѣкѣ сихъ странъ.

— Καὶ ἄξενον ἵκετο Φᾶσιν.

— *И пришелъ къ Дону не гостепріимному.*

Въ 6 стихѣ: Ἦν μάκαρ — αἰνὸν ἄμυνεν. Различнымъ образомъ перевесть можно: или *блаженъ былъ умирающій Патроклъ, ибо отклонилъ смерть отъ Ахиллеса*; потому что онъ, въ доспѣхахъ Ахиллесовыхъ, убитъ Гекторомъ, которой счелъ его Ахиллесомъ. или: *блаженъ былъ умирающій Ахиллесъ, потому что онъ скончался, отмстивъ за смерть Патрокла*; и кажется правила Синтаксиса требуютъ перевесть такимъ образомъ. но мнѣ лучше нравится слѣдующая мысль: *щастливъ былъ Патроклъ умирая, ибо смерть его отмщена Ахиллесомъ*. Сія мысль, кажется лучше другихъ и сходнѣе съ натурою, она принята уже Лонгопетреемъ, Лавренціемъ Гамбарою и Гарлесомъ. Сію мысль чудеснымъ образомъ подтверждаетъ у Гомера рѣчь умирающаго Патрокла. Иліады XVI, 843 и слѣд.

Ἤδη νῦν, Ἕκτορ, μέγαλ' εὔχεο· σοὶ γὰρ ἔδωκε
Νίκην Ζεὺς Κρονίδης, καὶ Ἀπόλλων, οἵ μ' ἐδάμασσαν
Ῥηϊδίως· — — — —
Ἄλλο δέ τοι ἐρέω, σὺ δ' ἐνὶ φρεσὶ βάλλεο σῇσιν,
Οὔ θὴν οὐδ' αὐτὸς δηρὸν βέῃ. ἀλλά τοι ἤδη
Ἄγχι παρέστηκεν θάνατος, καὶ μοῖρα κραταιὴ,
Χερσὶ δαμέντ' Ἀχιλῆος ἀμύμονος Αἰακίδαο.

Nunc, Hector, valde gloriaris; tibi enim dedit
Victoriam Jupiter Saturnus, et Apollo, qui me vicere
Facile — — —
Aliud autem tibi dicam, tu vero menti injice tuae;
Non quidem, non ipse diu vives, sed tibi jam nunc
Prope adstitit mors et Parca violenta
Manibus domando Achillis eximii Aeacidae.

Гроцій въ Стобеѣ догадывается, будто рѣчь объ Ахиллесѣ должна продолжаться слѣдующимъ образомъ:

Ὄλβιος ἦν θνάσκοντος ὅταν μόρον αἰνὸν ἄμυνεν.

Догадка остроумная! но когда можно защищать и принятую въ текстѣ мысль, то отъ воли читателя зависитъ избирать лучшее. Впрочемъ не вся трудность мыслей въ семъ мѣстѣ разрѣшена.

ОТРИВКИ

БIОНОВЫХЪ ТВОРЕНIЙ.

I.

Къ Гiацинту

Ἀμφασία τὸν Φοῖβον ἕλεν τόσον ἄλγος ἔχοντα·
Δίζετο φάρμακα πάντα, σοφὰν δ' επεμαίετο
τέχναν·
Χρῖεν δ' ἀμβροσίῃ καὶ νέκταρι, χρῖεν ἅπασαν
Ὠτειλάν· Μοίραισι δ' ἀναλθέα φάρμακα πάντα.

II.

Οὐ καλὸν, ὦ φίλε, πάντα λόγον ποτὶ τέκτονα
φοιτῆν,
Μηδέ τι πάντ' ἄλλω χρέος ἰσχέμεν, ἀλλὰ καὶ
αὐτὸς
Τεχνᾶσθαι σύριγγα· πέλει δέ τοι εὐμαρὲς ἔργον·

III.

Μοίσας Ἔρως καλέοι, Μοῖσαι τὸν Ἔρωτα φέροιεν·
Μολπὰν ταὶ Μοῖσαι μοὶ ἀεὶ ποθέοντι διδοῖεν,
Τὰν γλυκερὰν μολπὰν, τᾶς φάρμακον ἅδιον οὐδέν.

IV.

Ἐκ θαμινῆς ῥαθάμιγγος, ὅκως λόγος, αἰὲν ἰοίσας,
Χ' ἁ λίθος ἐς ῥωγμὸν κοιλαίνεται.

V.

Αὐτὰρ ἐγὼν βασεῦμαι ἐμὰν ὁδὸν, ἐς τὸ κάταντες
Τῆνο, ποτὶ ψάμαθόν τε καὶ ἠϊόνα ψιθυρίσδω,
Λισσόμενος Γαλάτειαν ἀπηνέα· τὰς δὲ γλυκείας
Ἐλπίδας ὑστατίω μέχρι γήραος οὐκ ἀπολείψω.

VI.

Μηδὲ λίπῃς μ' ἀγέραστον, ἐπὴν χ' ὠ Φοῖβος ἀείδειν
Μισθὸν ἔδωκε. τιμὰ δὲ τὰ πράγματα κρέσσονα
ποιεῖ.

VII.

Μορφὰ θηλυτέρῃσι πέλει καλὸν, ἀνέρι δ' ἀλκά.

НѢЧТО

объ Отрывкахъ Біоновыхъ.

Вотъ жертвы вѣковъ, на коихъ *лежатъ* слѣды разрушенія. Не уже ли всѣ труды человѣчества такъ приближаются къ ничтожеству? горестная истинна, но отрадно мыслить, что сіи остатки пережили многіе города, славные зданіями, многіе народы процвѣтавшие славою. Время, разрушающее все въ мірѣ, оставляетъ развалины городовъ и остатки твореній.

Къ нещастію, о сихъ отрывкахъ ничего рѣшительно сказать не возможно. Тщетно строгій Филологъ будетъ искать въ нихъ отношенія и связи мыслей. Тщетно Поэтъ вздумаетъ заимствовать красоты и вѣрное изображеніе Природы; Эстетикъ не найдетъ въ нихъ пищи для своего вкуса. Одинъ Историкъ можетъ почерпнуть горестнную истинну всеобщаго разрушенія; а намъ остается только жаловаться на завистливое время и жалѣть о бренности всего подлуннаго.

Въ первомъ отрывкѣ мало сказано о томъ, чего, судя по заглавію, ожидать должно было. Безъ сомнѣнія Поэтъ изобразилъ свои мысли, но рука времени изгладила ихъ. Кантеръ и Гроцій первые внесли сіи отрывки въ свои изданія подъ именемъ

Біоновыхъ; Брункъ и Фалькенарій приняли текстъ ихъ; а я принялъ текстъ сихъ послѣднихъ.

Второй отрывокъ въ трехъ стихахъ, безъ всякаго заглавія, но заключаетъ мысль полную одну: „не хорошо во всемъ прибѣгать къ другимъ, „самъ сдѣлай свирѣль, для тебя это не трудно." (Сіи три стиха вмѣстѣ съ отрывкомъ IV находятся въ Стобеѣ Геснер. стр. 200, Гроція 132).

Содержаніе третьяго отрывка сходно нѣкоторымъ образомъ съ IV его Идилліею. „Амуръ зоветъ „Музъ къ себѣ-говоритъ онъ - и когда я ни любилъ; „Музы давали мнѣ сладкое пѣніе." Все сіе заключается въ трехъ стихахъ, пощаженныхъ завистливымъ временемъ и найденныхъ Урсиномъ въ Фарнезіанской рукописи, (Глава 12).

Четвертый отрывокъ взятъ изъ 17 главы Стобея, онъ заключаетъ одну только пословицу: „Ἐκ θαμινῆς ῥαθάμιγγος αἰὲν ἰοίσας Χ' ἁ λίθος κοιλαίνεται. Gutta „cavat lapidem non vi sed saepe cadendo: капли пробиваютъ камень частымъ паденіемъ.

Въ пятомъ отрывкѣ видна Исторія Полифема и Галатеи, четыре стиха отмѣнно плавные и пріятные. Многіе думаютъ, что первые три стиха въ *Эпиталамѣ Ахиллеса* и *Дейдаміи* и сей отрывокъ составляли одно произведеніе Біона, которое послѣ временемъ растерзано на разныя части: впрочемъ

сіе мнѣніе вѣроятно; не потому только что предметъ тамъ и здѣсь одинакой но и по плавности и гармоніи стиховъ здѣсь и въ началѣ Эпиталамы, которые кажется написаны однимъ перомъ и одинакимъ духомъ. — Сей отривокъ взятъ изъ Стобея (Глава 108).

О шестомъ и седьмомъ отривкахъ можно замѣтить только, что они и тотъ и другой составляютъ полныя мысли. Въ шестомъ, видно пастухъ требуетъ награды за пѣніе; ибо: говоритъ онъ, и Аполлонъ получалъ награду а честь производитъ гораздо больше. Седьмой состоитъ изъ одного только стиха: „женщинъ прелести а Мущинъ украшаетъ храбрость.“ Теперь пусть позволено будетъ намъ взглянуть на нихъ нѣсколько подробнѣе:

*

* *

Отривокъ I.

Должно припомнить здѣсь замѣчаніе самаго Кантера, который издалъ сіи стихи вотъ какъ:

'Αμφασία τὸν βίον ἔλεν τόσον ἄλγος ἔχοντα
Δίζετο φάρμακα πάντα, σοφὰν δ' ἐπεβαίνετο τέχναν и проч.

Въ первомъ стихѣ, безъ сомнѣнія должно читать φοῖβον, вмѣсто βίον, а во второмъ, вмѣсто ἐπεβαίνετο, можно

прочесть ἐπεβώετο и смыслъ будетъ слѣдующій: Аполлонъ объятъ былъ недоумѣніемъ (или медлѣніемъ) по причинѣ тяжкой сердечной боли. Онъ изыскивалъ всѣ средства, призывалъ врачеваніе въ помощь, намазывалъ рану и все тѣло амброзіею и нектаромъ, но все тщетно. Ибо когда судьбы противятся, всѣ лѣкарства безполезны. Естьли вѣрить Миѳологіи, то сей Гіацинтъ былъ младой юноша, любимецъ Аполлона, умерщвленный имъ нечаянно, когда они играли бросаніемъ Диска. Эсхилъ жестоко укоряетъ Аполлона, вотъ слова его:

'Ενδαιτεῖσθαι τὰς ἐὰς εὐπαιδίας,
Νόσων τὲ ἀπείρους καὶ μακραίωνος βίους
Ξύμπαντά τε εἰπὼν, Θεοφιλεῖς ἐμὰς τύχας
Παιὼν ἐπευφήμησεν εὐθυμῶν ἐμὲ,
Κἀγὼ τὸ Φοίβου θεῖον ἀψευδὲς στόμα
"Ηλπιζον εἶναι, μαντικῇ βρύον τέχνῃ,
'Ο δ' αὐτὸς ὑμνῶν, αὐτὸς ἐν θοίνῃ παρὼν,
'Αυτὸς τάδ' εἰπὼν, αὐτός ἐστιν ὁ κτανὼν
Τὸν παῖδα τὸν ἐμόν" —

Подобнымъ образомъ у Швебеллія, Аполлонъ Род. III, 984. ἀμφασίη λάβε θυμὸν, и стихъ 1370. τὸν δ' ἕλεν ἀμφασίη — Αἰήτην. Такъ Тибуллъ II Элегія 3, 13. говоритъ.

Nec potuit curas sanare salubribus herbis:
Quicquid erat medicae, vicerat, artis, amor.

Аполлонъ былъ также и богомъ врачеванія. Сл. Гейне замѣчаетъ, что въ семъ мѣстѣ Біонъ упомянулъ объ

этомъ прежде всѣхъ Поэтовъ. По сему Овидій Trist. III, 3. 10 говоритъ:

Nullus, Apollinea, *qui levet arte malum.*

И у того же Овидія I Прев. 521. Аполлонъ говоритъ: *Inventum Medicina meum est* и проч. смотри Бурманъ ad Ovid: remedia стихъ 75. et ad Valerii Flacci Argon: V, 17. По сему самому монета Требонія Галла посвящена *Аполлону цѣлителю* Apollini Salutari у Оазэля табл. XXXVII, 9. и въ Сокровищѣ отборныхъ монетъ древнихъ; а въ Римѣ онъ имѣлъ храмъ подъ именемъ Аполлона Врачевателя какъ говоритъ Ливій XL. Гл. 51. кажется, что въ древнѣйшія времена почитали Аполлона богомъ врачеванія.

Стихъ 4) Здѣсь можно сравнить Θеокр. Ид. XXIV, 68. слово *ἀναλθὲς* Гезихій изъясняетъ *ἀνίαστον, ἀνιάτρευτον, ἀναίσθητον* incurabile, insanabile, immedicabile. Неизлѣчимое, неисцѣлимое. Слово *ὠτειλαὶ* Фезій переводитъ cicatrices, ulcera и *recentia vulnera* пятно отъ раны, самая рана, и *свѣжая рана*, сіе послѣднее значеніе имѣетъ здѣсь мѣсто.

Отрывокъ II.

Ст. 1) *Οὐ καλὸν* Лонгопетрей и многіе другіе думаютъ что сію мысль сказалъ Біонъ въ переносномъ смыслѣ о тѣхъ, которые — говоря по руской пословицѣ — *живутъ чужимъ умомъ.*

Отрывокъ III.

Ст. 1й Въ изданіи Кантера ошибочно былъ написанъ и съ ошибками вышелъ въ Гроціѣ стр. 149. но послѣ изъ Парижской рукописи исправленъ. *Фалькен.*

Μοίσας Ἔρως — кажется, что въ семъ мѣстѣ Біонъ подражалъ Θеокриту, который въ XI Идил. стихъ 1. говоритъ:

Οὐδὲν ποττὸν Ἔρωτα πεφύκει φάρμακον ἄλλο,
Νικία, οὔτ᾽ ἔγχριστον, ἐμὶν δοκεῖ, οὔτ᾽ ἐπίπαστον,
Ἢ ταὶ Πιερίδες· κοῦφον δέ τι τοῦτο καὶ ἁδὺ
Γίνετ᾽ ἐπ᾽ ἀνθρώποις· εὑρεῖν δ᾽ οὐ ῥᾴδιόν ἐστι.

То есть: *нѣтъ противъ любви никакого другаго лѣкарства о Никія! которое можно было бы приложить, какъ мнѣ кажется, или употребить съ пользою, кромѣ Піеридъ, сіе средство легко для людей и пріятно, но найти его весьма трудно.* Сіе доказываетъ еще и жалоба Аполлонова у Овидія.

Hei mihi, quod nullis amor medicabilis herbis!

Впрочемъ пѣніе въ любовной горести, учитъ удерживать Плутархъ въ Quaestion. Conviu. — Гезіодъ называетъ Музъ.

Λησμοσύνην τε κακῶν, ἄμπαυμά τε μερμηράων.
Забвеніемъ бѣдствій и утѣшеніемъ тоски.

Въ Ѳеогоніи ст. 55, и ст. 96 онъ пространнѣе говоритъ о семъ предметѣ:

— ὁ δ᾽ ὄλβιος, ὅντινα Μοῦσαι
Φιλεῦνται· γλυκερὴ οἱ ἀπὸ στόματος ῥέει αὐδή.
Εἰ γάρ τις καὶ πένθος ἔχων νεοκηδέϊ θυμῷ
Ἄζηται, κραδίην ἀκαχήμενος, αὐτὰρ ἀοιδὸς
Μουσάων θεράπων κλέια προτέρων ἀνθρώπων
Ὑμνήσῃ, μάκαράς τε Θεοὺς, οἱ Ὄλυμπον ἔχουσιν·
Αἶψ᾽ ὅγε δυσφρονέων ἐπιλήθεται, οὐδέ τι κηδέων
Μέμνηται, ταχέως δὲ παρέτραπε δῶρα θεάων.

То есть: *но тотъ блаженъ, кого Музы любятъ; сладкой изъ устъ его проливается голосъ. Естьли кто чувствующій живую горесть въ недавнопораженномъ сердцѣ печалится, томясь въ душѣ своей, и будучи Поэтомъ, любимцемъ Музъ начнетъ прославлять великія дѣла предковъ и благихъ боговъ, живущихъ на Олимпѣ; тотъ скоро, какъ бы ни былъ огорченъ, забудетъ свои горести, и дары сихъ богинь скоро развлекутъ его.* — По сему самому Горацій весьма справедливо говоритъ К. IV од. 2.

Minuuntur atrae
Carmine curae

Такъ Виргилій Георгикѣ Кн. IV, 464.

Ipse cava solans aegrum testudine amorem.

Немезіанъ. Bucol. Экл. IV, 19.

Cantet, amet quod quisque: leuant et carmina curas.

И въ Экл. II, 14.

Tum vero ardentes flammati pectoris aestus,
Carminibus, dulcique parant relevare querela.

При семъ можно вспомнить Ѳеокритовы стихи 33 и слѣд. Идил. IX. Кажется, Швебеллій справедливо думаетъ, что сей отрывокъ былъ началомъ цѣлаго сочиненія, которое погибло во мракѣ временъ и можетъ быть пятый отрывокъ составлялъ часть онаго. Поэты весьма часто начинали стихи свои призываніемъ Музъ. Смотри Шредера замѣчанія къ Музею Глав. 1 и Ленненія замѣчаніе ad Coluthum; Гл. I. *Гескинъ у Гарлеса.*

2) Πῤέοντι здѣсь то же что ἐρῶντι, то есть, должно перевесть *любящему*, хотя πῤέω собственно значитъ *имѣю пожеланіе.* Такъ думаютъ Лонгопетрей и Швебеллій у *Гарлеса.*

Отрывокъ IV.

Стихъ 1) Ἐκ θαμινῆς — сія пословица извѣстна у всѣхъ народовъ. — Овидій.

Quid magis est durum saxo? quid mollius unda?
Dura tamen molli saxa cauantur aqua.

Лукрецій книга I, 314.

Stillicidii casus lapidem cauat. —

Тибуллъ К. I. Эл. 4, 18.

Longa dies molli saxa peredit aqua.

Проперцій кн. II. Элегія 19 стихъ 55.

Sed tamen et scabra teritur rubigine mucro
Ferreus et parvo saepe liquore silex.
A force de forger on devient forgeron.

О т р и в о к ъ V.

Прежде мы замѣтили, что басня Полифема и Галатеи служила предметомъ стихотвореній для многихъ Поэтовъ. Ѳеокритъ о семъ предметѣ написалъ двѣ Идилліи, а изъ Біоновой одной Идилліи остался только сей отривокъ.

2) Ἐς τὸ κάταντες τῆνο на томъ локатистомъ мѣстѣ. Такъ говоритъ Ѳеокритъ Идил. XI, 13.

— ὁ δὲ τὰν Γαλάτειαν ἀείδων,
Αὐτῶ ἐπ' αἰόνος κατετάκετο φυκιόσσης;

То есть: *но онъ, воспѣвая Галатею, скитался по хладному морю.*;

О т р и в о к ъ VI.

Фалькенарій говоритъ, что сей отривокъ взятъ изъ Стобея Глава 4. *Тринкавеллій* взялъ его изъ Геснера стран. 239 подъ заглавіемъ ἐκ βίωνος βουκολικῶν; а въ Гроціѣ онъ находится на страницѣ 163.

1) Сей отривокъ, по краткости; очень теменъ, и не вдругъ переведенъ быть можетъ, но онъ такъ мало-

важенъ, что не заслуживаетъ большаго вниманія. Во второмъ стихѣ, Гескинъ думаетъ, должно поставить для мѣры ἔδω вмѣсто ἔδωκε, (что находится въ изданіи Урсина и въ обыкновенныхъ) Швебеллій хвалитъ подобную мысль у Менандра:

Οὐ πάντα γηράσκουσι αἱ τέχναι καλαί,
Ἢν μὴ λάβωσι προστάτην φιλάργυρον.

О т р и в о к ъ VII.

1.) Μορφὰ θηλυτέρῃσι — ἀλκά) сей стихъ, кажется, подтверждаетъ *Барнезіевъ* и *Бакстеровъ* переводъ слова φρόνημα у Анакреона Ода II, которые перевели оное, *мужество, храбрость*; но сіе мѣсто должно понимать иначе, нежели въ обыкновенныхъ переводахъ.

Φύσις κέρατα ταύροις,
Ὁπλὰς δ' ἔδωκεν ἵπποις·
Τοῖς ἀνδράσι φρόνημα.
Γυναιξὶν οὐκ ἔτ' εἶχεν;
Τί οὖν δίδωσι, — κάλλος,
Ἀντ' ἀσπίδων ἁπασῶν,
Ἀντ' ἐγχέων ἁπάντων.
Natura cornua tauris,
Ungulas vero dedit equis:
Hominibus mentis celsitudinem.
Feminisne nil reliquum habuit?
Quid ergo daret? — Pulchritudinem,
Pro scutis omnibus,
Pro gladiis omnibus.

Естьли раздѣлить такимъ образомъ знаки, то споръ многихъ критиковъ рѣшится; Φρόνημα означаетъ возвышеніе духа, (fierté) въ которомъ заключается, какъ благоразуміе такъ и храбрость, и которое есть главнѣйшее (хотя не особенное) мужчины χαρακτηριςικον. Сей отрывокъ взятъ изъ Стобея гл. 63.

Въ заключеніе о сихъ отрывкахъ сказать можно, что они чрезмѣрно разрушены временемъ, и что по сей причинѣ не могутъ быть важны; но издатель почелъ долгомъ присоединить ихъ къ Идилліямъ Біона.

Конецъ Твореній Біона.

ТВОРЕНІЯ
МОСХА.

ЖИЗНЬ МОСХА.

Мосхъ родился въ Сициліи, въ Сиракузахъ и былъ современникомъ и ученикомъ Біона, которому въ честь написалъ Идиллію подъ именемъ: *надгробная пѣснь Біону.* Многіе прежде смѣшивали его съ Ѳеокритомъ и приписывали его Идилліи, сему отцу пастушеской Поэзіи; но сверхъ замѣтной разности въ ихъ Идилліяхъ и слѣдующій стихъ выводитъ изъ заблужденія:

Ἐν δὲ Συρακοσίοισι Θεόκριτος· αὐτὰρ ἐγὼν τοι κ. τ. λ.

Рыдаетъ Ѳеокритъ, рыдаютъ Сиракузы.
Прими и отъ меня дары Авзонской музы!

Свида утверждаетъ, что Мосхъ былъ другомъ славнаго Аристарха, жившаго во время Птоломея Филадельфа и бывшаго наставникомъ внука его Птоломея Латура. Извѣстно, что Филометоръ вступилъ на тронъ послѣ Птоломея Эпифана въ первомъ году 155 Олимпіады. Но Мосхъ самъ отвергаетъ сіе время, если упоминаетъ о Ѳеокритѣ, какъ о современникѣ. Слѣдственно должно думать, что мракъ сокрылъ отъ насъ истинное время его жизни, что Свида не заслуживаетъ вѣроятія, и что наконецъ, мы ничего рѣшительно знать не можемъ.

Но сіе сомнѣніе, кажется, рѣшить можно, и не трудно согласить Свиду съ Мосхомъ, если

предположить, что Мосхъ въ юности своей видѣлъ старика Ѳеокрита; а когда самъ состарѣлся, то познакомился съ юнымъ Аристархомъ. Сіе кажется возможно, тѣмъ болѣе, что не одинъ я, но и другіе такъ думаютъ.

Идилліи Мосховы отличаются отъ Ѳеокритовыхъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ безискуственной простоты и невинности. Мы не видимъ въ нихъ сельской дикой природы: ни тихихъ долинъ, покрытыхъ свѣжею травою, ни смѣющихся луговъ, орошаемыхъ излучистыми ручьями. Мосхъ избиралъ и украшалъ свои предметы: описываетъ ли Амура? онъ представляетъ его малюткою-богомъ хитрымъ и коварнымъ, со всѣми красотами божественной юности. Изобразитъ ли Геркулеса? ужасъ ярости поражаетъ насъ, мы видимъ, какъ онъ въ мщеніи умерщвляетъ чадъ своихъ — или красная Царевна въ Идилліяхъ его рѣзвится съ милыми подругами; на цвѣтущихъ лугахъ въ радости и безпечности. Вездѣ видно отборное украшеніе, и слогъ показываетъ утонченіе нравовъ и словесности. О пастушеской поэзіи Мосха, не возможно сказать того, что Боало сказалъ объ Идилліи; такъ какъ:

Пастушка милая о праздникѣ, въ день красной
Не отягчитъ себя одеждою алмазной

Но вмѣсто яхонтовъ и пышныхъ хрусталей,
Рветъ лучшій свой нарядъ съ сосѣдственныхъ полей *).

Мосхъ, какъ ученикъ Біоновъ, въ слогѣ подражалъ учителю и ближе всѣхъ подошелъ къ нему, если не превзошелъ Біона. Въ его Идилліяхъ, нѣтъ уже той игры словъ и той выисканности, которыя показываютъ, что Авторъ больше занимался умомъ, нежели сердцемъ. Онъ только выбиралъ и обработывалъ свои предметы, но не украшалъ ихъ излишними словами и блескомъ выраженій.

Идилліи Мосховы пріятны и нѣжны; любезное воображеніе сего Поэта умѣло очаровывать все, чему ни прикасалось. Впрочемъ его творенія не столько разрушены временемъ, какъ Біоновы, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя дошли до насъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ нихъ содѣлались совершенно жертвою времени.

---

*Telle qu'une bergere au plus beau jour de fête,
De superbes rubis ne charge point sa tête;
Et sans meler à l'or l'eclat de diamant,
Cueille en un champ voisin ses plus beaux ornemens.

ИДИЛЛІЯ I.

БѢЖАВШІЙ АМУРЪ.

Ἀ Κύπρις τὸν Ἔρωτα τὸν υἱέα μακρὸν ἐβώςρει·
Εἴ τις ἐνὶ τριόδοισι πλανώμενον εἶδεν Ἔρωτα,
Δραπετίδας ἐμός ἐςιν· ὁ μανυτὰς γέρας ἑξεῖ.
Μισθός τοι τὸ φίλαμα τὸ Κύπριδος· ἢν δ᾽ ἀγάγῃς νιν,
Οὐ γυμνὸν τὸ φίλαμα· τὺ δ᾽, ὦ ξένε, καὶ πλέον ἑξεῖς.
Ἔςι δ᾽ ὁ παῖς περίσαμος· ἐν εἴκοσι πᾶσι μάθοις νιν.
Χρῶτα μὲν οὐ λευκὸς, πυρὶ δ᾽ εἴκελος· ὄμματα δ᾽ αὐτῶ
Δριμύλα καὶ φλογόεντα· κακαὶ φρένες, ἁδὺ λάλημα·
Οὐ γὰρ ἶσον νοέει καὶ φθέγγεται· ὡς μέλι, φωνά.
Ἢν δὲ χολᾷ, νόος ἐςὶν ἀνάμερος, ἠπεροπευτὰς,

Οὐδὲν ἀλαθεύων, δόλιον βρέφος, ἄγρια παίσδει.
Εὐπλόκαμον τὸ κάρανον, ἔχει δ' ἰταμὸν το πρόσωπον.
Μικκύλα μὲν τήνω τὰ χερύδρια, μακρὰ δὲ βάλλει,
Βάλλει κ'εἰς Ἀχέροντα καὶ εἰς αἴδεω βασιλῆα.
Γυμνὸς μὲν τόγε σῶμα, νόος δὲ οἱ ἐμπεπύκασται·
Καὶ πτερόεις, ὅσον ὄρνις, ἐφίπταται ἄλλοκ' ἐπ' ἄλλως
Ἀνέρας ἠδὲ γυναῖκας, ἐπὶ σπλάγχνοις δὲ κάθηται.
Τόξον ἔχει μάλα βαιὸν, ἐπὶ τόξω δὲ βέλεμνον·
Τυτθὸν ἐοῖ τὸ βέλεμνον, ἐς αἰθέρα δ' ἄχρι φορεῖται·
Καὶ χρύσεον περὶ νῶτα φαρέτριον, ἔνδοθι δ' ἐντὶ
Τοὶ πικροὶ κάλαμοι, τοῖς πολλάκι κἠμὲ τιτρώσκει.
Ταῦτα μὲν ἄγρια πάντα· πολὺ πλεῖον δέ οἱ αὐτῷ
Βαιὰ λαμπὰς ἐοῖσα τὸν ἅλιον αὐτὸν ἀναίθει.

Ἢν τύ γ' ἕλῃς τῆνον, δάσας ἄγε, μηδ' ἐλεήσῃς·
Κἢν ποκ' ἴδῃς κλαίοντα, φυλάσσεο μή σε πλανήσῃ·
Κἢν γελάῃ, τύ νιν ἕλκε· καὶ ἢν ἐθέλῃ σε φιλᾶσαι,
Φεῦγε· κακὸν τὸ φίλαμα, τὰ χείλεα φάρμακον ἐντί.
Ἢν δὲ λέγῃ, Λάβε ταῦτα, χαρίζομαι ὅσσά μοι ὅπλα,
Μήτι θίγῃς, πλάνα δῶρα· τὰ γὰρ πυρὶ πάντα βέβαπται.

НѢЧТО
о первой Идилліи.

Можетъ быть, изъ всѣхъ Идиллій Мосхомъ писанныхъ, *бѣжавшій Амуръ* есть самая щасливая. Выдумка невинна, проста и очень безискуственна. Сіе твореніе кратко, но исполнено всѣхъ возможныхъ красотъ и пріятностей; кажется, Мосхъ подражалъ въ ней больше Анакреону, нежели Учителю своему Біону. Одна только игра словъ и частыя противоположности измѣняютъ.

Поэтъ хотѣлъ представить вѣрное изображеніе Амура; но кто можетъ говорить объ немъ хладнокровно, если онъ смертный, подвластный Амуру; или хотя бы и говорилъ безпристрастно, кто повѣритъ? Поэтъ представилъ, что объ немъ говоритъ безсмертная, сама Венера, мать его; ибо кто можетъ знать сына, лучше матери; но и мать смертная ли, или безсмертная равнодушна къ сыну быть не можетъ, и такъ онъ выбралъ случай, когда описаніе должно быть истинное, когда всѣ примѣты должны быть очень вѣрны, чтобъ легко можно было найти бѣглеца Амура. Слѣдственно ни честолюбіе къ красотѣ сына, ни гордость къ его достоинствамъ немогли восторжествовать надъ горестію матери и необходимостію вѣрно описать

всѣ примѣты. Словомъ, любезные читатели, мы можемъ быть увѣрены, что описаніе Амура вѣрно.

Любопытно знать, къ какому времени относится побѣгъ Амура, не къ тому ли, когда онъ познакомился съ *Душенькою*?.. Когда, невидимый отъ всѣхъ взоровъ, проводилъ время въ раю, имъ созданномъ?.. но на что искать того, чего найти не возможно? Разсмотримъ лучше, какимъ образомъ древніе отыскивали потерю, или бѣглецовъ своихъ.

Они имѣли три способа: во первыхъ *чрезъ Герольда*; во вторыхъ *чрезъ обыскателей*, Преторомъ поставляемыхъ; наконецъ *чрезъ объявленіе*, прибитое ко столбу.

Отличный примѣръ перваго способа можно видѣть у Апулея Кн. VI: тамъ Венера говоритъ Меркурію слѣдующимъ образомъ: „ты знаешь, какъ „давно я ищу и не могу найти бѣжавшую при„служницу мою; теперь остается только всена„родно объявить чрезъ тебя награду за отысканіе. „И такъ провозгласи скорѣе мое повелѣніе и опиши „ясно всѣмъ примѣты, дабы кто нибудь, продер„жавъ ее не позволеннымъ образомъ, немогъ изви„ниться невѣденіемъ. Тутъ подала ему свитокъ, „гдѣ написано было имя *Душеньки* и примѣты, по-

„шомъ удалилась. Меркурій исполнилъ долгъ свой, „онъ пробѣжалъ всѣ города съ объявленіемъ: *если „кто можетъ поймать, или показать, гдѣ скры- „вается бѣжавшая Царская дочь, Венерина прислуж- „ница, именемъ Душенька; тотъ да явится къ объ- „явителю сего Меркурію и получитъ награду за по- „казаніе отъ самой Венеры: семь поцѣлуевъ и unum „blandientis adpulsum linguae longe mellitum.*"

Такъ Творецъ Душеньки соображая древніе обычаи съ новыми говоритъ: что старикъ повелъ Царевну ко столбу, гдѣ былъ прибитъ листъ въ большую мѣру; на коемъ написано:

Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;
Она же Душенька румяны унижаетъ,
Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ:
И всяку красоту повсюду обижаетъ;
Она же Душенька, имѣя стройный станъ,
Прелестные глаза, пріятную усмѣшку,
Богиню красоты не чтитъ и ставитъ въ пѣшку;
Она же взорами сердцамъ творитъ изъянъ
Богиней рядится и носитъ хвостъ въ три пяди:

Того, или иного ради,
Богиня каждому и всѣмъ,
О гнѣвѣ на нее своемъ,

По должной формѣ, извѣщаетъ,
И всяку милость обѣщаетъ
Тому, кто Душеньку на срокъ,
Къ Венерину лицу представитъ.
А буде кто ее оправитъ,
Противу силы оныхъ строкъ,
Иль буде гдѣ ее укроетъ,
Иль способъ дастъ укрыться ей;
Тотъ вѣкъ вины своей не смоетъ
Ни самой кровію своей.

Мы видимъ, что сіе объявленіе написано по всей *Судебной формѣ*; нѣтъ никакого опущенія. Конечно Венера больше боялась лишиться прислужницы, нежели Амура; ибо надѣялась, что сынъ можетъ возвратиться и получить прощеніе; а *Душенька* могла скрыться на вѣки. Вотъ два главнѣйшие примѣры, оставшіеся отъ древнихъ, какъ они отыскивали бѣглецовъ своихъ — теперь взглянемъ на планъ сей Идилліи.

„Венера зоветъ сына громкимъ голосомъ, и обѣщаетъ въ награду поцѣлуй тому, кто скажетъ, гдѣ онъ; а кто приведетъ Амура, того ждетъ награда еще лестнѣйшая. Далѣе описываетъ она примѣты. Съ 24 стиха, проситъ всякаго, кто найдетъ, чтобъ связать его, не смотря ни на ла-

сли, ни на слезы ни на подарки, которые все — говоритъ она — какъ огнь разженны."

Сія Идиллія имѣетъ особенную пріятность; всякой невольно принимаетъ участіе въ бѣглецѣ миломъ и прекрасномъ; но межъ тѣмъ, какъ любезные, свѣтскіе люди и до сихъ поръ вездѣ его ищутъ, я прошу ученыхъ любопытствовать далѣе.

* *
*

Въ первомъ стихѣ глаголъ βωστρέω, есть дорическій, вмѣсто βοάω или ἐπικαλέομαι, сіе слово встрѣчается у Ѳеокрита Идил. V, 64. оно означаетъ *звать кого во весь голосъ, кричать, кликать.*

2) Εἴ τις ἔνι — ἐμὸς ἐστι. Такъ точно говоритъ Проперцій кн. II. Элег. 9. стихъ 1.

Quicunque ille fuit, puerum qui pinxit amorem,
Non ne putas miras hunc habuiſſe manus?
Hic primum vidit sine sensu vivere amantes,
Et levibus curis magna perire bona etc.

4) Μισθὸς τεῖ — *награда твоя*: Замѣтимъ, что награда за указаніе потерянной вещи называлась μήνυτρον; а та награда, которая нашедшему давалась за возвращеніе

потерянной вещи называется εὕρετρον. Но въ рукописи Ксенофонта к. II. 10. 1. находится σῶστρον, собственно *награда*, которая даваема была лѣкарю за поправленіе здоровья; но Сократъ тамъ говоритъ: ἐπέ μοι ἄν τις σοι τῶν οἰκετῶν ἀποδρᾶ ἐπιμελῆ, ὅπως ἀνακομίσῃ; καὶ ἄλλους γε νὴ Δί', ἔφη, παρακαλῶ, σῶστρα τούτῳ ἀνακηρύσσων.

Такъ Амуръ говоритъ о своей матери у Тасса.

— Elle mi segne
Dar promettendo à chi m'insegna à lei,
O dolci baci, o casa altra più cara:
Quasi io di dare in cambio non sia buono
A chi mi tace, ò mi nasconde à lei,
O dolci baci o cosa altra più cara.
Questo io só almen, che i bace miei
Saran sompre più cari à le fanciulle,
Se io, che son l'Amor, d'amor m'intendo.

Сію мысль Мосхову описывали, распространяли и переводили многое множество Поэтовъ на всѣхъ языкахъ; особенно на Италіянскомъ. Щастливѣе всѣхъ, кажется, подражалъ *Марини.*

Udito hò, Citerea,
Che del' tuo grembo fore
Fuggitivo il duo figlio à te si cela,
E promeſſo hai baciar chi te'l rivela.

Non languir, bella dea,
Se vai cercando amore,
No'l cercar, damni il bacio, io l'hó nel core.

Но Мосхъ превосходитъ всѣхъ несравненно краткостію, ясностію и приличіемъ выраженій.

4) Οὐ γυμνὸν τὸ φίλαμα — то самое, что называетъ Ѳеокритъ κενεὸν φίλαμα Идил. III. 20.

Ἐστι καὶ ἐν κενεοῖσι φιλάμασιν ἁδέα τέρψις.

Сей стихъ въ разныхъ изданіяхъ напечатанъ различно; въ Урсиновомъ изданіи слѣдующимъ образомъ.

Οὐ γυμνὸν τὸ φίλαμα τοι δῶ ξένει καὶ πλέον ἕξεις.
Не только поцѣлуй я больше не жалѣю.

Въ другихъ изданіяхъ Οὐ γυμνὸν το φίλαμα τὺ δ', ὦ ξένε, καὶ πλε: ε. — καὶ πλέον *и больше*; награда лестнѣйшая! что жъ *больше?* пусть угадываютъ. . . Honny soit qui mal y pense!

6) Ἐστι δ' ὁ παῖς περίσαμος ἐν εἴκοσι πᾶσι и проч. Геинзій думаетъ, что должно читать ἐν εἴκοσι παῖσι, въ первомъ случаѣ значитъ: *межъ двадцатью конечно;* во второмъ: *межъ двадцатью малютками подобнаго нѣтъ.* — Послѣдняя мысль пріятнѣе, а можетъ быть и правильнѣе.

7) Χρῶτα μὲν ȣ̓ λευκὸς — сей прелестнѣйшей картинѣ сдѣлалъ подражаніе Мелеагеръ — въ Анѳол: к. VII эпигр. 15. вотъ оно:

Κηρύσσω τὸν Ἔρωτα τὸν ἄγριον· ἄρτι γὰρ ἄρτι
Ὀρθριος ἐκ κοίτας ᾤχετ' ἀποπτάμενος.
Ἐστι δ' ὁ παῖς γλυκύδακρυς, ἀείλαλος, ὠκὺς, ἀθάμβης,
Σιμὰ γελῶν, πτερόεις, νῶτα φαρετροφόρος,
Πατρὸς δ' ȣ̓κέτ' ἔχω φράζειν τίνος· ȣ̓́τε γὰρ αἰθὴρ,
Οὐ χθὼν φησὶ τεκεῖν τὸν θρασὺν, ȣ̓ πέλαγος.
Πάντη γὰρ, καὶ πᾶσιν ἀπέχθεται· ἀλλ' ἐσορᾶτε,
Μή πȣ νῦν ψυχαῖς ἄλλα τίθησι λίνα.
Καί τοι κεῖνος, ἰδȣ̓, περὶ φωλεὸν ȣ̓ μὲν λέληθας,
Τοξότα, Ζηνοφίλας ὄμμασι κρυπτόμενος.

Proclamo Amorem efferum: modo enim modo
Matutinus e cubili abiit euolans.
Est autem puer dulcium lacrymarum, semper loquax,
velox, intrepidus,
Sime ridens, alatus, in tergo pharetriger.
Patris autem non habeo dicere cujus: neque enim aether
Neque terra dicit peperisse hunc audacem, nec pelagus.
Undique enim et omnibus invisus est: sed circumspicite,
Ne alicubi nunc animis alia ponat retia.
Atqui ille, ecce, circa latebras: non me fefellisti,
Sagittator, Zenophiles in oculis occultus.

8) Κακαὶ φρένες — *зло въ сердцѣ, медъ въ устахъ, а слоеъ какъ соты.*

При семъ можно вспомнить два стиха Латинскіе, съ риѳмами или пословицу:

Mel in ore, verba lactis:
Fel in corde, fraus in faotis.

11) Δόλιον βρέφος, ἄγρια παίσδει Виргилій Экл. VIII, ст. 50. почти такъ же говоритъ:

— Cui placet impares
Formas, atque animos sub juga ahenea
Saevo mittere cum joco.

Подобныхъ мѣстъ можно видѣть множество у древнихъ Стихотворцевъ: еще Виргилій въ X, 28. и слѣд. говоритъ:

— Amor non talia curat,
Nec lacrimis crudelis amor, nec gramina rivis,
Nec cytiso saturantur apes, nec fronde capellae.

12) Ἐυπλόκαμον τὸ κάρανον) собственно: *глава его покрыта прекрасными кудрями.* Πλόκαμοι, *локоны, кудры* — Μικύλα уменьшительное отъ дорическаго слова μικκὸς, вмѣсто μικρὸς.

Въ 14 стихѣ весьма сильное описаніе власти Амура, и обращеніе къ преданію о Плутонѣ, который похитилъ Прозерпину.

15) Γυμνὸς — такъ въ Анѳологіи IV, 470. и у Клоца въ зам. къ Тирлею. стр. 113.

Γυμνὸς ἔρος διὰ τῦτο γελᾷ καὶ μείλιχος ἐστιν,
Οὐ γὰρ ἔχει τόξον καὶ πυρόεντα βέλη.

Пропердій 1. 2. 8.

Nudus amor formae non amat artificem.

Амура, по большой части, изображаютъ нагимъ; но иногда представляютъ и въ одеждѣ; сіе можно видѣть у *Сафы.* стр. 82. 83. изд: Вольф: и замѣч: творецъ Pervigilii Veneris подражалъ Мосху въ стихѣ 29 и слѣд:

— Nec tamen credi potest
Esse Amorem feriatum, si sagittas vexerit.
Ite Nymphae: posuit arma, feriatus est amor.
Jussus est inermis ire, durus ire jussus est.
Neu quid arcu, neu sagitta, quid igne laederet.
Sed tamen cavete Nymphae, quod cupido pulcer est:
Totus est inermis idem, quando nudus est amor.

По мнѣнію Гарлеса лучше читать въ послѣднемъ стихѣ съ Пиѳомъ: *totus est in armis idem*, нежели съ Ривиномъ *totus haud inermis idem.* Тотъ самой творецъ Pervigilii въ стихѣ 54 съ поправкою Пиѳоя говоритъ:

Jussit omnes adsidere pueri mater alitis,
Jussit et nudo puellas nil amori credere.

При семъ любопытный можетъ видѣть замѣчанія Ривина къ тому и другому мѣсту стр. 80 и слѣд. 100 и слѣд.

16) Πτέροεις ὅσσον ὄρνις ἐφίπταται ἄλλον ἐπ᾽ ἄλλως — въ Стобеевомъ изданіи, ὡς ὄρνις ἐφ᾽ ἄλλον ἐκ ἄλλω. Вулканій замѣтилъ, что по сему самому и мать Амура весьма нехудо называется ἀλλοπρόσαλλος. — *Гескинъ.*

19.) Τυτθὸν піитическое слово въ Дорическомъ нарѣчіи, вмѣсто обыкновеннаго μικρὸν.

21.) Πικροὶ κάλαμοι — Такъ Горацій к: II, 8, 14. *ferus et cupido, femper ardentes acuens fagittas Cote cruenta.* Подобное мѣсто можно видѣть въ *Ѳеокритѣ* Идил. XXIII, 4. 5. и у Овидія Превр. I, 381. — Далѣе: τοῖς πολλάκι κ᾽ ἀμε τιτρώσκει — въ обыкновенныхъ изданіяхъ находится κ᾽ ἡμέ. Урсинъ удержалъ Дорическое нарѣчіе. Подобнымъ образомъ Венера жалуется у Аполлонія кн. III, 93. и слѣд. и у Мелеагра въ Анѳологіи эпигр. 16. — *Лонгопетрей.* —

22.) Πάντα μὲν ἄγρια, πάντα πολὺ πλεῖον — ἐοῖσα, τὸν ἅλιον αὐτὸν ἀναίθει.) Многіе сіе мѣсто переводятъ: *и самаго себя гораздо жесточае мучитъ*, какъ будто бы, послѣ τὸ αὐτῷ есть какой нибудь знакъ, оканчивающій мысль; впрочемъ какое же понятіе производятъ слова сіи? *Гескинъ*, по словамъ Гарлеса чистосердечно признается, что сіе мѣсто всегда приводило его въ недоумѣніе; ибо какая связь въ сихъ словъ: *Omnia funt crudelia, omnia: multo vero magis, quae ipfi est parva fax folem ipfum perurit.* Такъ (говоритъ *Гескинъ*) переводятъ во всѣхъ изданіяхъ, безъ всякаго знака послѣ τὸ ἐοῖσα. Но я принимаю знаки раздѣленія *Урсина*, по коимъ мысль Поэта сдѣлается яснѣе, но чистота и плавность слога, кажется, потерпятъ, ибо мысли будутъ отрывистѣе. (Говоритъ *Гескинъ*) *Гарлесъ* иначе думаетъ, и подлинно, естьли взять въ разсужденіе,

что въ Идилліи долженъ быть слогъ простой, обыкновенной, разговорной, то, кажется, Мосхъ весьма справедливъ; ибо онъ писалъ Идиллію — *Гарлесъ* желаетъ даже, что бы знаки были весьма малые и переводитъ; *Все у Амура*, лукъ стрѣлы, колчанъ, *все опасно*, и самой пламенникъ, тотъ пламенникъ, который хотя малъ, но жжетъ самое солнце. — Выраженіе сильное и пріятное: *пламенникъ Амуровъ жжетъ* солнце. т. е. покаряетъ любви самаго Аполлона, который, оставивъ небо, гонится на землѣ за *Дафною.*

24.) Ἢν τύ γ᾽ ἕλῃς τῆνον δάσας ἄγε въ иныхъ изданіяхъ δαμάσας. Калпурній въ Экл. III, 20. говоритъ, хотя совсѣмъ о другомъ, но подобнымъ образомъ:

Si tamen invenies, deprehenfam verbere multo
Huc age. —

25.) Κ᾽ ἢν ποτ᾽ ἴδῃς κλαίοντα —) есть эпиграмма *Кринагора* въ Анѳологіи к. IV, 2., которая объясняетъ сіе мѣсто; — тамъ Поэтъ говоритъ къ Амуру:

Καὶ κλαῖε, καὶ στέναζε συσφίγγων χεροῖν
Τένοντας· ὦ ᾽πίβουλε, τοῖά τοι πρέπει.
Οὐκ ἔστ᾽ ὁ λύσων· μὴ ᾽λέειν ὑποβλέπει.
Αὐτὸς γὰρ ἄλλων ἐκ μὲν ὀμμάτων δάκρυ
Ἔθλιψας, ἐν δὲ πικρὰ καρδίᾳ βέλη
Πῆξας, ἀφύκτων ἰὸν ἔσταξας πόθων,
Ἔρως· τὰ θνητῶν δ᾽ ἐστί σοι γέλως ἄχη.
Πέπονθας οἷ᾽ ἔρεξας· ἐσθλὸν ἡ δίκη.

T. e. *Et lacrimare et gemiſce, comprimens manibus*
Tendones: o insidioſe, talia te decent.
Non eſt, qui te liberavit: ne miſerabiliter circumſpice:
Ipſe enim aliorum ex oculis larimas
Expressiſti, amaraque in corde jacula
Figens inevitabilium venenum inſtillaſti cupidinum,
O Amor! mortalium vero tibi riſus dolores.
Expertus es, qualia aliis feciſti: aequa eſt juſtitia.

27.) Τὰ χείλεα φάρμακον ἐντὶ — Такъ Виргилій Энеид: I, 691.

Cum dabit amplexus, atque oſcula dulcia figet
Occultum inſpires ignem fallasque veneno.

и Поліціанъ гдѣ-то подобнымъ образомъ говоритъ:

E con le labra tinte di veneno
Bacciolo, el ſoco ſuo gli meſe in ſono.

29.) Τὰ γὰρ πυρὶ πάντα βέβαπται. *его оружія, какъ огнь ражженный.* Выраженіе сильное, достойное Поэта. — Въ заключеніе скажемъ, что сія идиллія очень очищена, всѣ мѣста почти ясны и пріятны — Время пощадило ее; а ученые мужи, приложивъ стараніе, издали правильно.

ИДИЛЛІЯ II.

ПОХИЩЕНІЕ ЕВРОПЫ

Εὐρώπῃ ποτὲ Κύπρις ἐπὶ γλυκὺν ἧκεν ὄνειρον,
Νυκτὸς ὅτε τρίτατον λάχος ἵσταται, ἐγγύθι δ᾽ ἠώς.
Ὕπνος ὅτε γλυκίων μέλιτος βλεφάροισιν ἐφίζων,
Λυσιμελὴς, πεδάᾳ μαλακῷ κατὰ φάεα δεσμῷ·
Εὖτε καὶ ἀτρεκέων ποιμαίνεται ἔθνος ὀνείρων.
Τῆμος ὑπωροφίοισιν ἐνικνώσσουσα δόμοισι
Φοίνικος θυγάτηρ, ἔτι παρθένος Εὐρωπείη,
Ὠΐσατ᾽ ἠπείρους δοιὰς περὶ εἷο μάχεσθαι,
Ἀσιάδ᾽ ἀντιπέρην τε· φυὴν δ᾽ ἔχον οἷα γυναῖκες.
Τῶν δ᾽ ἡ μὲν ξείνης μορφὴν ἔχεν· ἡ δ᾽ ἄρ᾽ ἐῴκει
Ἐνδαπίῃ, καὶ μᾶλλον ἑῆς περιΐσχετο κούρης·
Φάσκεν δ᾽ ὥς μιν ἔτικτε, καὶ ὡς ἀτίτηλέ μιν αὐτή.
Ἡ δ᾽ ἑτέρη, κρατερῇσι βιαζομένα παλάμῃσιν
Εἴρυεν οὐκ ἀέκουσαν· ἐπεὶ φάτο μόρσιμον εἶναι

Ἐκ Διὸς αἰγιόχου γέρας ἔμμεναι Εὐρωπείην.
Ἡ δ' ἀπὸ μὲν στρωτῶν λεχέων θόρε δειμαίνουσα,
Παλλομένη κραδίην· τὸ γὰρ ὡς ὕπαρ εἶδεν ὄνειρον·
Ἑζομένη δ' ἐπὶ δηρὸν ἀκὴν ἔχεν, ἀμφοτέρας δὲ
Εἰσέτι πεπταμένοισιν ἐν ὄμμασιν εἶχε γυναῖκας.
Ὀψὲ δὲ δειμαλέην ἀνενείκατο παρθένος αὐδὴν,
Τίς μοι τοιάδε φάσματ' ἐπουρανίων προΐηλε;
Ποῖοί με στρωτῶν λεχέων ὕπερ ἐν θαλάμοισιν
Ἡδὺ μάλα κνώσσουσαν ἀνεπτοίησαν ὄνειροι;
Τίς δ' ἦν ἡ ξείνη, τὴν εἴσιδον ὑπνώουσα;
Ὥς μ' ἔβαλε κραδίην κείνης πόθος· ὥς με καὶ
αὐτὴ
Ἀσπασίως ὑπέδεκτο, καὶ ὡς σφετέρην ἴδε παῖδα.
Ἀλλά μοι εἰς ἀγαθὸν μάκαρες κρίνειαν ὄνειρον.

Ὣς εἰποῦσ' ἀνόρουσε· φίλας δ' ἐπεδίζεθ' ἑταίρας
Ἥλικας, οἰέτεας, θυμήρεας, εὐπατερείας,
Τῇσιν ἀεὶ συνάθυρεν, ὅτ' ἐς χορὸν ἐντύναιτο,
Ἢ ὅτε φαιδρύνοιτο χρόα προχοαῖσιν ἀναύρων,
Ἢ ὁπότ' ἐκ λειμῶνος εὔπνοα λείρια κέρσοι.

Ταὶ δέ οἱ αἶψα φάανθεν· ἔχον δ' ἐν χερσὶν ἑκάστη
Ἀνθοδόκον τάλαρον· ποτὶ δὲ λειμῶνας ἔβαινον
Ἀγχιάλους, ὅθι τ' αἰὲν ὁμιλαδὸν ἠγερέθοντο,
Τερπόμεναι ῥοδέῃ τε φυῇ, καὶ κύματος ἠχῇ.
Αὐτὴ δὲ χρύσεον τάλαρον φέρεν Εὐρωπείη
Θηητὸν, μέγα θαῦμα, μέγαν πόνον Ἡφαίστοιο,
Ὃν Λιβύῃ πόρε δῶρον, ὅτ' ἐς λέχος Ἐννοσιγαίου
Ἤϊεν· ἡ δὲ πόρεν περικαλλέϊ Τηλεφαέσσῃ,
Ἥτε οἱ αἵματος ἔσκεν· ἀνύμφῳ δ' Εὐρωπείῃ
Μήτηρ Τηλεφάεσσα περικλυτὸν ὤπασε δῶρον.
Ἐν τῷ δαίδαλα πολλὰ τετεύχατο μαρμαίροντα·
Ἐν μὲν ἔην χρυσοῖο τετυγμένη Ἰναχὶς Ἰω,
Εἰσέτι πόρτις ἐοῦσα, φυὴν δ' οὐκ εἶχε γυ-
ναικός.
Φοιταλέη δὲ πόδεσσιν ἐφ' ἁλμυρὰ βαῖνε κέλευθα,
Νηχομένῃ ἰκέλη· κυανῆ δ' ἐτέτυκτο θάλασσα.
Δοιοὶ δ' ἕστασαν ὑψοῦ ἐπ' ὀφρύος αἰγιαλοῖο
Φῶτες ἀολλήδην· θηεῦντο δὲ ποντοπόρον βοῦν.
Ἐν δ' ἦν Ζεὺς, ἐπαφώμενος ἠρέμα χειρὶ θεείῃ

Πόρτιος Ἰναχίης, τὴν ἑπταπόρῳ παρὰ Νείλῳ,
Ἐκ βοὸς εὐκεράοιο πάλιν μετάμειβε γυναῖκα.
Ἀργύρεος μὲν ἔην Νείλȣ ῥόος· ἡ δ' ἄρα πόρτις
Χαλκείη· χρυσȣ̃ δὲ τετυγμένος αὐτὸς ἔην Ζεύς.
Ἀμφὶ δὲ δινήεντος ὑπὸ στεφάνην ταλάροιο
Ἑρμείης ἤσκητο· πέλας δέ οἱ ἐκτετάνυστο
Ἄργος ἀκοιμήτοισι κεκασμένος ὀφθαλμοῖσι.
Τοῖο δὲ φοινήεντος ἀφ' αἵματος ἐξανέτελλεν
Ὄρνις ἀγαλλόμενος πτερύγων πολυανθέϊ χροιῇ,
Ταρσὸν ἀναπλώσας, ὡσεί τέ τις ὠκύαλος νηῦς,
Χρυσείȣ ταλάροιο περίσκεπε χείλεα ταρσοῖς.
Τοῖος ἔην τάλαρος περικαλλέος Εὐρωπείης·
Αἱ δ', ἐπεὶ ȣ̃ν λειμῶνας ἐσήλυθον ἀνθεμόεντας,
Ἄλλαι ἐπ' ἀλλοίοισι τότ' ἄνθεσι θυμὸν ἔτερπον·
Τῶν ἡ μὲν νάρκισσον ἔϋπνοον, ἡ δ' ὑάκινθον,
Ἡ δ' ἴον, ἡ δ' ἕρπυλλον ἀπαίνυτο· πολλὰ δ' ἔραζε
Λειμώνων ἐαροτρεφέων πίπτεσκε πέτηλα.
Αἱ δ' αὖτε ξανθοῖο κρόκȣ θυόεσσαν ἐθείρην

Δρέπτον ἐριδμαίνȣσαι· ἀτὰρ μέσση ἔστη ἄνασσα,
Ἀγλαΐην πυρσοῖο ῥόδȣ χείρεσσι λέγȣσα,
Οἷά περ ἐν Χαρίτεσσι διέπρεπεν Ἀφρογένεια.
Οὐ μὲν δηρὸν ἔμελλεν ἐπ' ἄνθεσι θυμὸν ἰαίνειν,
Οὐδ' ἄρα παρθενίην μίτρην ἄχραντον ἔρυσθαι.
Ἦ γὰρ δὴ Κρονίδης, ὥς μιν φράσαθ', ὡς ἐβέβλητο
Θυμὸν, ἀνωΐστοισιν ὑποδμηθεὶς βελέεσσι
Κύπριδος, ἣ μόνη δύναται καὶ Ζῆνα δαμάσσαι.
Δὴ γὰρ, ἀλευόμενός τε χόλον ζηλήμονος Ἥρης,
Παρθενικῆς τ' ἐθέλων ἀταλὸν νόον ἐξαπατῆσαι,
Κρύψε θεὸν, καὶ τρέψε δέμας, καὶ γίγνετο ταῦρος,
Οὐχ οἷος σταθμοῖς ἐνιφέρβεται, ȣ̓δέ μεν οἷος
Ὦλκα διατμήσσει, σύρων εὐκαμπὲς ἄροτρον·
Οὐδ' οἷος ποίμνης ἐπιβόσκεται, ȣ̓δέ μεν οἷος
Ὅστις ὑποδμηθεὶς ἐρύει πολύφορτον ἀπήνην.
Τȣ̃ δ' ἤτοι τὸ μὲν ἄλλο δέμας ξανθόχροον ἔσκεν,
Κύκλος δ' ἀργύφεος μέσσῳ μάρμαιρε μετώπῳ,
Ὄσσε δ' ὑπογλαύσσεσκε δι' ἵμερον ἀστράπτοντε·
Ἶσά τ' ἐπ' ἀλλήλοισι κέρα ἀνέτελλε καρήνȣ,
Ἄντυγος ἡμιτόμȣ κεραῆς ἅτε κύκλα σελήνης.

Ἤλυθε δ' ἐς λειμῶνα, ϗ οὐκ ἐφόβησε φαανθεὶς
Παρθενικὰς, πάσῃσι δ' ἔρως γένετ' ἐγγὺς ἱκέσθαι,
Ψαῦσαί θ' ἱμερτοῖο βοὸς, τοῦ δ' ἄμβροτος ὀδμὴ
Τηλόθι καὶ λειμῶνος ἐκαίνυτο λαρὸν ἀϋτμήν.
Στῆ δὲ ποδῶν προπάροιθεν ἀμύμονος Εὐρωπείης,
Καί οἱ λιχμάζεσκε δέρην, κατέθελγε δὲ κούρην.
Ἡ δέ μιν ἀμφαφάασκε, ϗ ἠρέμα χείρεσιν ἀφρὸν
Πολλὸν ἀπὸ στομάτων ἀπεμόργνυτο, ϗ κύσε ταῦρον.
Αὐτὰρ ὁ μειλίχιον μυκήσατο· φαίης κ' αὐλοῦ
Μυγδονίου λιγὺν ἦχον ἀνηπύοντος ἀκούειν.
Ὤκλασε δὲ πρὸ ποδοῖιν· ἐδέρκετο δ' Εὐρωπείην,
Αὐχέν' ἐπιστρέψας, ϗ οἱ πλατὺ δείκνυε νῶτον.
Ἡ δὲ, βαθυπλοκάμοισι μετέννεπε παρθενικῇσι,
Δεῦτ' ἑτάραι φίλιαι καὶ ὁμήλικες, ὄφρ' ἐπὶ τῷδε
Ἑζόμεναι ταύρῳ τερπώμεθα· δὴ γὰρ ἁπάσας,
Νῶτον ὑποστορέσας, ἀναδέξεται, οἷά τε νηῦς.
Πρηΰς ὁ δ' εἰσιδέειν ϗ μείλιχος, οὐδέ τι ταύροις

Ἄλλοισι προσέοικε· νόος δέ οἱ ἠΰτε φωτὸς
Αἴσιμος ἀμφιθέει, μούνης δ' ἐπιδεύεται αὐδῆς.
Ὣς φαμένη, νώτοισιν ἐφίζανε μειδιόωσα·
Αἱ δ' ἄλλαι μέλλεσκον. ἄφαρ δ' ἀνεπήλατο ταῦρος,
Ἣν θέλεν ἁρπάξας· ὠκὺς δ' ἐπὶ πόντον ἵκανεν.
Ἡ δὲ μεταστρεφθεῖσα φίλας καλέεσκεν ἑταίρας,
Χεῖρας ὀρεγνυμένη· ταὶ δ' οὐκ ἐδύναντο κιχάνειν.
Ἀκτάων δ' ἐπιβὰς πρόσσω θέεν, ἠΰτε δελφίς·
Νηρεΐδες δ' ἀνέδυσαν ὑπ' ἐξ ἁλὸς, αἱ δ' ἄρα πᾶσαι
Κητείοις νώτοισιν ἐφήμεναι ἐστιχόωντο.
Καὶ δ' αὐτὸς βαρύδουπος ὑπεὶρ ἁλὸς Ἐννοσίγαιος,
Κῦμα κατιθύνων, ἁλίης ἡγεῖτο κελεύθου
Αὐτοκασιγνήτῳ· τοὶ δ' ἀμφί μιν ἠγερέθοντο
Τρίτωνες, πόντοιο βαθυρρόου ἐνναετῆρες,
Κόχλοισιν ταναοῖς γάμιον μέλος ἠπύοντες.
Ἡ δ' ἄρ' ἐφεζομένη Ζηνὸς βοέοις ἐπὶ νώτοις,
Τῇ μὲν ἔχεν ταύρου δολιχὸν κέρας, ἐν χερὶ δ' ἄλλῃ
Εἴρυε πορφυρέας κόλπου πτύχας, ὄφρα κεν ᾤην
Δεύοι ἐφελκομένην πολιῆς ἁλὸς ἄσπετον ὕδωρ.

Κολπώθη δ' ὤμοισι πέπλος βαθὺς Εὐρωπείης,
Ἱστίον οἷά τε νηός, ἐλαφρίζεσκε δὲ κούρην.
Ἡ δ' ὅτε δὴ γαίης ἀπὸ πατρίδος ἦεν ἄνευθεν,
Φαίνετο δ' οὔτ' ἀκτή τις ἁλίρροθος, οὔτ' ὄρος αἰπὺ,
Ἀλλ' ἀὴρ μὲν ὕπερθεν, ἔνερθε δὲ πόντος ἀπείρων,
Ἀμφί ἑ παπτήνασα, τοίην ἀνενείκατο φωνὴν,
Πῆ με φέρεις, θεόταυρε; τίς ἔπλεο; πῶς δὲ κέλευθον
Ἀργαλέοισι πόδεσσι διέρχεαι, οὐδὲ θάλασσαν
Δειμαίνεις; νηυσὶν γὰρ ἐπίδρομός ἐστι θάλασσα
Ὠκυάλοις, ταῦροι δ' ἁλίην τρομέουσιν ἀταρπόν.
Ποῖόν σοι ποτὸν ἡδύ; τίς ἐξ ἁλὸς ἔσσετ' ἐδωδή;
Ἦ ῥά τις ἐσσὶ θεός; τί θεοῖς ἀπεοικότα ῥέζεις;
Οὔθ' ἅλιοι δελφῖνες ἐπὶ χθονὸς, οὔτέ τι ταῦροι
Ἐν πόντο στείχουσι· σὺ δὲ χθόνα καὶ κατὰ πόντον
Ἄβροχος ἀΐσσεις, χηλαὶ δέ τοι εἰσὶν ἐρετμά.
Ἦ τάχα καὶ γλαυκῆς ὑπὲρ ἠέρος ὑψόσ' ἀερθεὶς,
Ἴκελος αἰψηροῖσι ποτήσεαι οἰωνοῖσιν.
Οἴμοι, ἐγὼ μέγα δή τι δυσάμμορος, ἥ ῥά τε δῶμα

Πατρὸς ἀποπρολιποῦσα, καὶ ἑσπομένη βοῒ τῷδε,
Ξείνην ναυτιλίην ἐφέπω, καὶ πλάζομαι οἴη.
Ἀλλὰ σύ μοι μεδέων πολιῆς ἁλὸς Ἐννοσίγαιε
Ἵλαος ἀντιάσειας· ἔελπομαι εἰσοράασθαι
Τόνδε κατιθύνοντα πλόον προκέλευθον ἐμεῖο.
Οὐκ ἀθεεὶ γὰρ ταῦτα διέρχομαι ὑγρὰ κέλευθα.
Ὣς φάτο. Τὴν δ' ὧδε προσεφώνεεν εὐρύκερως βοῦς,
Θάρσει παρθενικὴ, μὴ δείδιθι πόντιον οἶδμα·
Αὐτός τοι Ζεὺς εἰμὶ, καὶ ἐγγύθεν εἴδομαι εἶναι
Ταῦρος· ἐπεὶ δύναμαί γε φανήμεναι ὅ,ττ' ἐθέλοιμι.
Σὸς δὲ πόθος μ' ἐνέηκε τόσην ἅλα μετρήσασθαι
Ταῦρον ἐειδόμενον· Κρήτη δέ σε δέξεται ἤδη,
Ἥ μ' ἔθρεψε καὶ αὐτὸν· ὅπα νυμφήια σεῖο
Ἔσσεται· ἐξ ἐμέθεν δὲ κλυτοὺς φιτύσεαι υἷας,
Οἳ σκηπτοῦχοι ἅπαντες ἐπιχθονίοισιν ἔσονται.
Ὣς φάτο· καὶ τετέλεστο τάπερ φάτο· φαίνετο μὲν δὴ
Κρήτη, Ζεὺς δὲ πάλιν ἑτέρην ἀνελάζετο μορφήν.
Λῦσε δέ οἱ μίτρην, καί οἱ λέχος ἔντυνον Ὧραι.
Ἡ δὲ πάρος κούρη, Ζηνὸς γένετ' αὐτίκα νύμφη.
Καὶ Κρονίδῃ τέκνα τίκτε, καὶ αὐτίκα γίνετο μήτηρ.

НѢЧТО

о второй Идилліи.

Похищеніе Европы почитается однимъ изъ превосходныхъ твореній Мосховыхъ, оставленныхъ древностію. Сія повѣсть занимательна и пріятна, вездѣ видѣнъ духъ Поэзіи и красоты слога. Нѣкогда *Калгіергъ* и другіе почитали ее Өеокритовою; но довольно прочесть творенія того и другаго, что бы видѣть два разные Геніи и двѣ разныя кисти, изображающія природу. *Ксиландеръ* первый сіе примѣтилъ, а *Стефанъ* издалъ подъ именемъ Мосховой *Урсинъ* нашелъ въ двухъ рукописяхъ Ватиканской и Медицейской, что она приписана Мосху, и на Августанской заглавіе: Μόσχȣ Σικελιώτȣ Εὐρώπη.

Есть много камней, оставшихся отъ древности, на коихъ изображенъ Зевесъ, въ видѣ Тельца, несущій на хребтѣ Европу. (Любопытные могутъ видѣть *Монфокона* Т. II. табл. 19 и 20). Есть много превосходныхъ картинъ и эстамповъ, представляющихъ похищеніе Европы, читатели ихъ видѣли, или могутъ видѣть; но мы разсмотримъ сіе преданіе, какъ басню историческую, вотъ ея содержаніе:

Европа, дочь Агенора, сестра Кадьма была такъ прекрасна, что Зевесъ влюбился въ нее и превратясь въ тельца, на хребтѣ своемъ перенесъ ее изъ Финикіи въ ту страну, которая называется симъ именемъ.

Замѣтимъ прежде всего, что въ древности многіе назывались именемъ Зевеса; но мракъ, царствующій въ исторіи, сокрылъ отъ насъ истину. Воссій (объ идол. К. I. гл. 14.) основательнѣе всѣхъ, кажется, разбираетъ подвиги Зевесовъ. По его мнѣнію, приключеніе Ніовеи, дочери Форонея относится къ Зевесу Апису, царю Аргосскому, жившему за 1770 лѣтъ до р. Х. Приключеніе съ Данаею падаетъ на счетъ Зевеса Претуса, жившаго около 1350 годовъ до р. Х. Похититель Ганимеда былъ Зевесъ Танталъ, царствовавшій около того же времени. Отецъ Геркулеса есть Зевесъ, обольстившій Леду въ видѣ лебедя. На конецъ Зевесъ, составляющій предметъ сей басни, есть Зевесъ Астерій, Государь Критскій, коего царствованіе полагается около 1440 годовъ до р. Х. за два вѣка до войны Троянской.

Сей Государь, по сказанію Діодора Сицилійскаго, былъ сынъ Тейтама, которой, вступя въ бракъ съ дочерью Кретея, перешелъ съ нѣкоторыми Пелазгами на островъ Критъ, основалъ тамъ усадьбу и былъ первымъ Государемъ. Астерій, наслышась о красотѣ Европы, дочери Агенора, снарядилъ корабль для ея похищенія. Въ сіи грубыя вре-

мена былЪ обычай, похищать насильно дѣвицЪ, коихЪ невозможно было имѣть вЪ супружествѣ по согласію (Герод. К. I.) Другой обычай не меньше извѣстный: корабли назывались именами животныхЪ, и сіи животныя изображались на кормѣ кораблей. ТакЪ Виргилій называетЪ суда Энеева флота *КентаврЪ КитЪ* и проч. и сіе самое разумѣетЪ Овидій подЪ стихомЪ (in alex.).

Navis et a picta claſside nomen habet.

Корабль АстеріевЪ, безЪ сомнѣнія, былЪ украшенЪ на кормѣ изображеніемЪ Тельца, что подало поводЪ сказать: будто бы ЗевесЪ, сложивЪ величество бога, принялЪ видЪ Тельца, для похищенія любезной. ПалефотЪ, а по немЪ ТетцесЪ, думаютЪ, будто кЪ басни сей подалЪ поводЪ предводитель войскЪ АстеріевыхЪ, называвшійся Ταῦρος; но первое изъясненіе, кажется и древнѣе и основательнѣе. Мнѣніе Бохарта (Lib. II. cap. 3.) очень остроумно; если бы можно положиться на слово-производство языковЪ несуществующихЪ — Ученость не упомима! онЪ доискался, что басня, о похищеніи тельцомЪ Европы, родилась отЪ двоякаго значенія слова, Alpha или Ilpha, которое на ФиникійскомЪ языкѣ значитЪ и *корабль* и *ТелецЪ*; будто Греки, читая исторію сего народа, приняли сіе слово вЪ послѣднемЪ значеніи.

Думайте, какЪ угодно, только Европа, привезенная на островЪ КритЪ, вышла за-мужЪ за Астерія и родила трехЪ сыновЪ: *Миноса, Радаманта* и *Сарпедона*. Сія царевна чрезмѣрно уважаема была при жизни, а по смерти причтена кЪ богинямЪ. ВЪ честь ей учреждено было празднество, которое Гезихій называетЪ Геллотія Ἑλλωτία; и какЪ во время обоготвореній, часто перемѣняли имена новыхЪ боговЪ, то Европа названа Ἑλλωτίς.

Есть ученые, кои переводятЪ сіе слово *дѣвою*; но какая вѣроятность, что бы сіе имя дано было той, которая родила трехЪ сыновЪ? И такЪ кажется, вЪ семЪ случаѣ, лучше принять мнѣніе Бохарта, который производитЪ сіе слово отЪ Финикійскаго Hallots и переводитЪ *хвала, эпиталама*, дабы означить чрезЪ то, говоритЪ онЪ, что ея пріѣздЪ, праздкованЪ былЪ похвальными пѣснями и эпиталамами, что безЪ сомнѣнія возобновлялось каждый годЪ, во время ея жизни и по смерти продолжалось подЪ названіемЪ *Геллотія*, или *эпиталама*. Если вѣрить Стефану (de urbibus при словѣ Ἑλλωτίς) то сіе самое имя дано было городу *ГортисЪ*, гдѣ знаменитѣйшее торжество учреждалось *Геллотія*. Но по чему бы, кажется, не предположить и такЪ, что извѣстное Коринѳское празнество Минервы *дѣвы* παρθένος, перенесено будучи на островЪ КритЪ, посвящено вЪ честь Европы. Сія догадка

шѣмъ основательнѣе, что Греческія усадьбы, переносясь съ одного мѣста на другое, переносили и празднества, но почти всегда перемѣняли предметъ оныхъ.

Теперь разсмотримъ планъ сего творенія: Могущественная Киприда посылаетъ сонъ Европѣ, спящей въ высокомъ теремѣ: Царевна видитъ *Азію* и Ливію, въ видѣ двухъ женъ, спорящихъ между собою кому Европа принадлежитъ, наконецъ Ливія беретъ ее и Европа не сопротивляется, но вдругъ пробуждается — Это было зарею въ третью стражу, когда сны, по суевѣрію древнихъ, носились истинные. Вставши съ ложа, она идетъ къ подругамъ, которыя, съ цвѣточными корзинами, собрались итти на берегъ моря.

Далѣе съ 37 по 62 стихъ слѣдуетъ описаніе Царевниной корзины, описаніе совершенно приличное древнимъ пастушескимъ Поэтамъ и прекрасное. Между тѣмъ Зевесъ, узря ее воспламенился любовію, но желая избѣжать ревности Юнониной слагаетъ величество бога и принимаетъ видъ тельца (ст. 79) описаніе тельца можетъ почесться самымъ вѣрнымъ изображеніемъ изящной природы, не возможно, кажется, представить сей картины простѣе и благороднѣе. Часто воображалъ я, какъ легко могла бы обезобразить сію трудную по простотѣ своей картину, кисть неискуснаго художника!

Европа, играя, садится на тельца и преображенный богъ уноситъ ее по волнамъ моря. Вдругъ является толпа Нереидъ, Тритоновъ и самъ Нептунъ во всемъ торжествѣ; картина величественная. Европа вопрошаетъ тельца, куда несешь меня, и кто ты? Онъ отвѣтствуетъ: я Зевесъ, принявшій видъ сей изъ любви къ тебѣ, ты скоро узришь Критъ и содѣлаешься матерью племенъ Державныхъ — Дій рекъ и глаголъ совершился. — Сія небольшая поэма, сверхъ красотъ Поэзіи, отличается какою-то благородною, неподражаемою простотою, до которой со всѣмъ искуствомъ дойти не возможно. Разсмотримъ подробнѣе.

* * *

Въ первыхъ двухъ стихахъ остановимся на словахъ ὄνειρος и λάχος. О первомъ замѣтимъ, что ὄνειρος значитъ *сонъ*, *сновидѣніе*, *грезу*; а не то, что ὕπνος *сонъ*, somnus. При словѣ λάχος, вспомнимъ, что древніе раздѣляли ночь на три стражи, третія стража была зарею, которую въ семъ мѣстѣ Поэтъ описываетъ прекрасно. Гезихій изъясняетъ, λάχος νύκτος, тоже что μέρος. Такъ Гомеръ въ ил. X, 251.

Ἀλλ᾽ ἴομεν· μάλα γὰρ νὺξ ἄνεται, ἐγγύθι δ᾽ ἠώς·
Ἄστρα δὲ δὴ προβέβηκε, παρώχηκεν δὲ πλέων νὺξ,
Τῶν δύο μοιράων, τριτάτη δ᾽ ἔτι μοῖρα λέλειπται.

Т. е. *но пойдемъ, ночь проходитъ и занимается заря, многія звѣзды уже сокрылись, двѣ части ночи*

прошли, третья только остается. Такъ Горацій К. I. X, 32.

— Velut me tali voce Quirinus,
Post mediam noctem visus, cum somnia vera.

3) Γλυκίων μέλιτος — въ воображеніи пастуха нѣтъ ничего пріятнѣе *сна* и *меду*; въ другихъ мѣстахъ они сравниваютъ пріятныя вещи со сномъ, весьма βυκολικῶς.

4) — Πεδάᾳ — κατὰ — есть разстановка τμῆσις, вмѣсто καταπεδᾷ, *связываетъ*, *опутываетъ*, *смѣжаетъ*.

5.) Ποιμαίνεται ἔθνος ὀνείρων — *пасется стадо сновидѣній* и прежде ἀτρεκέων *вѣщихъ*, *истинныхъ*, древніе вѣрили, да и нынѣ суевѣрные думаютъ, что сны, видѣнные свѣтомъ, справедливы; *пасутся*, какъ будто стада выходятъ на лугъ пастись, или звѣри за добычей и будто умы слабыхъ смертныхъ, служатъ ихъ пищею, выраженіе Піитическое.

6.) Ὑπορόφιοισιν — δόμοισι — въ верхней части дома, т. е. подъ кровлею — я думаю даже, что наши старинные *теремы*, едвали не взяты отъ Грековъ; ибо предки наши въ свое время много заимствовали отъ сего народа.

9.) Ἀντιπέρην — *противоположную.* Есть и тутъ несогласія. *Вулканій* разумѣетъ *Ливію*, т. е. Африку, а прочіе Европу, которую *Поэтъ* не называетъ для того, что она въ послѣдствіи приметъ имя сей дѣвы. *Послѣдняя* мысль, кажется справедливѣе. II. стихъ во многихъ изда-

ніяхъ пропущенъ — Споръ двухъ странъ, сколько ни страненъ — но это сновидѣніе. Βιαζομένα παλάμῃσιν — сопязаясь руками (ст. 14.) εἴρυεν οὐκ ἀέκουσαν взяла *не насильно*, *не противъ воли*, non invitam, часто во снѣ случается быть согласнымъ на то, къ чему бы на яву никогда не приступилъ, сіе испыталъ каждый и тѣмъ болѣе чувствуетъ красоту вѣрнаго изображенія природы.

16.) Ἡ δ' ἀπὸ μὲν — такъ Аполлоній говоритъ о Медеѣ Argonavt К. III, 633.

Παλλομένη δ' ἀνόρουσε φόβῳ, περί τ' ἀμφί τε τοίχους
Πάπτηνεν θαλάμοιο· μόλις δ' ἐσαγείρατο θυμὸν,
Ὡς πάρος, ἐν στέρνοις· ἀδινὴν δ' ἀνενείκατο φωνήν.
Δειλὴ ἐγὼν, οἷόν με βαρεῖς ἐφόβησαν ὄνειροι.

Т. е. *но пораженная ужасомъ возстала, и со всѣхъ сторонъ озираетъ очами стѣны: она едва привела духъ въ груди своей въ прежнее состояніе, и произнесла плачевные вопли: о я нещастная! какіе страшные сны поразили меня.* Такъ Виргилій, К. III. Энеид. 172.

Talibus attonitus visis, ac voce deorum,
(Nec sopor illud erat, sed coram agnoscere vultus,
Velatusque comas, praesentiaque ora videbar:
Tum gelidus toto manabat corpore somnus):
Corripio e stratis corpus — —

Минута пробужденія Европы естественна, прекрасна и занимательна. Въ 17 стихѣ противополагаются слова

ὄναρ и ὕπαρ; слѣдственно разумѣть должно ὄναρ вообще сновидѣніемъ, а ὕπαρ истиннымъ, которое сбывается, у Гомера Odyss: τ'. ст. 547. также въ семъ значеніи

Οὐκ ὄναρ, ἀλλ᾽ ὕπαρ ἐσθλὸν, ὅ τοι τετελεσμένον ἔσαι.

или въ Одис. Υ'. 90.

19. Ἐπεὶ οὐκ ἐφάμην ὄναρ ἔμμεναι, ἀλλ᾽ ὕπαρ ἤδη, т. е. *ибо не думалъ, чтобъ это было пустое сновидѣніе, а истинный сонъ.* Πεπταμένοισιν ἐν ὄμμασιν. Выраженіе Пiитическое, представляющее встревоженную душу. — Сіе слово можно производить отъ πετάζω или отъ πετάννυμι, открываю, *что бы выразить открытые, изумленные глаза,* или отъ ἵπτημι — *глаза вращающіеся туда и сюда.* Отъ 20 до 27 стиха слѣдуютъ слова Европы; ея сомнѣніе, нерѣшимость изображены сими вопросами весьма натурально.

Въ 27 стихѣ ἀλλά μοι — ὄνειρον, древнее выраженіе которое употреблялось для отвращенія отъ себя худыхъ *навѣтовъ,* называемыхъ у насъ *изурочить, зглазить.* Римляне говорили: Quod omen Deus avertat, или Dii prohibeant, или у Овидія: Dii melius. У насъ въ просторѣчіи есть подобное выраженіе для предохраненія себя отъ такъ называемой *нечистой силы: чуръ меня! мое мѣсто свято.* Таковое выраженіе встрѣчается у Тибулла К. III. Элог. 4. ст. 1.

Di meliora ferant nec sint insomnia vera,
Quae tulit extrema pessima nocte quies.

Ст. 31.) Ἠ' ὅτε — ἀναύρῳ. Во всѣхъ почти изданіяхъ, Ἀναύρῳ, съ прописною буквою напечатано и переведено, какъ имя собственное рѣки. Сіе мѣсто показалось невразумительнымъ для *Пальмерія.* Гдѣ же эту рѣку полагать должно — говоритъ сей ученый, изъ всей Италіи невидно. Есть въ Магнезіи рѣка *Анавръ,* впадающая въ море, и другой Анавръ въ Троадѣ, или Дарданіи — Но естьли вѣрить Овидію и другимъ, кои полагаютъ, что *Европа,* дочь Агенора, Царя Сидонскаго, похищена въ Финикіи, между тѣмъ, какъ играла на берегу моря; то должно думать, по сему мѣсту Моска, что есть еще Анавръ въ Финикіи близъ Сидона — однакожъ ни одинъ Географъ объ немъ не упоминаетъ. Справедливо, что на всякаго мудреца много простоты. Здѣсь Анавръ не имя собственное, а нарицательное, и означаетъ рѣку, или лучше въ первообразномъ значеніи потокъ. Такъ точно говоритъ Анакреонъ. Ода VII ст. 4.

Διὰ δ᾽ ὀξέων μ᾽ ἀναύρων κ. τ. λ.
я чрезъ быстрые потоки. и проч.

Гарлесъ мимоходомъ упоминаетъ еще объ одномъ мѣстѣ въ Анакреонтѣ. Од. 19. которое исправляетъ: вотъ оно:

Ἡ γῆ μέλαινα πίνει,
Πίνει δὲ δένδρε᾽ αὐτήν,
Πίνει θάλασσα δ᾽ αὔρας,
Ὁ δ᾽ ἥλιος θάλασσαν,
Τὸν δ᾽ ἥλιον σελήνη.

т. е. *земля пьетъ плодородіе*, *древа пьютъ землю*, (соки ея) *море пьетъ воздухъ*, *солнце моря*, *а луна и самое солнце* и подлинно, что значитъ πίνει θάλασσα δ'αὔρας, *море пьетъ воздухъ*? а естьли прочесть съ Гарлесомъ: πίνει θάλασσ' ἀναύρους т. е. *море пьетъ потоки*, то мысль будетъ ясная и очень естественная.

Въ 32. κέρσει будущее Эолич. отъ глагола κείρω, *срываю*. ст. 36. вмѣсто ἠχῇ Брункъ и Фалькенарій читаютъ αὐγῇ, но сія перемѣна, какъ говоритъ Манзо, кажется вовсе ненужна; ибо *увеселяться шумомъ волнъ*, также прекрасно, какъ и тѣшиться ихъ плесканіемъ.

38.) Μέγαν πόνον Ἡφαίστοιο. Древніе почитали Ифеста, какъ изъ Гомера довольно ясно видно, не только боговъ кузнецовъ, но и изобрѣтателемъ всѣхъ металлическихъ произведеній. Лучшія въ семъ родѣ, ему были приписываемы; какъ-то доспѣхи Ахиллесовы и Энеевы, ожерелье Гармоніи, вѣнокъ Аріадны и многое подобное.

39.) Сіе описаніе корзины есть Эпизодъ, самъ по себѣ значительный и можетъ почесться примѣрнымъ въ позднѣйшей древности, но онъ не принадлежитъ къ самому дѣлу, къ исторіи Европы, слѣдственно излишній. *Аристотель* въ Піитикѣ своей охуждаетъ подобныя отступленія. Кажется, что Мосхъ желалъ подражать въ сей Идилліи, подобнымъ описаніямъ Гомера и Ѳеокрита, но жаль, не у мѣста.

39.) Οὐ Λιβύη — δῶρον — Слѣдуя Аполлодору, Кн. II. Гл. I. §. 3. *Ливія* была дочь *Мемфисы* и Эпафа, сына Іо; отъ ней-то Нептунъ родилъ *Агенора* и *Бела*. Агеноръ потомъ вступилъ въ бракъ съ *Телефаессою*; а отъ сей родилась *Европа*, которой именемъ названа третья часть свѣта — Ἐννοσίγαιος называется Нептунъ отъ ἐνόω *потрясаю* и γαῖα *земля*. Онъ почитался *земли-потрясателемъ*, terrae quassator, Erderschüterer; ибо древніе думали, что отъ него происходитъ землетрясеніе. — По сему онъ называется ἐννοσίχθων у Гомера Иліад. IX. 208. а чаще Σεισίχθων (отъ σείω двигаю) у Пинд. Исѳ. 1. 76. Ἐνοσίδας, а для стиха ἐννοσίδας (Пинд. Пиѳ. IV, 158, 307. отъ ἐνόω или ἐνόθω двигаю и δᾶ Дорич. вмѣсто γῆ.) Обыкновенное имя его у Грековъ было ποσειδῶν, и Дорич. ποσειδᾶν.

40.) ἡ δὲ πόρεν — αἵματος ἔσκεν. Желательно знать, что значатъ послѣднія слова? кажется то же, что другими словами: ἔσκεν οἱ θυγάτηρ или ἀπόγονος, и значитъ, что Телефаесса родилась отъ крови Ливіи. Такъ встрѣчается у Гомера:

Αἵματος εἶ ἀγαθοῖο, φίλον τέκος.

и у Аполлонія въ К. IV.

Ἔμπεδον ἀθανάτων ἔσαν αἵματος.

Smyrnaeus Lib. XIV. *у Гарлеса.*

Ἄμφω γὰρ μακάρων ἔσαν αἵματος.

Ш

Ибо Телефаесса была снохa Ливіи, не дочь и не внука. Изъяснитель Аполлонія повѣствуетъ о Телефаессѣ различно. Но никто (сколько Гарлесъ и Манзо помнятъ) изъ древнихъ не называетъ ее дочерью. Сіе обстоятельство побудило Казаубона перемѣнить обыкновенное чтеніе 41 стиха Ἤ τὲ οἱ αἵματος ἔσκεν на Ἤγε οἱ ἔγγυος, или Ἤγε ἑοῖ υἱὸς ἔσκεν. Но въ сей перемѣнѣ нѣтъ потребности. Подъ словами: Ἤ τὲ, или, какъ и я съ Фалькенаріемъ принялъ, Ἤγε οἱ αἵματος ἔσκε разумѣется только то, что она была изъ одной фамиліи отъ одной крови, что всегда могъ сказать Мосхъ объ Ливіи. Впрочемъ все сіе мѣсто есть явное подражаніе Гомеру, гдѣ онъ описываетъ скипетръ Агамемноновъ (К. II. ст. 101, 108.) При чемъ замѣтимъ, что подражатель не могъ сравниться съ оригиналомъ. Гомеръ даетъ свой скипетръ въ руки Вулкану съ намѣреніемъ, заставляетъ его переходить изъ рукъ въ руки, отъ одного бога къ другому; отъ Государя къ Государю съ тѣмъ, что бы возвысить въ душѣ читателя понятіе о его величествѣ и славѣ, и возвышаетъ оное въ самомъ дѣлѣ. Мосхъ оставляетъ также свою корзину въ рукахъ бога; потомъ изъ однихъ прекрасныхъ рукъ передаетъ ее въ другія и наконецъ можно сказать вмѣстѣ съ *Манзо*, ſed nunc non erat his locus. И подлинно сія корзина не возвышаетъ понятія о Царевнѣ; ибо она содѣлавшись супругою Зевеса, прославилась несравненно болѣе, нежели своею корзиною.

44.) Ἰνάχις Ἰὼ — 45.) — *πόρτις ἔσσα* — Баснь Іо относится къ самымъ древнимъ Греческимъ преданіямъ, и вѣ-

роятно родилась отъ многосказательнаго вида луны, подъ женскимъ лицемъ, съ серебряными рогами. О семъ можно видѣть у сл. Гейне Sammlung Antiquariſcher Aufsätze part. I. pag. 41. и у Овидія Превр. К. I. баснь 10 — 13. Извѣстно, что Греческія басни родилися отъ Египетскихъ и Финикійскихъ, или украсились ими. *Изисъ* была первая богиня Египта, она научила сей народъ землепашеству и всему потребному. Такъ говоритъ Діод. Сиц. Плутархъ, или лучше, вся древность. Съ переселеніемъ усадьбъ изъ Египта, перенеслось и поклоненіе *Изисѣ* въ чужія страны. Греція приняла оное съ тѣхъ поръ, какъ *Инахъ* основалъ въ сей странѣ усадьбу. — Въ послѣдствіи почитали *Іо*, или *Изисъ* его дочерью, и баснь сдѣлалась извѣстною такъ, какъ Овидій повѣствуетъ. — Вотъ вѣрнѣйшее. — Но могли быть приключенія, украсившія баснь сію. *Аполлодоръ*, *Страбонъ*, *Діодоръ Сицил.* и *Павзаній*, слѣдуя Гомеру, говорятъ, что Іо была дочь *Инаха*, перваго Царя Аргосскаго. Юпитеръ похитилъ ее, привезъ въ Критъ, и имѣлъ отъ ней сына *Эпафа*, отплывшаго въ Египетъ царствовать; съ нимъ отправилась и мать его, вышла за-мужъ за *Озириса*, то есть, *Аписа* сына *Форонея*, втораго Царя Аргосскаго, который по смерти сдѣланъ богомъ и названъ *Сераписомъ*. — Еще для изъясненія прибавляютъ, будто *Ніовея*, по тогдашнему обычаю называвшаяся и Юноною, почувствовавъ ревность, отдала Іо подъ стражу дядѣ своему *Аргусу*, очень прозорливому, котораго Юпитеръ приказалъ умертвить своему любимцу. И между тѣмъ какъ Іо отправилась въ Египетъ на кораблѣ, носившемъ имя и знакъ

на кормѣ юницы или коровы, Греки сказали, что Юпитерь превратилъ сію Царевну въ корову. — Но нѣкоторые полагаютъ *Io* гораздо позже, за 1420 лѣтъ до р. Х. и называютъ дочерью *Іаза*, сына *Тріопаса*, 7 го Царя Аргивскаго, что явствуетъ и изъ мраморовъ Арондельскихъ. Греческіе писатели увѣряютъ, что часть Эгейскаго моря, называемая *Босфоромъ*, получила названіе отъ βȣς и φέρω т. есть bos и fero, по причинѣ плаванія на немъ *Io*, превращенной въ корову.

48.) — Τῆνȣ ἐπ' ὄφρυος и проч. — Такъ Виргилій Георгикъ К. I. ст. 108.

Ecce ſupercilio clinosi tramitis undam
Elicit. — — — — — —

но и Мосхъ и Виргилій подражали Гомеру К. XX. ст. 151

Οἱ δ' ἑτέρωσε κάθιζον ἐπ' ὄφρυσι καλλικολώνης.

т. е. *Ii vero ex altera parte ſedebant in ſupercilio Callicolones.* Ὀφρὺς собственно значитъ ſupercilium, *бровь*, потомъ въ переносномъ, метафорическомъ смыслѣ, *часть какого нибудь мѣста выдавшуюся*, *возвышенную* или просто *вершину*.

49.) Ἀολλήδην — *старинное* — *другъ подлѣ друга* отъ ἀολλής, часто встрѣчающагося у Гомера, которое значитъ densus, condensatus, dense congregatus, *соединенный*, *стѣсненный*, *сгущенный*.

51.) Πόρτιος εἰναλίης — такъ почти во всѣхъ изданіяхъ находится, выключая *Урсиново*, въ которомъ написано:

Πόρτιος ἐς καλλίςην δ' ἑπταπόρῳ παρὰ Νείλῳ;
Ἐκ βοὸς εὐκεράοιο πάλιν μετάμειβε γυναῖκα.

Сіе чтеніе довольно ясно, но на какой рукописи утверждается, не извѣстно. Впрочемъ сія *Идиллія* въ его изданіи во многомъ отличается отъ обыкновенныхъ. Чтеніе Урсина, взятое изъ *Каллїерга*, подтверждается и Швебелліемъ. Ибо, когда по прошенію Юпитера, *Io* получила отъ Юноны прежній видъ; то превратилась опять въ *прекраснѣйшую женщину*. — Между тѣмъ онъ удерживаетъ и одобряетъ обыкновенное чтеніе. Но Цїерсонъ находитъ, что первое чтеніе monſtrum horrendum, informe и пр. ибо *Io* превращена была въ простую корову, а не въ морскую (phocam), у которой рогъ нѣтъ. Дочь Инаха, во образѣ юницы, называется ἰναχίη βȣς, πόρτις, δαμάλη. — ἑπταπόρῳ παρὰ Νείλῳ. Нилъ называется ἑπτάπορος по тому, что семью устьями впадаетъ въ море. Такъ какъ Истръ, или Дунай πεντάπορος именуется по пяти своимъ истокамъ.

53 и 54.) Ἀργύρεος — Ζεύς. Поэты представляютъ Вулкана совершеннымъ въ выборѣ и смѣшеніи цвѣтовъ. Для каждаго предмета беретъ онъ такой металлъ, коего цвѣтъ ближе всего подходитъ къ цвѣту изображенной вещи. По сему мы видимъ здѣсь Нилъ сребряный, или пѣною покрытый, корову красноватую, или рыжую, а Зевса, величественнаго бога, изъ драгоцѣннѣйшаго металла, изъ золота. Такъ поступаетъ онъ вездѣ у Греческихъ Поэтовъ — у *Гезіода* въ приготовленіи Геркулесова щита; у *Гомера*

Ахиллесова; у Виргилія — Энеева. Впрочемъ Виргилій не всегда слѣдовалъ съ точностію Греческимъ Поэтамъ. У него встрѣчается море золотое, Дельфины сребряные.

55.) Ὑπὸ ϛεφάνην — ϛεφάνη значитъ не только *вѣнокъ*, но и все, что имѣетъ *видъ вѣнка, круга, верхней части, покрывающей что нибудь.* Здѣсь конечно значитъ *окруженіе* верхней части корзины, ora, circuitus. v. Paschalium de coronis I. C. 2. *Гарлесъ.*

57.) Съ симъ стихомъ можно сравнить Heraclitum de incredibil. 37. стр. 81. in Gale Opusculis mytholog. de panopte: Τοῦτον πάντα βλεπόμενον ἀκούειν, καὶ ὁρᾶν ἐν παντὶ τῷ σώματι ὀφθαλμοὺς ἔχειν ὅθεν ἔτι καὶ νῦν τοὺς τοιούτους πανόπτας καλοῦμεν.

59.) Ὄρνις (птица) павлинъ. Объ исторіи Аргуса и происхожденіи павлина можно видѣть превращ. К. I. ст. 662 — 723. Вотъ главнѣйшія:

Arge, jaces: quodque in tot lumen habebas
Extinctum est: centumque oculos nox occupat una.
Excipit hos, volucrisque suae saturnia pennis
Collocat; et gemmis caudam stellantibus implet.

63.) Αἱ δ' ἐπεὶ — Ἀφρογένεια) съ такою же веселостію и удовольствіемъ Прозерпина срываетъ цвѣты, какъ описываетъ Клавдіанъ. К. II. 118.

Huc elapsa cohors gaudent per florea rura.
Hortatur Cytherea legant: nunc ite, sorores,

Dum matutinis praesudat solibus aër:
— — — — — Sic fata doloris
Carpit signa sui. Varios tum cetera saltus
Invasere cohors — — — —
Pratorum spoliatur honos: haec lilia fuscis
Intexit violis: hanc mollis amaracus ornat,
Haec graditur stellata rosis: haec alba ligustris.
Te quoque, flebilibus moerens, Hyacinthe, figuris,
Narcissumque metunt, nunc inclita germina veris,
Praestantes olim pueros. etcet. —

Такъ говоритъ и Овидій въ 6й баснѣ о сей же Прозерпинѣ:

— — Dum Proserpina luco
Ludit, et aut violas, aut candida lilia carpit;
Dumque puellari studio calathosque sinumque
Imlet, et aequales certat superare legendo;
Paene simul visa est, delectaque raptaque Diti.

Горацій подражаетъ Мосху въ баснѣ Европы К. III. ода 27.

Nuper in pratis studiosa florum, et
Debitae Nymphis opifex coronae,
Nocte sublustri, nihil astra praeter
Vidit et undas.

66.) Πολλὰ δ' ἔραζε — πέτηλα. Картина очень натуральная и прелестная. Красавицы съ такою жадностію

рвутъ цвѣты; что даже не щадятъ, не берегутъ ихъ, и листы разсыпаются по зеленому лугу.

71.) Ἐν χαρίτεσσι - Ἀφρογένεια. Граціи всегда были спутницы Венеры; а безъ нихъ, — мнѣ кажется, — она не могла бы владычествовать надъ сердцами, красота плѣняетъ, а пріятности удерживаютъ сердце въ плѣну. См. о Граціяхъ, смерть Адон. ст. 91. стр. 38.

74.) Ὥς μιν φράσαθ', ὣς ἐβέβλητο.

Но Дій узрѣлъ ее, — и въ богѣ страсть родится.

Сіе выраженіе — ὥς ὥς заимствовано кажется у Θеокрита: in pharmacent. ст. 83.

Ὡς ἴδον, ὡς ἐμάνην, ὥς μευ περὶ θυμὸς ἰάφθη Δειλαίας —

Т. е. *Когда увидѣла, когда потеряла разумъ, когда духъ мой бѣдной пораженъ былъ горестію.* При семъ можно видѣть Идил. III. ст. 42. Сему мѣсту подражалъ и учитель Мосховъ Біонъ въ 40 стихѣ I. Идилліи. Виргилій подражалъ также Греческимъ Поэтамъ Идил. VIII. ст. 42.

Ut vidi, ut perii, ut me malus abſtulit error.

79.) Κρύψε Θεὸν — κρύπτειν, diſsimulare, celare, *сокрыть что*, или какъ нашъ Богдановичь говоритъ: *сложивъ величество Богини.* Казавбоній въ семъ мѣстѣ ошибся, и всѣ комментаторы съ изумленіемъ противъ него возстали! У Овидія не разъ встрѣчается diſsimulare deum и у Кассіодора celare hominem. Овидій подражалъ Мосху во IIй Книгѣ басень послѣдняя, и сіе подражаніе едва ли не превосходитъ подлинникъ:

— — Sceptri gravitate relicta,
Ille pater, rectorque deûm, cum dextra trifulcis
Ignibus armatur, qui nutu concutit orbem;
Induitur tauri faciem, mixtusque juvencis,
Mugit et in teneris formoſus obambulat herbis.
Quippe color nivis eſt, quam nec veſtigia duri
Calcavere pedis, nec, ſolvit aquaticus auſter:
Colla toris extant; ſed quae contendere poſſes,
Facta manu, puraque magis pellucida gemma.
Nullae in fronte minae, nec formidabile lumen.
Pacem vultus habet: miratur Agenore nata,
Quod tam formoſus, quod proelia nulla minetur.
Sed, quamvis mitem, metuit contingere primo;
Mox adit et flores ad candida porrigit ora.
Gaudet amans: et dum veniat ſperata voluptas,
Oſcula dat manibus. Vix, ah! vix cetera differt:
Et tum adludit, viridique exultat in herba:
Nunc latus in fulvis niveum deponit arenis.
Paullatimque metu demto, modo pectora praebet
Virginea tractanda manu, modo cornua fertis
Impedienda novis. — — — —

При семъ какъ не вспомнить и Богдановича, которой говоритъ о Юпитерѣ:

Вездѣ по свѣту волочился,
Былъ грубъ, былъ дикъ,
Какъ вепрь, иль быкъ.
И часто подъ дождемъ по цѣлымъ днямъ мочился,
И послѣ до ушей Юноны слухъ проникъ,
Что подлиннымъ быкомъ къ Европѣ онъ явился.

82.) Οὐδ' — οἶος. Сей стихъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ былъ пропущенъ; многіе и теперь сомнѣваются, точно ли онъ Московъ; но сія подробность въ описаніи очень пріятна. Замѣтимъ также, что въ краткости Мосха обвинить не можно.

84.) Τᾶ δ' ἤτοι — μετώπῳ. Горацій подражалъ Мосху К. IV. Од. 2. ст. 53, а Мосхъ подражалъ Гомеру: К. XXIII. ст. 454. гдѣ говорится о гордомъ конѣ:

Ὡς τὸ μὲν ἄλλο τόσον φοῖνιξ ἦν, ἐν δὲ μετώπῳ
Λευκὸν σῆμ' ἐτέτυκτο περίτροχον, ἠΰτε μήνη.

Т. е. *Который былъ темнобураго цвѣта, а на лбу бѣлой знакъ круглой, какъ луна.*

88.) Ἄντυγος — σελήνης. — ἄντυξ, слово многозначущее; у Гомер. Иліяд. пѣснь XI. ст. 535. означаетъ то *мѣсто полукруговое*, гдѣ сидитъ возница; часто также оно означаетъ *окружность*, *округленіе* щита, иногда *ободъ* колеса, *колесо*, но главное значеніе сего слова *кругъ*, *полукружіе* — ἄντυξ σελήνης — *кругъ луны.*

94 — 96.) Есть люди, кои обвиняютъ здѣсь Мосха въ нарушеніи вѣроятія и вкуса; нѣкоторые даже, какъ *Піерсонъ*, перемѣнили δέρην на χέρας *шею* на *руки*. Признаюсь, должно избавиться отъ всѣхъ предразсудковъ, и представить себѣ всю простоту и невинность, что бы не оскорбить утонченнаго нынѣшняго вкуса. Сколько разъ Гомеръ обвиняемъ былъ въ подобныхъ описаніяхъ. Что касается до меня; я лучше рѣшусь защищать, нежели обвинять Мосха.

Было время, когда Царевны посѣщали поля, и сами пасли стада на лугахъ; когда онѣ любили овечекъ и коровъ своихъ, можетъ быть, не меньше, какъ нынѣшнія дамы любятъ блонды и ленты. Каждый вѣкъ имѣетъ свои особенные нравы. По сказанію Гомера (ил. К. VIII. ст. 185.) Греческія красавицы сами кормили коней, привозившихъ мужей ихъ, Героевъ съ поля брани. Навзикая (Одис. К. VI) сама заботится объ омовеніи одеждъ своихъ. Почемужъ нарушится вѣроятіе, говоритъ Манзо, если Европа, привыкшая безъ сомнѣнія къ стадамъ и сельскимъ занятіямъ, ласкаетъ и цѣлуетъ тельца — впрочемъ самаго прекраснаго — и принимаетъ отъ него ласки? Мнѣ кажется, что красавицы Героическихъ временъ больше еще имѣли вкуса, нежели наши. Европа цѣловала прекраснаго тельца — а наши прелестницы цѣлуютъ мосекъ, коихъ красота состоитъ въ безобразіи, и на коихъ Европа вѣрно не могла бы взглянуть безъ отвращенія.

97.) Φαίης — ἀκούειν. Мигдонская или Фригійская свирѣль издаетъ звукъ ясный и сильный, но при всемъ томъ нѣжный и пріятный; сіе послѣднее свойство ея приводитъ въ примѣръ поэтъ, что показываетъ противоположность словъ λιγὺς и μελιχίων. Фригійскія свирѣли вообще употреблялись при шумныхъ празднествахъ *Цибелы*, по сему Горацій называетъ ее *Берекинскою* (о словѣ αὐλὸς смотри зам. къ III идил. Біона стран. 51 - 52.)

101.) Βαθύπλοον: собственно βαθὺς значитъ *глубокій*, а въ переносномъ смыслѣ различно употребляется. Греки говорятъ: βαθὺ γῆρας, дряхлая старость; ὕπνος βαθὺς, глубокій

сонъ; ἐστὶ βαθεῖα продолжительный миръ. И такъ βαθυλοκάμος παρθενικὴ значитъ прекрасновласая, длинновласая дѣвица.

104.) Οἷά τε νηῦς.) Фалькенарію кажется сіе подобіе ненатурально, и онъ предполагаетъ οἷα τ' ἄπηγα, какъ волна. Манзо доказываетъ, что Европа уподобляетъ здѣсь тельца кораблю не въ отношеніи величины, или вида, но въ отношеніи услуги, какую онъ окажетъ, и притомъ Европа садится на него съ цвѣтами — а мореплаватели увѣнчивали корабли цвѣтами.

109.) Αἱ δ' ἄλλαι μέλλεσκον — Стефанъ переводитъ: прочія хотѣли садиться — Вулканій: прочія изумлялись. Манзо находитъ, что первая мысль связнѣе съ слѣдующими словами ἄφαρ δ' ἐνεπίλνατο. Я удержалъ первую мысль.

114.) Νηρεΐδες δ' ἀνέδυσαν — — ἐστιχόωντο) Любопытные могутъ видѣть подобное описаніе у Вирг: К. V. 817. и тамъ же замѣч. Гейне. Дацій Achilleid L. I. vers. 52 о Нептунѣ Клавд. de nuptiis Honorii et Mariae ст. 153. Мы приведемъ только подобное прекрасное мѣсто Творца Душеньки, гдѣ онъ, изображая морское торжественное шествіе Венеры, говоритъ: К. I.

Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны;
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ,
И дерзски волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,

И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральной громко трубитъ рогъ.
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ,
На мѣсто зеркала предъ ней.

— — — — — — — —

Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту,
И прохлаждаетъ жаркой лучь,
Пуская къ верху водный ключь.

— — — — — — —

Въ благопріятнѣйшей погодѣ,
Не смѣютъ бури тамъ пристать;

Одни зефиры лишь, въ свободѣ,
Венеру смѣютъ лобызать.
Чудеснымъ дѣйствіемъ, въ то время,
Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры древни наглецы:
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть;
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись, летитъ.
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ,
Любовь ей на ухо свиститъ.
Иной, пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ;
Другой въ уста и въ очи дуетъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.
Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ;
И всѣ въ усердіи Венеру
Желаютъ провожать въ Цитеру.

118.) — Τοὶ δ' ἀμφὶ — μιν — μέλος ἠπύοντες. Такъ Нонъ К. 1.

Τρίτων δ' ἠπεροπῆα Διὸς μυκηθμὸν ἀκούων,
Ἀντίτυπον Κρονίωνι μέλος μυκήσατο κόχλῳ
Ἀείδων ὑμέναιον. то есть:

Но Тритонъ, слыша лестное Дія мычаніе, и напротивъ отвѣтствуя Зевесу, самъ мычалъ на раковинѣ, воспѣвая бракъ стихами.

121.) Ἡ δ' ἄρ' ἐφεζομένη такъ Овидій Прев. К. I. Баснь послѣдняя подражаетъ сему мѣсту и говоритъ:

— Pavet haec, litusque ablata relictum,
Respicit, et dextra cornu tenet, altera dorso
Imposita est: tenues sinuantur flamine vestes

123.) Ὄφρα μὴ ἄκην Δέυοι —) въ изданіи *Урсина* ὄφρα κευπκῶν ἐνδέκη ἑλκόμενον; во всѣхъ обыкновенныхъ изданіяхъ: Ὄφρα κεν ἄκην ἐφελκομένην — только у Вулканія ἐφελκομένου. Гарлесъ и Манзо предпочитаютъ поправку *Дората* (Aurati), ссылаясь на Казавбона. Ἄκην значитъ край одежды, который называется также λέγνη и λῶμα, и πέζα и ὄχθοιβος.

125.) Κολπώθη δ' ὤμοισι πέπλος. — Греческія красавицы обыкновенно носили покрывало, выходя изъ дому, которое съ головы и съ лица упадало на плечи. Слѣдственно весьма не кстати нѣкоторые критики перемѣнили ὤμοισι на ἀνέμοισι.

127—129.) Виргилій въ Энеидѣ К. III. ст. 192. говоритъ точно также:

Postquam altum tenuere rates, nec jam amplius ullae
Adparent terrae; coelum undique et undique pontus.

Лукреціи К. IV, 435.

Quippe ubi nil aliud, nisi aquam coelumqe tuentur.

Всѣ сіи писатели почерпнули у Гомера, Одиссеи XII, 403.

Ἀλλ' ὅτε δὴ τὴν νῆσον ἐλείπομεν, ὀυδέ τις ἄλλη
Φαίνετο γαιάων, ἀλλ' ὀυρανὸς, ἠδὲ θάλασσα. т. е.

Но когда мы оставили островЪ, то не видно было ни какой земли; но небо и море. ТакЪ Горацїй вЪ 27 одѣ книги III говоритЪ о сей самой Европѣ:

Sic et Europae niveum doloſo
Credit tauro latus, et ſcatentem
Belluis pontum, mediasque fraudes
Palluit audax,
Nuper in pratis ſtudioſa florum, et
Debitae nymphis opifex coronae,
Nocte ſublustri, *nihil aſtra praeter vidit et undas.*

Горацїй представляетЪ похищенїе Европы занимательнѣе — ибо его Героиня плыветЪ по волнамЪ моря на хребтѣ тельца вЪ тихїй часЪ ночи; обстоятельства, имЪ избранныя, возвышаютЪ картину.

131.) Πῶς δὲ κέλευθον) сей рѣчи Европы подражалЪ НонЪ Дїонис. К. I. гдѣ представляетЪ мореходца, сЪ изумленїемЪ смотрящаго на Зевеса, который плыветЪ вЪ видѣ тельца.

Ὀφθαλμοὶ, τί τὸ θαῦμα; πόθεν ποσὶ κύματα τέμνων
Νήχεται ἀτρυγέτοιο δι' ὕδατος ἀγρόνομος βοῦς;
Μὴ πλωτὴν Κρονίδης τελέει χθόνα, μὴ διὰ πόντου
Ὑγρὸς ἀλιβρέκτοιο χαράσσεται ὄλκος ἁμάξης.

O oculi, quale hoc miraculum? Quomodo pedibus fluctus ſecans,
Notat infructuoſam per aquam in agris paſtus bos? —
Non navigabilem Jupiter fecit terram, non per pontum,
Humidus a mari irrigatus *ſignatur tractus currus.*

136.) Ἦρά τις θεὸς;) во многихЪ нѣтЪ вопроса. Мысль самая смѣлая. Она показываетЪ приближенность смертныхЪ кЪ богамЪ, по мнѣнїю древнихЪ.

138.) Κατὰ πόντον Ἄβροχος ἀΐσσεις) такЪ НонЪ вЪ VIII К. говоритЪ: подражая нашему Поэту.

— — Ποθοβλήτοιο δὲ ταύρου
Ἄβροχος ἀκροτάτοιο δι' ὕδατος ἔτρεχε χηλή.
— — Ab amore vulnerati autem
Immadefacta ſummam per aquam cucurrit ungula.

Весьма смѣло сказано *ἔτρεχε χηλή* но Москово *ἄβροχος ἀΐσσεις* величественнѣе и прекраснѣе; и притомЪ живѣе представлена скорость. Подобное выраженїе весьма часто встрѣчается у Гомера: К. IV. ст. 78) *ἤϊξεν ἐπὶ χθόνα Παλλὰς Ἀθήνη*, или также вЪ Илїадѣ К. 21. ст. 259. *τῶ εἰκὼς ἤϊξεν.* Любопытные могутЪ видѣть вЪ ДаммїевомЪ Гр. лекс. стр. 183. сей глаголЪ, который собственно значитЪ привесть вЪ движенїе воздухЪ со звукомЪ, и еще болѣе спѣшить сЪ задыханїемЪ. ТакЪ Римляне употребляютЪ глаголЪ *ruere* во многихЪ мѣстахЪ сЪ нѣкоторою силою.

139.) *Χηλαὶ δέ τοι εἰσὶν ἐρετμά*) Сенека вЪ Ипполитѣ ссылается на это мѣсто и подражаетЪ ему. ст. 299.

Induit formas quoties minores
Ipſe, qui coelum, nebulasque ducit?
Fronte nunc torva petulans juvencus
Virginum ſtravit ſua terga ludo,
Perque fraternos, nova regna, fluctus,
Ungula lentos imitante remos,
Pectore adverſo domuit profundum,
Pro ſua vector timidus rapina.

Подобнымъ образомъ *Оппїанъ* говоритъ объ оленяхъ, Lib. II. Cyneget. 230.

Ποσσὶ μὲν, οἷα πλάτῃσιν, ἐρέσσουσιν μέλαν ὕδωρ;
Ὕψι δ' ἀνίσχονται κεράων πολυήρατον εἶδος,
Οἷά τε λαίφεα νηὸς ἐπιτρέψαντες ἀήταις. т. е.

Pedibus quidem, velut remis, verrant nigram aquam;
Alte vero extollunt cornuum amabilem formam,
Tanquam vela navium permittentes flatibus. Гескинъ.

142.) *Οἴ μοι ἐγώ*) Горацїй, имѣя въ виду сїе мѣсто, сказалъ Кн. III. Од. 27. ст. 34.

— Pater! o! relictum o
Filiae nomen pietasque, dixit
Victa furore.
Unde? quo veni? — *Гескинъ.*

145.) *Μεδέων*) *Царь, владыка.* Гомеръ часто называетъ Юпитера *Μεδέων*. Сїе слово древнїе Поэты прилагали не только всѣмъ богамъ, но и царямъ. Такъ Каллимахъ in Jov. 86 Птоломея называетъ *μεδέων*.

148.) *Οὐκ ἀθεεὶ γὰρ*) *не безъ бога*, выраженїе, у Грековъ бывшее почти пословицею. Гомеръ К. II. ст. 285. *οὐκ ὅγε ἄνευθε θεοῦ τάδε μαίνεται* — — *не безъ воли божїей сїе происходитъ.* Виргилїй Энеид. К. II. 77. non fine Dis animofus infans. Горац. К. III. Од. 4. 20. Пиндаръ. Пие. Од. V. антист. 3. *οὐ θεῶν ἄτερ* *изъ Гескина.*

156.) *Φιτύσεαι*) Такъ въ изданїи Брунка напечатано изъ одной рукописи; въ прочихъ изданїяхъ *φύσεαι* — Манзо утверждаетъ, что это не въ духѣ Грековъ; ибо если бы Поэтъ хотѣлъ употребить *φύω*; то долженъ бы сказать *φύσεις*: ибо *φύω* употребляется только въ дѣйствительномъ.

158. — 160.) *Φαίνετο μὲν δὴ — Λῦσε δὲ οἱ μίτρην.*) Такъ Овидїй въ выше-приведенномъ мѣстѣ.

Jamque Deus, pofita fallacis imagine tauri,
Se confeffus erat; Dictaeaque rura tenebat. И Нонъ въ книгѣ первой, подражая сему мѣсту, говоритъ:

— Κρονίδης δὲ, λιπὼν ταυρώπιδα μορφὴν,
Ἴκελος ἠιθέῳ περιδέδρομεν ἄζυγα κούρην
Καὶ μελέων ἔψαυσεν· ἀπὸ στέρνοιο δὲ νύμφης
Μίτρην πρῶτον ἔλυσε περίτροχον — — т. е.

— Saturnius vero, linquens tauriformem faciem,
Similis juveni currebat circa innuptam puellam
Et membra attrectavit, ex pectore vero nymphae
Angulum primo refoluit circumdans. —

Выраженїе *μίτρην λῦσαι* zonam foluere, показывающее совершенїе брака, самое скромное и невинное, какое только употребить можно — кто желаетъ знать подробно сїе выраженїе: тотъ можетъ видѣть изъясненїе *Шредера* къ Музею стр. 340 и *Гинденбурга* in fpecimine animadverfionum ad Mufaeum (Лейпц. 1763) стр. 8. и слѣд. —

160.) *Καὶ οἱ λέχος ἔντυνον Ὧραι* — Горы были дочери Юпитера и Ѳемиды — Онѣ извѣстны подъ именами *Евномїи Дикцы* и *Ирены.* Къ чему онѣ собственно приставлены были, не

возможно опредѣлить съ точностію. Судя по разнымъ мѣстамъ
древнихъ, можно заключить, что ихъ главный долгъ былъ на-
ходиться при вратахъ неба, и наблюдать за бурями. Сверхъ сего,
кажется, онѣ должны были присутствовать при богахъ и боги-
няхъ, и всѣмъ дѣламъ, въ которыя вмѣшивались, придавать кра-
сошу и пріятность. Такъ онѣ (см. Гомеровъ гимнъ Горамъ) встрѣ-
чаютъ и принимаютъ *Венеру*, при явленіи ея изъ волнъ, и укра-
шаютъ сію богиню, при ея восхищеніи на Олимпъ; онѣ также
увѣнчаваютъ *Бахуса* (по словамъ Демаша) при его рожденіи, и
сопровождаютъ супругу его *Аріадну* на небо, какъ изображено на
нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ камняхъ, а здѣсь убираютъ и нѣжно
украшаютъ ложе для Зевеса, должность почти подобная.

161.) Νύμφη. Горацій въ Кн. III. Од. 27. говоритъ,

Uxor invicti Jovis eſſe neſcis?

Оба Поэта употребили скромныя и приличныя слова. *Γεε. κέρη* значитъ *дѣвицу*, а *νύμφη супругу*.

162.) Многіе думаютъ, что послѣдній стихъ не Московъ,
и прибавленъ комментаторами; ибо въ самомъ дѣлѣ, послѣ выра-
женія *τέκνα τίκτε*, кажется, излишно сказаны слова *καὶ αὐτίκα γίνετο μήτηρ*. Въ заключеніе сказать можно, что сія небольшая
повѣсть показываетъ болѣе утонченія и образованности, неже-
ли простоты и невинности сельской.

ИДИЛЛІЯ III.

НА СМЕРТЬ БІОНА.

Αἴλινά μοι στοναχεῖτε νάπαι, καὶ Δώριον ὕδωρ,
Καὶ ποταμοὶ κλαίοιτε τὸν ἱμερόεντα Βίωνα.
Νῦν φυτά μοι μύρεσθε, καὶ ἄλσεα νῦν γοάοισθε·
Ἄνθεα νῦν στυγνοῖσιν ἀποπνείοιτε κορύμβοις·
Νῦν ῥόδα φοινίσσεσθε τὰ πένθιμα, νῦν ἀνεμώνα·
Νῦν ὑάκινθε λάλει τὰ σὰ γράμματα, καὶ πλέον αἲ αἲ
Βάμβαλε σοῖς πετάλοισι· καλὸς τέθνακε μελικτάς.

Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.

Ἀδόνες, αἱ πυκινοῖσιν ὀδυρόμεναι ποτὶ φύλλοις,
Νάμασι τοῖς Σικελοῖς ἀγγέλατε τᾶς Ἀρεθοίσας,

Ὅττι Βίων τέθνακεν ὁ βωκόλος, ὅττι σὺν αὐτῷ
Καὶ τὸ μέλος τέθνακε, καὶ ὤλετο Δωρὶς ἀοιδά.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Στρυμόνιοι μύρεσθε παρ' ὕδασιν αἴλινα κύκνοι,
Καὶ γοεροῖς στομάτεσσι μελίσδετε πένθιμον ᾠδάν,
Οἵαν ὑμετέροις ποτὲ χείλεσι γῆρυν ἄειδεν.
Εἴπατε δ' αὖ κώραις Οἰαγρίσιν, εἴπατε πάσαις
Βιστονίαις Νύμφαισιν, ἀπώλετο Δώριος Ὀρφεύς.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεως, ἄρχετε Μοῖσαι.
Κεῖνος ὁ ταῖς ἀγέλαισιν ἐράσμιος οὐκέτι μέλπει,
Οὐκ ἔτ' ἐρημαίῃσιν ὑπὸ δρυσὶν ἥμενος ᾄδει·
Ἀλλὰ παρὰ Πλουτῆϊ μέλος Λάθαιον ἀείδει.
Ὤρεα δ' ἐστὶν ἄφωνα, καὶ αἱ βόες, αἱ ποτὶ ταύροις
Πλασδόμεναι, γοάοντι, καὶ οὐκ ἐθέλοντι νέμεσθαι.
Ἄρχεται Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Σεῖο, Βίων, ἔκλαυσε ταχὺν μόρον αὐτὸς Ἀπόλλων,

Καὶ Σάτυροι μύροντο, μελάγχλαινοί τε Πρίηποι·
Καὶ Πᾶνες στοναχεῦντι τὸ σὸν μέλος αἵ τε καθ' ὕλαν
Κρανίδες ὠδύραντο, καὶ ὕδατα δάκρυα γέντο.
Ἀχὼ δ' ἐν πέτρῃσιν ὀδύρεται, ὅττι σιωπῇς,
Κ'οὐκ ἔτι μιμεῖται τὰ σὰ χείλεα· σῷ δ' ἐπ' ὀλέθρῳ
Δένδρεα καρπὸν ἔριψε, τὰ δ' ἄνθεα πάντ' ἐμαράνθη.
Μάλων οὐκ ἔῤῥευσε καλὸν γλάγος, οὐ μέλι σίμβλων·
Κάτθανε δ' ἐν καρῷ, λυπεύμενον· οὐκέτι γὰρ δεῖ,
Τῶ μέλιτος τῶ σῶ τεθνακότος, αὐτὸ τρυγᾶσθαι.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχεται Μοῖσαι.
Οὐ τόσον εἰναλίαισι παρ' ᾀόσι μύρατο δελφίν,
Οὐδὲ τόσον ποκ' ἄεισεν ἐνὶ σκοπέλοισιν ἀηδών,
Οὐδὲ τόσον θρήνησεν ἀν' ὤρεα μακρὰ χελιδών,
Ἀλκυόνος δ' οὐ τόσσον ἐπ' ἄλγεσιν ἴαχε Κήϋξ.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Οὐδὲ τόσον γλαυκοῖς ἐνὶ κύμασι Κηρύλος ᾄδεν,

Οὐ τόσον ἀφόισιν ἐν ἄγκεσι παῖδα τὸν Ἀοῦς,
Ἱπτάμενος περὶ σᾶμα, κινύρατο Μέμνονος ὄρνις,
Ὅσσον ἀποφθιμένοιο κατωδύραντο Βίωνος.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Ἀδονίδες, πᾶσαί τε χελιδόνες, ἅς ποκ' ἔτερπεν,
Ἃς λαλέειν ἐδίδασκε, καθεσδόμεναι ποτὶ πρέμνοις,
Ἀντίον ἀλλάλαισιν ἐκώκυον· αἱ δ' ὑποφώνευν
Ὄρνιθες. Λυπεῖσθε Πελειάδες, ἀλλὰ καὶ ὑμεῖς.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Τίς ποτὶ σᾷ σύριγγι μελίξεται, ὦ τριπόθατε;
Τίς δ' ἐπὶ σοῖς καλάμοις θησεῖ στόμα; τίς θρασὺς οὕτως;
Εἰσέτι γὰρ πνέει τὰ σὰ χέλεα, καὶ τὸ σὸν ἆσθμα.
Ἀχὼ δ' ἐν δονάκεσσι τεὰς ἐπιβόσκετ' ἀοιδάς.
Πανὶ φέρω τὸ μέλιγμα· τάχ' ἂν κἀκεῖνος ἐρεῖσαι
Τὸ στόμα δειμαίνοι, μὴ δεύτερα σεῖο φέρηται.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Κλαίει καὶ Γαλάτεια τὸ σὸν μέλος, ἅν ποκ' ἔτερπες
Ἑσδομέναν περὶ σεῖο παρ' ἀϊόνεσσι θαλάσσας.

Οὐ γὰρ ἴσον Κύκλωπι μελίσδεο· τὸν μὲν ἔφευγεν
Ἁ καλὰ Γαλάτεια, σὲ δ' ἅδιον ἔβλεπεν ἅλμας.
Καὶ νῦν λασαμένα τῶ κύματος, ἐν ψαμάθοισι
Ἕσδετ' ἐρημαίαισι, βόας δ' ἔτι σεῖο νομεύει.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Πάντα τοι, ὦ βῶτα, ξυγκάτθανε δῶρα τὰ Μοισᾶν,
Παρθενικᾶν ἐρόεντα φιλάματα, χέλεα παίδων·
Καὶ στυγνοὶ περὶ σᾶμα τεὸν κλαίουσιν Ἔρωτες.
Ἁ Κύπρις φιλέει σε πολὺ πλέον, ἢ τὸ φίλαμα,
Τῷ πρῴαν τὸν Ἄδωνιν ἀποθνάσκοντα φίλασε.
Τοῦτο τοι, ὦ ποταμῶν λιγυρώτατε, δεύτερον ἄλγος,
Τοῦτο, Μέλη, νέον ἄλγος· ἀπώλετο πρὰν τοι Ὅμηρος,
Τῆνο τὸ Καλλιόπας γλυκερὸν στόμα, καί σε λέγοντι
Μύρεσθαι καλὸν υἷα πολυκλαύστοισι ῥεέθροις,
Πᾶσαν δ' ἔπλησας φωνᾶς ἅλα· νῦν πάλιν ἄλλον
Υἱέα δακρύεις, καινῷ δ' ἐπὶ πένθεϊ τάκῃ
Ἀμφότεροι παγαῖς πεφιλαμένοι· ὃς μὲν ἔπινε

Παγασίδος κράνας, ὁ δ' ἔχεν πόμα τᾶς Ἀρεθοίσας.

Χ' ᾧ μὲν Τυνδαρέοιο καλὰν ἄεισε θύγατρα,
Καὶ Θέτιδος μέγαν υἷα, καὶ Ἀτρείδαν Μενέλαον
Κῆνος δ' οὐ πολέμως, οὐ δάκρυα, Πᾶνα δ' ἔμελπε,
Καὶ βώτας ἐλίγαινε, καὶ ἀείδων ἐνόμευε,
Καὶ σύριγγας ἔτευχε, καὶ ἁδέα πόρτιν ἄμελγε,
Καὶ παίδων ἐδίδασκε φιλάματα, καὶ τὸν Ἔρωτα
Ἔτρεφεν ἐν κόλποισι, καὶ ἤρεθε τὰν Ἀφροδίταν.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Πᾶσα, Βίων, θρηνεῖ σε κλυτὴ πόλις, ἄστεα πάντα·
Ἄσκρα μὲν γοάει σε πολὺ πλέων Ἡσιόδοιο·
Πίνδαρον οὐ ποθέοντι τόσον Βοιωτίδες Ὕλαι·
Οὐ τόσον Ἀλκαίῳ πέρι μύρατο Λέσβος ἐραννά
Οὐδὲ τόσον τὸν ἀοιδὸν ἐμύρατο Κήϊον ἄστυ.
Σὲ πλέον Ἀρχιλόχοιο ποθεῖ Πάρος· ἀντὶ δὲ Σαπφοῦς
Εἰσέτι σεῦ τὸ μέλιγμα κινύρεται ἁ Μιτυλάνα.

Πάντες, ὅσοις καπυρὸν τελέθει στόμα, Βουκολιασταὶ
Ἐκ μοισᾶν, σέο πότμον ἀνακλαίοντι θανόντος·
Κλαίει Σικελίδας, τὸ Σάμου κλέος, ἐν δὲ Κύδωσιν,
Ὁ πρὶν μειδιόωντι σὺν ὄμματι φαιδρὸς ἰδέσθαι,
Δάκρυα νῦν Λυκίδας κλαίων χέει· ἔν τε πολίταις
Τριοπίδαις ποταμῷ θρηνεῖ παρ' Ἄλεντι Φιλητᾶς·
Ἐν δὲ Συρακοσίοισι Θεόκριτος. αὐτὰρ ἐγώ τοι
Αὐσονικᾶς ὀδύνας μέλπω μέλος, οὐ ξένος ᾠδᾶς
Βουκολικᾶς, ἀλλ', ἂν τ' ἐδιδάξαο σεῖο μαθητάς,
Κλαρονόμος, Μώσας τᾶς Δωρίδος ἄμμε γεραίρων
Ἄλλοις μὲν τεὸν ὄλβον, ἐμοὶ δ' ἀπέλειπες ἀοιδάν.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.

Αἲ, αἲ, ταὶ μαλάχαι μὲν ἐπὰν κατὰ κᾶπον ὄλωνται,
Ἢ τὰ χλωρὰ σέλινα, τό, τ' εὐθαλὲς οὖλον ἄνηθον,
Ὕστερον αὖ ζώοντι, καὶ εἰς ἔτος ἄλλο φύοντι

Ἄμμες δ', οἱ μεγάλοι καὶ καρτεροὶ ἢ σοφοὶ ἄνδρες,
Ὁππότε πρᾶτα θάνωμες, ἀνάκοοι ἐν χθονὶ κοίλᾳ
Εὕδομες εὖ μάλα μακρὸν ἀτέρμονα νήγρετον ὕπνον.
Καὶ σὺ μὲν ἐν σιγᾷ πεπυκασμένος ἔσσεαι ἐν γᾷ,
Ταῖς νύμφαισι δ' ἔδοξεν ἀεὶ τὸν βάτραχον ᾄδειν.
Τῷ δ' ἐγὼ οὐ φθονέοιμι· τὸ γὰρ μέλος οὐ καλὸν ᾄδει.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Φάρμακον ἦλθε, Βίων, ποτὶ σὸν στόμα, φάρμακον ἄδες.
Πῶς τευ τοῖς χάλεσσι ποτέδραμε, κοὐκ ἐγλυκάνθη,
Τίς δὲ βροτὸς τοσσοῦτον ἀνάμερος, ἢ κεράσαι τοι,
Ἢ δοῦναι λαλέοντι φάρμακον; ἔκφυγεν ᾠδάν.
Ἄρχετε Σικελικαὶ τῶ πένθεος, ἄρχετε Μοῖσαι.
Ἀλλὰ δίκα κίχε πάντας· ἐγὼ δ' ἐπὶ πένθεϊ τῷδε

Δακρυχέων τεὸν οἶτον ὀδύρομαι. εἰ δυνάμαν δὲ,
Ὡς Ὀρφεὺς, καταβὰς ποτὶ τάρταρον, ὥς ποκ' Ὀδυσσεὺς,
Ὡς πάρος Ἀλκείδας, κἠγὼ ταχ' ἂν ἐς δόμον ἦλθον
Πλουτέος, ὥς κεν ἴδοιμι, καὶ εἰ Πλουτῆϊ μελίσδεις,
Ὡς ἂν ἀκουσαίμαν τί μελίσδεαι. ἀλλ' ἐπὶ Κούρᾳ
Σικελικόν τι λίγαινε, καὶ ἁδύ τι βουκολιάσδευ.
Σικελικὰ κἠκεῖνα ἐν Αἰτναίαισιν ἔπαιξεν
Αἰόσι, καὶ μέλος οἶδε τὸ Δώριον. οὐκ ἀγέραστος
Ἐσσεῖτ' ἁ μολπά. χ' ὡς Ὀρφεῖ πρόσθεν ἔδωκεν
Ἁδέα φορμίσδοντι παλίσσυτον Εὐρυδίκειαν,
Καὶ σε, Βίων, πεμψεῖ τοῖς ὤρεσιν. εἰ δέ τι κἠγὼν
Συρίσδων δυνάμαν, παρὰ Πλουτέϊ κᾀυτὸς ἄειδον.

Нѣчто
о третьей Идилліи.

Сія Идиллія достойна примѣчанія по двумъ причинамъ: вопервыхъ по слогу и пріятности; вовторыхъ потому, что сообщаетъ потомству извѣстіе о жизни одного изъ лучшихъ Греческихъ пастушескихъ Поэтовъ, Біона, которому въ честь написана. Читатели видятъ, что она есть подражаніе Біоновой Идилліи на смерть Адониса. Мосхъ, какъ ученикъ Біона, разсыпаетъ на могилу его цвѣты, въ его саду сорванные.

Многіе критики особенную отдаютъ похвалу Поэзіи сего творенія; но *Манзо* весьма справедливо замѣчаетъ, что сіе подражаніе ниже своего оригинала, и подлинно, сколько само собою ни прекрасно; но въ сравненіи со *смертію Адониса* теряетъ красоту свою. Мосхъ избираетъ все, что только можетъ украсить его твореніе и сдѣлать его привлекательнымъ и трогательнымъ для читателя. Но здѣсь нѣтъ важнѣйшей прелести — рыдающей Венеры, которая съ отчаяніемъ бросается къ возлюбленному, обнимаетъ хладѣющаго Адониса, прижимаетъ уста къ блѣднымъ устамъ его, кричитъ

постой . . . и съ послѣднимъ поцѣлуемъ, кажется, не хочетъ уступить его смерти. Мосхъ разсказываетъ только о двухъ нимфахъ, плачущихъ о смерти Біона, которыя прежде слушали пѣснь его, одна въ тростникѣ, а другая на брегу моря.

Тутъ мы можемъ замѣтить, что и сіе твореніе приписывали прежде Ѳеокриту; но самый стихъ, здѣсь приведенный, доказываетъ противное:

Рыдаетъ Ѳеокритъ, рыдаютъ Сиракузы,
Прими и отъ меня дары Авзонской Музы.

Чтобы яснѣе видѣть сіе твореніе, я осмѣлюсь, если мнѣ позволено будетъ, сравнить его съ оригиналомъ: со *смертію Адониса*. Тамъ вездѣ главная мысль. — *ἀπώλετο καλὸς Ἄδωνις, умеръ Адонисъ! умеръ прекрасный*; а здѣсь Ἄρχετε Σικελικαὶ τὸ πένθεος — *плачьте Музы, нѣтъ Біона!* Въ Идилліи Біоновой слѣдуетъ переходъ: не спящей болѣе Венера, и положи возлюбленнаго на ложѣ прекрасно-убранномъ, укрась его и перестань проливать слезы; ибо ты должна возобновить горесть, на слѣдующее лѣто — Мосхъ начинаетъ обращеніемъ горести своей ко всей природѣ.

„Плачьте рощи, плачьте рѣки
И Доридскіе струи.

Потомъ призываетъ сѣтовать соловьевъ, лебедей; говоритъ о горести Аполлона, Пана и другихъ лѣсныхъ божествъ, обращается къ сѣтующимъ дельфинамъ, къ Цеиксу и Гальціонѣ; представляетъ Галатею въ слезахъ, напоминаетъ о прощаніи Венеры съ Адонисомъ, и наконецъ заключаетъ самымъ трогательнымъ образомъ: о если бы я могъ, подобно Алкиду, или Орфею сойти во адъ и тамъ изобразить печаль о потерѣ друга, то самъ Плутонъ бы смягчился и возвратилъ намъ Біона.„ Въ семъ твореніи окончаніе трогательнѣе, нежели въ Біоновомъ; но мы представить можемъ, что гимнъ Біоновъ воспѣваемъ былъ каждое лѣто во время Адоній, а Идиллія Моcха протекла отъ сердца въ минуту горестной потери друга.

Горесть бываетъ некраснорѣчива, но трогательна; она не слѣдуетъ обдуманному плану, но единственно главнымъ чувствамъ, поразившимъ душу, отъ чего бываетъ продолжительна, и все, кажется, не можетъ довольно выразить чувствованій. Вотъ чему приписать должно сіи повторенія, которыя встрѣчаются въ стихахъ 9 и 38. въ 30 и 53. Но другая часть Идилліи совершенно прилична чувствамъ сего древняго Поэта. Ни одно мѣсто не выражаетъ такъ сильно горести, какъ то, гдѣ онъ говоритъ о новой печали рѣки Меласа и объ отли-

чительныхъ достоинствахъ твореній Гомеровыхъ и Біоновыхъ; ни что столько не показываетъ вкуса въ Поэзіи, какъ черта, которою онъ сравниваетъ пѣсни друга своего съ пѣснями умолкнувшаго Поэта, и призываетъ Өеокрита сѣтовать объ умершемъ. Ничто такъ нетрогательно, какъ слова его о смерти и судьбѣ достойнѣйшаго мужа, и нѣтъ ничего нѣжнѣе заключенія Идилліи. Но къ чему восклицанія? Всякой можетъ видѣть и чувствовать.

*

* *

Ст. 1. *Αἴλινα* — нѣкоторые принимаютъ сіе слово за нарѣчіе и переводятъ *уныло*, *горестно*, а другіе за имя существительное, и разумѣютъ подъ симъ словомъ, вмѣстѣ съ Софокловымъ cхоліастомъ, особенное восклицаніе горести. Послѣднее значеніе больше заключаетъ Поэзіи. Сіе слово происходитъ отъ междометія *αἶ увы* и собственнаго имени *Λίνος* — говорятъ, что когда Геркулесъ умертвилъ *Лина*, сына Аполлонова; то пораженный горестію отецъ съ отчаяніемъ сердца произносилъ безпрестанно *Αἶ Λίνον*, отъ чего составился звукъ горести.

2.) *Καὶ Βίατα* — точно такъ, какъ 33 стихъ въ Біоновомъ Адонисѣ; внимательный читатель и безъ напоминаній можетъ замѣтить весьма явныя черты подражанія при стихахъ 4, 5, 11, 30. и при многихъ другихъ.

4.) *Συγνοῖσιν κορύμβοις* — *Κορύμβοι* вообще значитъ *возвышенія*, *вершины*; здѣсь означаетъ головки цвѣтовъ, *шипочки*. Евстафій производитъ сіе слово отъ *κάρα*. Такъ говоритъ Виргилій Екл. III. ст. 38, 39. и тамъ замѣч. сл. Гейне;

Ѣ

Lenta quibus torno facili superaddita vitis
Diffusos edera vestit palente corymbos.

5.) Φαιώσσεσθε τὰ πένθιμα — выраженіе очень сильное: оно означаетъ цвѣтъ, которой измѣняется и тускнетъ, *rubere lugubriter* обыкновенно переводятъ. Сію же самую идею выражаетъ Біонъ (смерть Адониса ст. 35), когда говоритъ ἄνθεα ἐξ ὀδύνας ἐρυθαίνεται — я при переводѣ сказалъ: *блѣднѣйте розы.*

6.) Νῦν ὑάκινθε — πετάλοισι — Сію всѣмъ извѣстную басню разсказываетъ Овидій прев. К. X. баснь V. особенно въ стихѣ 214. и слѣд.

Ipse suos gemitus foliis inscribit et *αἶ αἶ*
Flos habet inscriptum funestaque littera ducta est.

Все дѣло въ томъ, что Греки замѣтили на листахъ гіацинта, называемаго Delphinum Ajacis, жилочки, подобныя буквамъ *Αἶ увы.* Сіе замѣчаніе подало поводъ любезному воображенію ихъ составить басни; они говорятъ: будто *Гіацинтъ* былъ любимецъ Аполлона, умерщвленный имъ нечаянно во время игры, почему прекрасный богъ, сѣтуя о немъ, превратилъ его въ цвѣтокъ; и притомъ сіе восклицаніе показываетъ начальныя буквы *Аяксъ* — оба они превращены были въ гіацинтъ — вотъ почему Овидій при превращеніи послѣдняго говоритъ: Кн. XII. ст. 397.

Littera communis mediis pueroque viroque
Inscripta est foliis: haec nominis, illa querelae.

Весьма кстати Евфоріонъ называетъ гіацинтъ: γεγραμμένα κωκύουσαν — многіе называютъ его, ὁ τοῦ θανάτου ἄνθος. Два подобные извѣстны глагола βαμβάλλειν (такъ читать должно) значитъ τρέμειν, φθέγγειν τοῖς χείλεσι, *дрожащими устами произносить* —

другой βαμβαίνειν, *titubare* спотыкаться, заикаться. См. замѣч. о семъ послѣднемъ выше Біон. Ид. IV. ст. 9.

8.) Въ семъ стихѣ начинается печальное повтореніе Ἄρχεται — Μοῖσαι — которое продолжается чрезъ всю Идиллію съ великою пріятностію; мы замѣтили, что это есть подражаніе Біону въ пѣсни на смерть Адониса; но здѣсь прибавимъ еще, что частое повтореніе одной унылой мысли чрезъ нѣсколько стиховъ, подобно главнымъ тонамъ печальной музыки, производитъ пріятное впечатлѣніе.

Плачьте Музы! нѣтъ Біона
Онъ достоинъ слезъ и стона.

10.) Ἀρεθοῖσας — Арешуза есть славный источникъ на островѣ Ортигіи, недалеко отъ Сиракузъ. Нимфа сего источника почиталась подругою пастушескихъ стихотворцевъ и Музою ихъ. Такъ Виргилій начинаетъ своего Галла:

Extremum hunc Arethusa mihi concede laborem.

См. Ѳеокр. 117 и тамъ замѣчанія. Многіе по сему стиху заключаютъ, будто Біонъ умеръ на берегу Арешузы; но сіе заключеніе, по словамъ Манзо, несправедливо: ибо, говоритъ онъ — когда городъ, или мѣсто, гдѣ умеръ Біонъ, находилось хотя въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Сиракузъ, то Мосхъ весьма справедливо могъ возвѣщать о смерти своего друга — замѣтимъ только, что (по словамъ scholiasti minoris ad Hom. Odyss. N. 408) четыре были источника, называвшіеся Арешуза: въ Сиракузахъ, въ Смирнѣ, въ Халкидѣ и въ Итакѣ.

12) Δωρὶς ἀοιδά. Нигдѣ такъ часто не встрѣчается Дорическій діалектъ, какъ въ пастушескихъ Поэтахъ. По сему-то ихъ творенія здѣсь и въ 100 стихѣ называются Дорическими пѣснями и самъ Біонъ (въ ст. 18) названъ Дорическимъ Орфеемъ, то есть превосходнѣйшимъ изъ пастушескихъ Поэтовъ.

14.) Στρυμόνιοι κύκνοι. Рѣка *Стримонъ*, во Фракіи, почиталась лучшимъ мѣстомъ для лебедей, а лебеди, какъ древніе вѣрили, поютъ прекраснѣе всѣхъ птицъ — особенно, какъ говорятъ, предъ смертію. На семъ преданіи основываясь нашъ Россійскій Гомеръ Херасковъ, приближаясь къ закату дней, говоритъ въ одѣ Государю:

Какъ лебедь на водахъ Меандра
Поетъ послѣдню пѣснь свою;
Такъ я Монарха АЛЕКСАНДРА
При старости моей пою.

Вообще древнимъ нравилось иногда такое пѣніе, которое для нашего слуха не весьма пріятно. На пр. для нихъ казались пѣсни ласточки самыя гармоническія (это видно изъ 45 стиха сей Идилліи въ сравненіи съ 46 и 47); это особенно можно видѣть изъ тѣхъ словъ, которыя присоединяютъ къ нимъ *Гезіодъ* и *Гомеръ*. Пѣніе ласточекъ пріятно по воспоминанію весны и потому что при ихъ пѣніи оживляется вся природа.

16.) Οἷαν ἀειδεν) Критики и изъяснители Мосха весьма различно думаютъ о семъ стихѣ. Одна изъ лучшихъ догадокъ *Гескинова*: вотъ его мысль, *вы, лебеди, пойте печальную пѣснь устами Біона, которые также прекрасно пѣли, какъ и ваши*; но

конструкція словъ совершенно противна мысли. *Фалькенарій* не отвергаетъ совершенно сей мысли, но думаетъ, что между 16 и 17 стихомъ стихъ потерянъ. Догадка Манзо, кажется, справедливѣе всѣхъ прочихъ; онъ утверждаетъ, что χεῖλεα не только означаетъ *губы* и *носъ птицъ*, но и *страну* и берегъ — слѣдственно мысль его въ связи съ прочими слѣдующая: „Вы, лебеди, пойте печальную пѣснь также нѣжно, какъ Біонъ пѣлъ на брегахъ вашихъ;„ по сему самому *Манзо* не хочетъ принять перемѣны Στρυμονιοι на Στρυμονιοις и заключаетъ тѣмъ, что самъ Біонъ принялъ бы сію легкую поправку, еслибъ воспротивились той мысли, которую хотѣлъ выразить.

17.) Εἴπατε — Νυμφαῖσιν — Фракійскія красавицы отъ *Эагра* отца Орфеева и древнихъ царей Фракійскихъ называются *Эагрскими Нимфами*; такъ какъ красавицы Бистоніи, славнѣйшаго племени Ѳракійскаго, называются *Нимфами Бистонскими*. А нѣкоторые первымъ именемъ называютъ Музъ, а вторымъ Грацій.

20.) Κεῖνος — μέλπει. *Гамбара* въ Латинскомъ переводѣ своемъ сіи 5 стиховъ влагаетъ въ уста лебедямъ — *Гарлесъ* это одобряетъ; а *Манзо* опровергаетъ, говоря, что приличнѣе было бы заставить говорить эхо или Арешузу — Я предоставляю на собственное сужденіе читателя.

22.) Μέλος λήθαιον — унылыя, меланхолическія пѣсни — или пѣснь, уже не производящая никакого впечатлѣнія въ безчувственныхъ тѣняхъ.

24.) Ὤρεα — νέμεσθαι. Критики Мосха обыкновенно говорятъ, что сему мѣсту подражалъ Виргилій въ Эк. 5, ст. 24 и слѣд.

Non ulli paftos illis egere diebus
Frigida, Daphni, boves ad flumina, nulla neque amnem

Libavit quadrupes, nec graminis attigit herbam;
Daphni, tuum Poenos etiam ingemuisse leones
Interitum montesque feri silvaeque loquuntur.

Греческій Поэтъ столько превосходитъ простотою Римскаго, сколько сей превышаетъ его украшеніемъ; коровы и волы Мосховы приличнѣе Идилліи, нежели Виргиліевы бодрые кони и гордые львы.

27.) Σάτυροι, Πρίηποι καὶ Πᾶνες. *Сатиры*, *Силены* и *Паны* обыкновенно принимаются за одно — лѣсныя божества. Все различіе, какое только находятъ межь ними, состоитъ въ томъ, что первые отличаются отъ образа человѣческаго только козьимъ хвостомъ и острыми ушами, а послѣдніе козьими ногами и звѣрскимъ образомъ. Πρίηπος рѣдко встрѣчается во множественномъ. Вѣроятно, что Мосхъ разумѣлъ подъ симъ какое нибудь божество лѣсовъ и полей; ибо онъ одѣваетъ его въ черную одежду и заставляетъ печалиться о кончинѣ Біона. Любопытные могутъ сравнить Овидія въ превр. Кн. XI. ст. 48, 49, гдѣ также Наяды и Дріяды при кончинѣ Орфея надѣваютъ черныя одежды.

29.) Αἵ τε καθ' ὕλαν — δάκρυα γίντο. Сіе мѣсто, нѣсколько трудное, различные переводятъ различно. Лучше всѣхъ перевелъ *Гамбара*.

— Lacrimaeque cadentes
Sunt versae in liquidos latices

Въ обыкновенныхъ изданіяхъ переводится et ex undis factae sunt lacrimae — Такъ перевелъ и Лонгепетрей; но говоритъ: „verti, *fiunt lacrimae undae*, h. e. lacrimae abeunt in rivos. Nam ex undis lacrimas Nympharum natas somniare ne dum vertere ἄτοπον.

33.) Μᾶλον — Γλάγος весьма вѣроятно, что переводчики сомнѣвались, чтобы значило въ семъ мѣстѣ Μᾶλον яблоко, или овцу. *Стефанъ* переводитъ прямо: ex pomis non fluxit pulchrum lac. *Грабада* долго сомнѣвался, наконецъ перевелъ: *Lacteus in pomis rubet haud color.* Ему подражая Виньонъ переводитъ: *pomorum non rubuit albedo lactea.* Но Вулканіевъ переводъ и Грабады одобряютъ *Гарлесъ* и *Монзо*: destituit pecudes lac dulce.

34.) Οὐκέτι γὰρ — τρυγᾶσθαι — тутъ видно, что Мосхъ прельстился Біоновымъ выраженіемъ:

Ὄλλυσθω μύρα πάντα· τὸ σὸν μύρον ὤλετ' Ἄδωνις

Но лучше было бы, еслибъ онъ не подражалъ сей мысли: ибо это одинъ только наборъ словъ *melle tuo extincto*: т. е. ornate, tua orationis suavitate et vi eloquentiae morte absumta — у древнихъ весьма часто встрѣчается сравненіе съ медомъ — Виргилій въ Георг. К. IV говоритъ: duo tempora mensis.

37.) Οὐ τόσον — δελφὶν — Древніе вѣрили, что дельфины издаютъ звукъ, подобный стонамъ человѣческимъ, какъ доказываетъ басня Аріона — что они чрезвычайно любятъ мальчиковъ и на спинѣ своей носятъ ихъ по волнамъ взадъ и впередъ; но если нечаяннымъ случаемъ мальчикъ утопаетъ, то и самые дельфины отъ горести и сѣтованія умираютъ. Плиній приводитъ нѣсколько примѣровъ (Кн. IX. Гл. 8.) о семъ стенаніи дельфиновъ, Мосхъ, кажется, говоритъ здѣсь. — Лонгепетрей догадывается, что Мосхъ имѣлъ въ виду басню Гезіодову: ибо когда умерщвленъ былъ сей Поэтъ (по словамъ Плутарха) и брошенъ въ море: то въ извѣстный день празднества Нептунова дельфинъ принесъ его на берегъ; сіе чудо нанесло казнь злодѣямъ-убійцамъ.

39.) Οὐδὲ χελιδών. Многіе думаютъ, что Мосхъ ссылается на извѣстную басню *Прогны и Филомелы*, дочерей Пандіоновыхъ, изъ которыхъ одна похищена была Тереемъ, жестоко оскорблена, заключена въ башню, и лишена способности говорить; другая, узнавъ приключеніе сестры, плакала, мстила, и наконецъ боги, сжалившись надъ ними, превратили одну въ соловья, а другую въ ласточку — теперь ученые спорятъ, которую. *Аполлодоръ* К. III. гл. 13. §. 7. говоритъ Прогну въ соловья, а Филомелу въ ласточку — *Гигинъ* напротивъ утверждаетъ (fab 45), что Филомела превращена въ соловья, а Прогна въ ласточку. *Манзо* увѣряетъ, что здѣсь Мосхъ не имѣлъ въ виду ни какой басни, но просто говоритъ, что соловьи и ласточки не сѣтовали ни объ одномъ Поэтѣ столько, сколько о Біонѣ.

40.) Ἀλκυόνες — Κήϋξ — *Цеиксъ* былъ современникъ Геркулеса и царствовалъ въ Трахиніи. Когда по многимъ бѣдствіямъ онъ отправился на кораблѣ вопросить оракула, то погибъ на пути въ кораблекрушеніи. Супруга его, *Гальціона*, узнавъ о смерти, такъ поражена была, что съ отчаянія бросилась въ море. — Боги, сжалясь надъ нещастною судьбою, превратили ихъ въ птицъ, летающихъ съ печальнымъ крикомъ надъ водою (*рыболововъ*.) Такъ Овидій I. т. ст. 544. говоритъ:

Halcyone Ceyca movet: Ceicis in ore
Nulla nisi Halcyone eft. —

и въ стихѣ 562.

— Plurima nantis in ore
Halcyone conjux: illam meminitque refertque.

42.) Κηρύλος — пиголица (чайка) самецъ, о которомъ говорятъ, что когда онъ состарѣется, то самка носитъ его на

крилахъ своихъ, и такъ сильна любовь въ сихъ бѣдныхъ птицахъ, что, когда одна изъ нихъ умретъ прежде, то оставшаяся до смерти сѣтуетъ и печальнымъ крикомъ наполняетъ воздухъ. (Аристотель Истор. жив. Кн. VIII). Какъ жаль, что это несправедливо, какой примѣръ другимъ существамъ — точно тоже у насъ разсказываютъ о горлицахъ.

44) Μέμνονος ὄρνις — о Мемнонѣ многіе думаютъ различно. — Одни, говорятъ, что онъ былъ родственникъ Пріама и убитъ Ахиллесомъ въ послѣднія времена Троянской войны, и что, когда трупъ его сожженъ былъ, то явилось множество птицъ, которыя названы *Мемнониды* — Другіе: что онъ погибъ безъ вѣсти, и будто душа его въ часъ полуночи прилетала въ видѣ птицы на могилу и стенала. Сія послѣдняя выдумка очень сильно говоритъ воображенію. О птицахъ Мемноновыхъ см. Плинія К. X. гл. 26. и Овид. превр. К. XIII. басня 3. О сихъ птицахъ говоритъ Лангопетрей:

Terque rogum luftrant, et confonus exit in auras
Plangor. —

50) Λυπεῖσθε Πελειάδες ἀλλὰ καὶ ὑμᾶς — большая часть издателей почитаютъ λυπεῖσθε неопредѣленнымъ и думаютъ, что сіе слово сказано не отъ самаго Поэта, но, такъ къ увѣщаніе голубямъ, отъ прочихъ птицъ. Впрочемъ, кажется, нѣтъ въ семъ надобности, говоритъ *Манзо*: ибо λυπεῖσθε можетъ быть также хорошо настоящее изъявительнаго, какъ и повелительнаго, и притомъ выше замѣчаетъ Гескинъ: αἱ δ' ὑπεφώνευν ὄρνιθες, значитъ, не только что прочія птицы побуждаютъ голубей, но и что прочія птицы соединяютъ печальные крики со стономъ

Ѣ

соловьевъ и ласточекъ — тутъ многіе критики напрасно доискиваются яснѣйшаго смысла; онъ и такъ чистъ и внятенъ.

55) Α'χὼ — ἀοιδάς) Лонгопетрей, не довольствуясь обыкновенною мыслію, переводитъ: *Echo autem ſuper calamos tuos tuorum carminum reliquias colligit*. Кажется, это слишкомъ искуственно и украшено. *Эхо пласетъ, или питаетъ твои пѣсни* — это языкъ пастуха и значитъ, что эхо сохраняетъ еще тѣ звуки, которые производила флейта твоя въ тростникѣ. — Здѣсь буквальной переводъ покажется слишкомъ смѣлъ, или и вовсе непонятенъ, говоритъ Манзо. Но мнѣ кажется, почему Поэту, хотя и пастушескому не позволить смѣлости. — ἔτι βοσκετ' ἀοιδὰς перемѣна Брунка въ обыкновенныхъ изданіяхъ ἐπιβοσκετ' ἀοιδάς.

56) Μέλιγμα, или какъ въ обыкновенныхъ изданіяхъ μελισμα собственно значитъ, судя по Θеокриту (Идил. VII. ст. 31. и изъ одного мѣста въ Мосхѣ Ид. V. ст. 28) звукъ или пѣснь — здѣсь это слово употреблено въ какомъ-то особенномъ значеніи для флейты.

57) Μὴ δεύτερα — φέρηται. Мосхъ подражаетъ Θеокриту Ид. I. ст. 2. и превосходитъ его.

— — ἁδὺ δὲ καὶ τυ
Συρίσδες μετὰ Πᾶνα τὸν δεύτερον ἆθλον ἀποισῇ.
dulce et tu
Fiſtula canis: poſt Panem ſecundum praemium auferes.

А Виргилій, кажется, подражалъ болѣе Мосху, нежели Θеокриту Екл. IV. ст. 58.

Pan etiam Arcadia mecum ſi iudice certet,
Pan etiam Arcadia dicat ſe iudice victum.

ἐφέσαι το σόμα *animum excitare*, или *firmare ad canendum.* Подобное мѣсто можно видѣть въ Θеокритѣ XXI, 21.

60) Ἔχομεν περὶ σεῖο, во многихъ изданіяхъ παρὰ σεῖο. Кажется Мосхъ ссылается на Біонову Идиллію о Галатеи — которой только одинъ отрывокъ дошелъ до нашихъ времен — См. отрывки Біоновы V. стран. 113.

66) Сей и слѣдующіе стихи истинно трогательны; они согрѣты на сердцѣ и показываютъ прямое чувство — можно сравнить Біонову Ид. I. ст. 80 и слѣд. Такъ Виргилій говоритъ въ V Экл. ст. 34.

Tu decus omne tui: poſtquam te fata tulerunt,
Ipſa Pales agros: atque ipſe reliquit Apollo.

69) Α' Κύπρις φιλέει — φίλασε — въ семъ стихѣ Мосхъ дѣлаетъ совершенное напоминаніе о стихахъ Біоновыхъ на смерть Адониса ст. 11.

— — Α'μφὶ δὲ τήνῳ
Θνάσκει καὶ τὸ φίλαμα καὶ ὃ ζώοντος ἀρέσκει·
Α'λλ' οὐκ εἶδεν Α'δώνις ὅ μιν θνάσκοντ' ἐφίλασεν.

и въ стихѣ 49.

— — Φίλαμα δὲ τοῦτο φυλάξω
Ω'ς αὐτὸν τὸν Α'δωνιν. —

Что Мосхъ точно имѣлъ въ виду сіи стихи Біоновы, это очевидно изъ слова Πρῴαν — поцѣлуй, съ которымъ *недавно* облобызала ты умирающаго Адониса, то есть въ описаніи, *недавно* сдѣланномъ Біономъ.

72) Τῆτο, Μέλη, νέον ἄλγος.) Меласъ, рѣка въ Іоніи протекающая подлѣ стѣнъ Смирны — Многіе древніе почитали Меласъ отцомъ Гомера почему и называли его *Поэтомъ Мелезигенскимъ* vates melesigenes, прежде нежели онъ лишился зрѣнія — но послѣ сего нещастія онъ получилъ названіе Гомера. *Лонголетр.*

73) Τῆνο τὸ καλλιόπας γλυκερὸν στόμα — прекрасное выраженіе — Діонисій Поэтъ и Реторъ въ Элегіяхъ своихъ называетъ Поэзію κραυγὴν Καλλιόπης по свидѣтельству Аристотеля. — Древняя эпиграмма девяти лирикамъ такъ начинается:

Πίνδαρε, Μουσάων ἱερὸν στόμα
Paullus silentiar. — въ Анѳоло К. 3.
— — Πιερίδων τὸ σοφὸν στόμα, θεῖον Ὅμηρον.

Полиціанъ въ одной эпиграммѣ своей подражаетъ также Мосху: —

Τῆνο τὸ Καλλιόπης ἱερὸν στόμα — большою частію изъ Лонгопетрея — *Гескинъ.*

79 — 82.) Сему мѣсту весьма подобно описаніе Горація К. I. Од. 6.

Nos, Agrippa, neque haec dicere, nec gravem
Peleidae stomachum, cedere nescii,

Nec cursus duplicis per mare Ulyssei,
Nec saevam Pelopis domum
Conamur tenues grandia: — —
Nos convivia, nos praelia virginum
Sectis in juvenes ungvibus acrium
Cantamus vacui: sive quod urimur,
Non praeter solitum leves.

Какъ искусно Поэтъ означаетъ предметы стиховъ героическихъ и пастушескихъ!

84) Извѣстно, что красотѣ и любви Греческой весьма много приписываютъ — (смотри Швебелл.,) который даже упоминаетъ, что у Низеянъ Мегаренскихъ учреждено было празднество, на которомъ юноши спорили поцѣлуями о награжденіи — такъ что тотъ, кому назначенный для сего судія отдавалъ преимущество предъ всѣми, украшаемъ былъ вѣнками. Ѳеокр. XII. ст. 30.

89) Πίνδαρον ἐ ποθέοντι τόσον — Ὕλαι — слово ὕλαι обыкновенно переводятъ *рощи. Гарлесъ* и *Манзо* утверждаютъ, что это несправедливо, но что должно переводить собственнымъ именемъ *Гила*; ибо это есть небольшой городокъ въ Беотіи, не далеко отъ Ѳивъ, сего имени, о которомъ Страбонъ К. IX. и Плиній К. IV. Гл. 7. говоритъ. Объ немъ упоминаетъ Гомеръ Илил. V, 708.

Ὅς ῥ' ἐν Ὕλῃ ναίεσκε μέγα πλούτοιο μεμηλώς
Λίμνῃ κεκλιμένος Κηφισσίδι, παρ' δὲ οἱ ἄλλοι
Ναῖον βοιωτοί — —

Комментаторъ Гомеровъ говоритъ очень ясно: Ὕλη, πόλις Βοιωτίας. Пусть Thomas Magister и утверждаетъ, что Пиндаръ родился въ Киноцефалѣ; но ему не возможно столько вѣрить, сколько Моску древнѣйшему писателю. Притомъ (когда Плиній полагаетъ, что Гилы (ибо говорятъ и во множ.) находятся между Мегарою и Ѳивами, а Ксенофонтъ Киносцефалы подлѣ Ѳивъ), то, можетъ быть, была деревня въ Киносцефалѣ близъ Гилы, или въ сосѣдствѣ. И подлинно когда Мосхъ именно говоритъ здѣсь объ отечествѣ всякаго славнаго Поэта, гдѣ кто родился: Гезіодъ въ Аскрѣ, Алцей въ Лесбосѣ, Симонидъ въ Кіосѣ, Архилохъ въ Паросѣ, Софо въ Митиленѣ: то для чегожъбы Пиндару приписалъ однѣ рощи, коего отечество не меньше почтенно, какъ и прочихъ — подобнымъ образомъ Виргилій Экл. VI, 26.

Nec tantum Phoebo gaudet Parnassia rupes,
Nec tantum Rhodope miratur et Ismarus Orphea.

Самая величайшая похвала Біону есть сравненіе съ столь многими великими Поэтами.

90.) Ἐρατά — въ другихъ изданіяхъ ἱερόμενα; въ одномъ только изданіи Альдуса и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Манзо нашелъ ἐρατά, и это ему такъ понравилось, что онъ принялъ въ текстъ. — На сей предметъ прекрасные есть стихи въ Элегіи Фанокліса у Стобея Floril. стр. 400. ст. 5.

Ἐκ κείνε μολπαί τε καὶ ἱμερτὴ κιθαριστὺς
Νῆσον ἔχει· πασέων δ' ἐστὶν ἀοιδοτάτη.

94.) Πάντες — ςόμα Βουκολιάσδεν.) Сего стиха и шести слѣдующихъ въ древнихъ изданіяхъ нѣтъ. Маркъ Музура изъ Крита, какъ думаютъ, прибавилъ ихъ отъ себя. Хотя Скали-

геръ утверждаетъ, что они Мосховы, но на древней рукописи прибавляетъ сей стихъ:

Πάντεσσι κλαίονσι σ' ἡ νῆσος, Σικελή τ' Ἀρέθουσα:

А оный, какъ подложный, совершенно отвергаетъ — Лонгопетрей подозрѣваетъ, что сіи стихи должны быть или Музуровы, или другаго позднѣйшаго, нежели Мосхъ, Поэта. Выраженія заимствованы изъ Ѳеокрита, чего не сдѣлалъ бы Мосхъ, его современникъ на пр. Καπυρὸν στόμα ἐκ Μοισᾶν явно изъ Ѳеокр. Phalif. ст. 37.

Καὶ γὰρ ἐγὼ Μοισᾶν καπυρὸν στόμα.

Впрочемъ они такъ хороши, что Манзо соглашается, принять ихъ за Мосховы. Фильккенарій ихъ принялъ въ текстъ, и я также.

101.) Αὐσονικᾶς ὀδύνας — Авзоніею особенно называется страна въ Италіи Беневенто, потому что тамъ царствовалъ Авзонъ, сынъ Улисса и Калипсы.

105.) — 111.) Αἴ, αἴ ταὶ μαλάχαι — мысль самая трогательная и разительная — вся природа какъ будто умираетъ съ зимнимъ хладомъ; наступитъ весна, и все оживится, но человѣкъ спитъ на вѣки сномъ безпробуднымъ. Подражаній сему мѣсту весьма много. Подобную мысль употребилъ Альбиновамъ на смерть Мецената — приводитъ Вулканій у Гар.

Redditur arboribus florens revirentibus aetas,
Ergo non homini quod fuit ante redit?

Катулъ также подобную мысль выражаетъ:

Soles occidere, et redire possunt:
Nobis quum occidit brevis lux,
Nox est perpetua una dormienda.

Послѣдняя черта его особенно есть подражаніе Моску: Ἔυδομες κ. τ. λ. Μαλάχαι. Плиній Ист. Н. XX. Гл. 21. говоритъ: „in magnis laudibus malua eſt utraque, et ſativa et ſilveſtris. Duo genera earum amplitudine folii diſcernuntur. Majorem Graeci *malavem* vocant in ſativis. Alteram (non ex ſativis) ab emoliendo ventre dictam putant *malachen.*

107.) *Σέλινα* — см. Плинія XX. Гл. 11. у Θеокрита Ид. VII. ст. 21, 23. и Швеб. — *ἄνηθον* у Θеокр. VII. 63. съ розами и фіалками переплетается — о цвѣтахъ можно видѣть у Виргилія Екл. II. ст. 48.

109.) *Σοφοὶ ἄνδρες* — думаетъ Гарлесъ, должно разумѣть Поэты. Ибо въ древнія времена — не рѣдко и въ наши — Поэтовъ по преимуществу называютъ учеными: или можетъ быть и потому, что древніе Поэты были вмѣстѣ и Философы. — Θеокр. XVII. 6. *σοφῶν ἐκύρησαν ἀοιδῶν praeclaros* doctos *cantores*, hoc eſt poëtas *ſunt nacti.*

113.) *Ταῖς νύμφαισι — ᾄδειν.* тутъ можно сравнить Θеокрита Ид. VII. ст. 41. *βατραχος* отъ *βοη* и *τραχυς* —

118.) *Τίς δὲ βροτὸς — ᾠδάν.*) Манзо удержалъ обыкновенный текстъ, выключая, что послѣ *φάρμακον* поставилъ знакъ вопроса; другіе читаютъ

ἢ κεράσαι τοί,
Ἠ᾿ δοῦναι λαλέοντι τὸ φάρμακον; ἔκφυγεν ᾠδάν.

Или какъ Брункъ перемѣняетъ: *ἢ φυγεν ᾀδαν* — Манзо находитъ, что три раза повтореніе *ἢ* не очень пріятно для слуха и *λαλεοντι* почти забавно — ибо оно показываетъ, что чаша съ ядомъ поднесена была Біону, лишь только онъ пѣснь кончилъ — *Манзо.*

128.) *Καχείνη Σικελοῖς καὶ Αἰτναίαισιν ἔπαιζεν Ἀ᾿ιόσι* — такъ во всѣхъ изданіяхъ, кромѣ *Урсина,* гдѣ *Σικελοῖσιν ἐν Αἰτναίαισιν.* что значитъ *на берегу Сициліи и Этны?* какъ будто онъ не одинъ, — Урсинъ говоритъ, что въ старинныхъ книгахъ находится *καὶ κεῖνος* — въ нѣкоторыхъ *καὶ κείνη Σικελικὰ ἐν Αἰτναίαισιν* — хотя сіе чтеніе ошибочно, но ведетъ къ истинному, которое, кажется, должно быть;

Σικελικὰ κἀκείνη ἐν Αἰτναίαισιν ἔπαιξεν
Ἀ᾿ιόσι — — —

Принявъ сіе поправленіе, говоритъ Гарлесъ, мысль будетъ связна и соотвѣтственна. „*Sed apud Proſerpinam ſiculum aliquid carmen modulare, et ſuave aliquid Bucolicum cane; nam et ipſa Proſerpina Sicelis fuit, et Aetnaeo in littore luſit et Doricos cantus novit.* Гескинъ.

129.) — *Οὐκ ἀγέραστος* — здѣсь Мосхъ, кажется, имѣлъ въ виду V отрывокъ Біоновъ. — Въ заключеніе скажемъ, что басни о сошествіи въ Адъ Орфея, Улисса и Алкида такъ извѣстны, что нѣтъ нужды изъяснять ихъ. —

ИДИЛЛІЯ IV.

МЕГАРА, СУПРУГА ГЕРКУЛЕСА.

Μᾶτερ ἐμὰ, τίφθ' ὧδε φίλον κατὰ θυμὸν ἰάπτεις,
Ἐκπάγλως ἀχέοισα, τὸ πρὶν δέ τοι οὐκ ἔτ' ἔρευθος
Σώζετ', ἐπὶ ῥεθέεσσι; τί μοι τόσον ἠνίησαι;
Ἦ ῥ' ὅτι ἄλγεα πάσχει ἀπείριτα φαίδιμος υἱὸς
Ἀνδρὸς ὑπ' οὐτιδανοῖο, λέων ὡσεί θ' ὑπὸ νεβροῦ;
Ὤ μοι ἐγὼ, τί νυ μ' ὧδε θεοὶ τόσον ἠτίμασαν
Ἀθάνατοι; τί νυ μ' ὧδε κακῇ γονέες τέκον αἴσῃ;
Δύσμορος, ἥτ' ἐπεὶ ἀνδρὸς ἀμύμονος ἐς λέχος ἦλθον,
Τὸν μὲν ἐγὼ τίεσκον ἴσον φαέεσσιν ἐμοῖσιν,
Ἠδ' ἔτι νῦν σέβομαί τε καὶ αἰδέομαι κατὰ θυμόν.
Τοῦ δ' οὔτις γένετ' ἄλλος ἀποτμότερος ζωόντων,
Οὐδὲ τόσων σφετέρῃσιν ἐγεύσατο φροντίσι κηδέων·
Σχέτλιος, ὃς τόξοισιν, ἅ οἱ πόρεν αὐτὸς Ἀπόλλων,
Ἠέ τινος Κηρῶν, ἢ Ἐριννύος αἰνὰ βέλεμνα,
Παῖδας ἐοὺς κατέπεφνε, καὶ ἐκ φίλον εἵλετο θυμὸν,
Μαινόμενος κατὰ οἶκον. ὁ δ' ἔμπλεος ἔσκε φόνοιο.
Τοὺς μὲν ἐγὼ δύστηνος ἐμοῖς ἴδον ὀφθαλμοῖσι
Βαλλομένους ὑπὸ πατρί (τὸ δ' οὐδ' ὄναρ ἤλυθεν ἄλλῳ)
Οὐδέ σφιν δυνάμην ἀδινὸν καλέουσιν ἀρῆξαι
Μητέρ' ἐήν· ἐπεὶ ἐγγὺς ἀνίκητον κακὸν ἦεν.
Ὡς δέ τ' ὀδύρεται ὄρνις ἐπὶ σφετέροισι νεοσσοῖς
Ὀλλυμένοις, οὕς τ' αἰνὸς ὄφις, ἔτι νηπιάχοντας,

Θάμνοις ἐν πυκινοῖσι κατεσθίει· ἡ δὲ κατ' αὐτοὺς
Πωτᾶται κλάζουσα μάλα λιγὺ πότνια μήτηρ·
Οὐδ' ἄρ' ἔχει τέκνοισιν ἐπαρκέσαι· ἦ γάρ οἱ αὐτῇ
Ἆσσον ἴμεν μέγα τάρβος ἀμειλίκτοιο πελώρου.
Ὣς ἐγὼ αἰνοτόκεια, φίλον τέκος αἰάζουσα,
Μαινομένοισι πόδεσσι δόμον κάτα πολλὸν ἐφοίτων.
Ὥς γ' ὄφελον μετὰ παισὶν ἅμα θνήσκουσα καὶ αὐτὴ
Κεῖσθαι, φαρμακόεντα δι' ἥπατος ἰὸν ἔχοισα,
Ἄρτεμι θηλυτέρῃσι μέγα κρείουσα γυναιξί.
Τῷ χ' ἡμᾶς, κλαύσαντε, φίλαις ἐπὶ χερσὶ τοκῆες
Πολλοῖς σὺν κτερέεσσι πυρῆς ἐπέβησαν ὁμοίης·
Καί κεν ἕνα χρύσειον ἐς ὀστέα κρωσσὸν ἁπάντων
Λέξαντες κατέθαψαν ὅθι πρῶτον γενόμεσθα.
Νῦν δ' οἱ μὲν Θήβην ἱπποτρόφον ἐνναίουσιν,

Ἀονίου πεδίοιο βαθεῖαν βῶλον ἀροῦντες.
Αὐτὰρ ἐγὼ Τίρυνθα κατὰ κραναὴν πόλιν Ἥρας
Πολλοῖσιν δύστηνος ἰάπτομαι ἄλγεσιν ἦτορ
Αἰὲν ὁμῶς· δακρύων δὲ πάρεστί μοι οὐδ' ἴ' ἐρωή.
Ἀλλὰ πόσιν μὲν ὁρῶ παῦρον χρόνον ὀφθαλμοῖσιν
Οἴκῳ ἐν ἡμετέρῳ· πολέων γάρ οἱ ἔργον ἑτοῖμον
Μόχθων, τοὺς ἐπὶ γαῖαν ἀλώμενος ἠδὲ θάλασσαν
Μοχθίζει, πέτρης ὅ γ' ἔχων νόον ἠὲ σιδήρου
Καρτερὸν ἐν στήθεσσι. σὺ δ' ἠΰτε λείβεαι ὕδωρ,
Νύκτας τε κλαίουσα καὶ ἐκ Διὸς ἤμαθ' ὁπόσσα.
Ἄλλος μὰν οὐκ ἄν τις ἐϋφρήναι με παραστὰς
Κηδεμόνων· οὐ γάρ σφε δόμων κατὰ τοῖχος ἐέργει.
Καὶ λίην πάντες γε πέρην πιτυώδεος Ἰσθμοῦ
Ναίουσ'· οὐδέ μοί ἐστι πρὸς ὅντινά κε βλέψασα,
Οἷα γυνὴ πανάποτμος, ἀναπτύξαιμι φίλον κῆρ.

Νόσφι γε δὴ Πύῤῥης συνομαίμονος· ἡ δὲ καὶ αὐτὴ
Ἀμφὶ πόσει σφετέρῳ πλέον ἄχθεται Ἰφικλῆϊ,
Σῷ υἱῷ. πάντων γὰρ ὀϊζυρώτατα τέκνα
Γείνασθαί σε θεῷ τε καὶ ἀνέρι θνητῷ ἔολπα.
Ὣς ἄρ' ἔφη. τὰ δέ οἱ θαλερώτερα δάκρυα μήλων
Κόλπον ἐς ἱμερόεντα κατὰ βλεφάρων ἐχέοντο,
Μνησαμένῃ τέκνων τε καὶ ὧν μετέπειτα τοκήων
Ὣς δ' αὔτως δακρύοισι παρήϊα λεύκ' ἐδίαινεν
Ἀλκμήνη· βαρὺ δ' ἧγε καὶ ἐκ θυμοῦ στενάχουσα,
Μύθοισιν πυκινοῖσι φίλην νυὸν ὧδε μετηύδα.
Δαιμονίη παίδων, τί νύ τοι φρεσὶν ἔμπεσε τοῦτο
Πευκαλίμης; πῶς ἄμμ' ἐθέλεις ὀροθυνέμεν ἄμφω,
Κήδε' ἄλαστα λέγουσα; τὰ δ' οὐ νῦν πρῶτα κέκλαυται.
Οὐχ ἅλις οἷς ἐχόμεσθα τὸ δεύτατον αἰὲν ἐπ' ἦμαρ
Γιγνομένοις; μάλα μέν γε φιλοθρηνής κέ τις εἴη,
Ὅστις ἀριθμήσειεν ἐφ' ἡμετέροις ἀχέεσσι.

Θάρσει· οὐ τοιῇδ' ἐκυρήσαμεν ἐκ θεοῦ αἴσης.
Καὶ δ' αὐτὴν ὁρόω σε φίλον τέκος ἀτρύτοισιν
Ἄλγεσι μοχθίζουσαν· ἐπιγνώμων δέ τοι εἰμὶ
Ἀσχαλάαν, ὅτε δή γε καὶ εὐφροσύνης κόρος ἐστί.
Καί σε μάλ' ἐκπάγλως ὀλοφύρομαι ἠδ' ἐλεαίρω,
Οὕνεκεν ἡμετέροιο λυγροῦ μετὰ δαίμονος ἔσχες,
Ὅς θ' ἡμῖν ἐφύπερθε κάρης βαρὺς αἰωρεῖται.
Ἴστω γὰρ κούρη τε καὶ εὐέανος Δημήτηρ,
(Ἅς κε μέγα βλαφθείς τις ἑκὼν ἐπίορκον ὀμόσσαι
Δυσμενέων) μηδέν σε χερειότερον φρεσὶν ἦσι
Στέργειν ἢ εἴπερ μοι ὑπ' ἐκ νηδύοφιν ἦλθες,
Καί μοι τηλυγέτη ἐνὶ δώμασι παρθένος ἦσθα·
Οὐδ' αὐτήν γε νυ πάμπαν ἔολπά σε τοῦτό γε λήθειν.
Τῷ μηδ' ἐξείπῃς τόγ' ἐμὸν θάλος, ὥς σευ ἀκηδέω,
Μηδ' εἰ κ' ἠϋκόμου Νιόβης πυκινώτερα κλαίω.
Οὐδὲν γὰρ νεμεσητὸν ὑπὲρ τέκνου γοάασθαι

Μητέρι δυσπαθέοντος· ἐπεὶ δέκα μῆνας ἔκαμνον,
Πρίν καί περ τ' ἰδέειν μιν, ἐμῷ ὑπὸ ἧπατ' ἔχοισα,
Καί με πυλάρταο σχεδὸν ἤγαγεν Ἀϊδονῆος·
Ὧδέ ἑ δυστοκέουσα κακὰς ὠδῖνας ἀνέτλαν.
Νῦν δέ μοι οἴχεται υἱὸς ἐπ' ἀλλοτρίης νέον ἆθλον
Ἐκτελέων· οὐδ' οἶδα δυσάμμορος εἴτέ μιν αὖτις
Ἐνθάδε νοστήσανθ' ὑποδέξομαι, εἴτέ καὶ οὐκί.
Πρὸς δ' ἔτι μ' ἐπτοίησε διὰ γλυκὺν αἰνὸς ὄνειρος
Ὕπνον· δειμαίνω δὲ, παλίγκοτον ὄψιν ἰδοῦσα,
Ἐκπάγλως, μή μοί τι τέκνοις ἀποθύμιον ἔρδοι.
Εἴσατο γάρ μοι ἔχων μακέλην εὐεργέα χερσὶ
Παῖς ἐμὸς ἀμφοτέρῃσι βίη Ἡρακληείη.
Τῇ μεγάλην ἐλάχαινε (δεδεγμένος ὡς ἐπὶ μισθῷ)
Τάφρον, τηλεθάοντος ἐπ' ἐσχατιῇ τινὸς ἀγροῦ,
Γυμνὸς, ἄτερ χλαίνης τε καὶ εὐμίτροιο χιτῶνος.
Αὐτὰρ ἐπειδὴ παντὸς ἀφίκετο πρὸς τέλος ἔργου,
Καρτερὸν οἰνοπέδοιο πονεύμενος ἕρκος ἀλωῆς,

Ἤτοι ὅ λίστρον ἔμελλεν ἐπὶ προὔχοντος ἐρείσας
Ἀνδήρου καταδῦναι ἃ καὶ πάρος εἵματα ἕστο.
Ἐξαπίνης δ' ἀνέλαμψεν ὑπὲρ καπέτοιο βαθείης
Πῦρ ἄματον· περὶ δ' αὐτὸν ἀθέσφατος εἱλεῖτο φλόξ.
Αὐτὰρ ὅγ' αἰὲν ὄπισθε θοοῖς ἀνεχάζετο ποσσὶν,
Ἐκφυγέειν μεμαὼς ὀλοὸν μένος Ἡφαίστοιο·
Αἰεὶ δὲ προπάροιθεν ἑοῦ χροὸς, ἠΰτε γέῤῥον,
Νώμασκεν μακέλην· περὶ δ' ὄμμασιν ἔνθα καὶ ἔνθα
Πάπταινεν, μὴ δή μιν ἐπιφλέξῃ δήϊον πῦρ.
Τῷ μὲν ἀοσσῆσαι λελιημένος (ὥς μοι ἐΐκτο)
Ἰφικλέης μεγάθυμος, ἐπ' οὔδεϊ κάππεσ' ὀλισθὼν,
Πρὶν γ' ἐλθεῖν· οὐδ' ὀρθὸς ἀναστῆναι δύνατ' αὖτις,
Ἀλλ' ἀσεμφὲς ἔκειτο, γέρων ὡσεί τ' ἀμενηνὸς,
Ὅν τε καὶ οὐκ ἐθέλοντα βιήσατο γῆρας ἀτερπὲς
Καππεσέειν· κεῖται δ' ὅ γ' ἐπὶ χθονὸς ἔμπεδον αὐτοῦ,

Εἰσόκε τις χειρός μιν ἀνειρύσῃ παριόντων,
Αἰδεσθεὶς ὄπιδα προτέρην πολιοῖο γενείου.
Ὣς ἐν γῇ λελίαστο σακέσπαλος Ἰφικλέης.
Αὐτὰρ ἐγὼ κλαίεσκον ἀμηχανέοντας ὁρῶσα
Παῖδας ἐμοὺς, μέχρι δή μοι ἀπέσσυτο νήδυμος
ὕπνος
Ὀφθαλμῶν, ἠὼς δὲ παραυτίκα φαίδιμος ἦλθε.
Τοῖα, φίλη, μοὶ ὄνειρα διὰ φρένας ἐπτοίησαν
Παννυχίη· τὰ δὲ πάντα πρὸς Εὐρυσθῆα τρέ-
ποιτο,
Οἴκου ἀφ' ἡμετέροιο· γένοιτο δὲ μάντις ἐκείνῳ
Θυμὸς ἐμὸς, μήδ' ἄλλο παρεκτελέσειέ τι δαί-
μων.

Нѣчто

о четвертой Идиллїи.

Всѣ почти въ томъ согласны, что сія Идиллія не полное сочиненіе, но отрывокъ, можетъ быть, большой Поэмы въ честь Геркулесу. — И сіе твореніе также приписываемо было Ѳеокриту; но во многихъ древнихъ рукописяхъ надпись доказываетъ, что оно есть произведеніе Мосха.

Чтобы лучше разумѣть содержаніе сего творенія, мы скажемъ только слѣдующее: по преданіямъ миѳологическимъ, *Геркулесъ*, въ юности своей, былъ долгое время при дворѣ *Креона*, Царя Ѳивскаго, и женился на его дочери *Мегарѣ*. Нѣсколько лѣтъ жили они очень согласно и воспитывали дѣтей вмѣстѣ; но щастіе ихъ было непродолжительно. Геркулесъ узналъ, что боги опредѣлили отдать его въ руки жесточайшаго врага Эвристея. Сія вѣсть такъ поразила его, что онъ, въ минуту изступленія, умертвилъ дѣтей, рожденныхъ отъ Мегары, и потомъ оставилъ домъ и супругу. Съ того времени Геркулесъ очень рѣдко посѣщалъ Мегару и мать свою Алкмену: онѣ обѣ горевали, сѣтовали, и сіи минуты горести изображены Мосхомъ. —

Все дѣйствіе происходитъ въ *Тиринѳѣ*, городѣ Арголійскомъ, гдѣ, со времени отсутствія Геркулеса, а можетъ быть и со времени замужства, жила Мегара. Безпокоясь о супругѣ и сѣтуя о потерѣ чадъ, въ отдаленіи отъ родины, она обращается къ тещѣ своей и ищетъ утѣшенія. Алкмена хочетъ ободрить унылой духъ ея; хочетъ утѣшить нещастную; но сама чувствуетъ нужду въ утѣшеніи — предвѣщее сновидѣніе о сынахъ ея, Геркулесѣ и Ификлѣ, возмутило душу и лишило ее способности подавать утѣшеніе другому. Ей самой ничего въ мірѣ не осталось кромѣ чувства невинности и надежды на милость боговъ.

Вотъ содержаніе сей повѣсти. Всякой легко согласится, что сіи стихи не составляютъ полнаго творенія, но только часть какого-то цѣлаго. Каково же было все сочиненіе, вдругъ рѣшить не возможно. *Манзо* думаетъ по различнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ упоминаетъ Алкмена, разсказывая сонъ, особенно по 99 и 100 стихамъ, что Мосхъ избралъ предметомъ пѣсни нещастныя приключенія изъ послѣдней части жизни Геркулесовой и, можетъ быть, приключенія тѣхъ временъ, когда онъ исполнялъ требованія Эвристея. Кажется, вся сія повѣсть открывается изъ 103 и 109 стиховъ: огонь, вдругъ исторгнувшійся изо рва и повсюду преслѣдующій Геркулеса, явно означаетъ ту не-

стерпимую боль, которую причинила ему ревностная Деянира, пославъ ему покрывало, обагренное *Нассусовою* кровью, смѣшанною съ ядомъ гидры Лернской. Овидій въ сей баснѣ (Кн. IX. басн. 3) ни слова не упоминаетъ объ *Ификлѣ*; онъ говоритъ только, что *Лихасъ* принесъ эту роковую одежду; *Іолаусъ*, изъ сожалѣнія къ терзаніямъ Геркулеса, сложилъ костеръ на вершинѣ горы Эты, и *Филоклесъ* возжегъ его.

Однакожъ сіе обстоятельство не соотвѣтствуетъ мнѣнію Манзо; онъ говоритъ, что Мосхъ, можетъ быть, слѣдовалъ другому миѳологическому сказанію: и почему бы не могъ сего сдѣлать, когда почти всякой Поэтъ рисуетъ басни по своему собственному мнѣнію и чувству? Мнѣ кажется, что сіи стихи не что иное, какъ *отступленіе* или *эпизодъ* какой нибудь Поэмы, написанной въ честь Геркулесу, которую завистливое время не допустило до нашихъ дней — и потому такъ думаю, что сей Герой былъ предметомъ всеобщаго удивленія.

Впрочемъ не знаю ни одной картины разрушеннаго семейственнаго щастія, которая была бы трогательнѣе, *натуральнѣе* и прекраснѣе сего описанія: характеръ Алкмены плѣняетъ читателя. Сіе тихое отчаяніе матери, сіе неизъяснимое чувство терпѣнія и любви къ дѣтямъ, съ которымъ утѣшаетъ она Мегару, сія непоколебимая твердость,

которая, не смотря на всѣ бѣдствія, укрѣпляетъ нѣжное сердце; сіе терпѣніе и надежда на боговъ восхищаютъ душу. Странно, какъ Фалькенарій, сей критикъ съ тонкимъ умомъ и вѣрнымъ вкусомъ, почитаетъ сію Идиллію ниже предыдущей. Чувства смерти разительны и обыкновенны; но картина семейственныхъ бѣдствій, чувство отчаянной матери разнообразнѣе, новѣе и трогательнѣе. Еще страннѣе, что Фалькенарій не Мосху приписываетъ сіе сочиненіе, межъ тѣмъ какъ *Софіанъ*, *Стефанъ* и *Урсинъ* во многихъ рукописяхъ нашли ее подъ именемъ *Мосховой*. Правда, что ни въ одной Идилліи его нѣтъ выраженій столько нѣжныхъ и утонченныхъ, какъ въ Мегарѣ; но кому не извѣстно, что слова и выраженія должны быть сообразны съ предметомъ? сколько есть одъ въ Гораціѣ, которыя, измѣняясь по предмету, вовсе, кажется, не Гораціевы?

Въ разсужденіи слога сей Идилліи замѣтимъ, вмѣстѣ съ *Брункомъ*, что она писана вся Іоническимъ нарѣчіемъ; а если встрѣчаются Доризмы, то они безъ сомнѣнія введены переписчиками; почему текстъ сего сочиненія смѣшанъ въ Брункѣ съ обыкновеннымъ нарѣчіемъ. Съ нимъ согласны многіе лучшіе критики, и весьма вѣроятно, что дебелый Дорическій выговоръ не сотворенъ для нѣжныхъ стоновъ матери-Царицы. Любопытнымъ остается видѣть далѣе.

* * *

Въ первомъ стихѣ замѣтимъ Ὧδε; сія частица ссылается на предыдущее и показываетъ, что это не было началомъ Поэмы, какъ мнѣ кажется — далѣе во 2 и 3 стихѣ. ἔρευθος — ῥέθεσσι. Обыкновенные переводчики слово ῥέθος изъясняютъ щека, ланита; но оно вообще означаетъ каждый членъ тѣла. Такъ Горацій Epod Од. 17. ст. 21 говоритъ:

Fugit iuventas: et verecundus color
Reliquit: offa pelle amicta lurida

5) Ἀίδεος ὑπ' οὐτιδανοῖο. Сей ἀνὴρ οὐτιδανὸς не кто иной, какъ *Эвристей*, сынъ *Стенела*, коего братъ Электріонъ царствовалъ въ Миценѣ. По смерти Электріона тронъ Миценскій долженъ былъ перейти къ Амфитріону, супругу его дочери. Но какъ Амфитріонъ по нещастію умертвилъ нечаянно своего тестя, то Стенелъ воспользовался симъ случаемъ, чтобъ привесть его въ ненависть гражданъ Миценскихъ и завладѣть престоломъ, которой по смерти его достался *Эвристею*. И такъ Геркулесъ былъ подданный сего Государя, и долженъ былъ исполнять всѣ трудныя его повелѣнія, которыя извѣстны подъ именемъ *Геркулесовыхъ подвиговъ*. Они состоятъ въ истребленіи дикихъ звѣрей и разбойниковъ, коими наполнена была Греція.

7) Κακῇ — αἴσῃ; такое точно выраженіе употребилъ Гомеръ, гдѣ Өетида говоритъ о сынѣ своемъ Ахиллесѣ К. I. ст. 418: τῷ σε κακῇ αἴσῃ τέκον ἐν μεγάροισιν — *Я злою судьбою произвела тебя на свѣтъ въ чертогахъ*. Или, какъ говоритъ Эдипъ Озерова:

На зло, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ.

9) Ἴσον φαέεσσιν ἐμοῖσιν — Глаза, какъ благороднѣйшій и необходимый органъ человѣческаго тѣла, употребляются Поэтами для сравненія всего драгоцѣннаго. Циклопъ Өеокритовъ выше всего цѣнитъ одинъ глазъ свой. У насъ говорятъ: *онъ бережетъ (что нибудь) какъ глазъ свой*; и Катуллова Лезвія любила воробушка больше глазъ своихъ. Катуллъ III. 5.

Paſſer deliciae meae puellae,
Quem *plus* illa *oculis ſuis* amabat.

10) Σέβομαι καὶ αἰδέομαι — Оба глагола употреблены здѣсь въ одинакомъ значеніи; но если разсматривать въ тонкость, то можно замѣтить, что первый относится ко внутреннему чувству души, а послѣдній къ наружнымъ знакамъ уваженія.

12) Труды и подвиги Геркулесовы, которые, по повелѣнію Юноны, возложены были Эврисѳеемъ, весьма извѣстны. (Аполлодоръ К. II. Глав. 4 Гигинъ баснь 30 и 31. и Банье въ изъясненіи Овидія.) Мысль сего стиха слѣдующая: никто изъ смертныхъ не сражался столько съ самимъ собою (то есть горестію) и съ гонителями, сколько онъ.

13) Α᾽ οἱ πόρεν αὐτὸς Α᾽π. — Лукомъ, который далъ ему Аполлонъ, или который, по мѣткости и силѣ, должно было почитать даромъ Аполлона. — Въ 14^мъ стихѣ замѣтимъ, что древніе полагали равное число Паркъ и Фурій, и потому нѣкоторые принимали однѣхъ вмѣсто другихъ.

15) Παῖδας ἑοὺς κατέπεφνε — Писатели древніе не согласны не только въ именахъ, но и въ числѣ дѣтей, убитыхъ Геркулесомъ. По сказанію *Гигина*, онъ умертвилъ стрѣлами двоихъ своихъ дѣтей. Аполлодоръ говоритъ, что онъ трехъ своихъ сыновъ, Мегарою воспитанныхъ, именно: *Теримаха*, *Креонтіада* и *Деикоона*, и двухъ сыновъ Ификловыхъ бросилъ въ огонь. У Еврипида умерщвляетъ онъ мать и дѣтей; оставляетъ супругу въ томъ мнѣніи, что онъ вступилъ въ бракъ съ нею въ злощастный часъ. Словомъ, въ описаніи изступленія и ярости Геркулесовой всѣ древніе писатели различны: ибо многіе были Геркулесы, и въ разныхъ странахъ носились объ нихъ разные слухи и преданія.

18) Βαλλομ. тутъ натурально разумѣть должно Βελέμνοις. Ибо βάλλειν всегда говорится о метаніи стрѣлъ: такъ говоритъ Эліанъ *Раз. Ист.* Кн. 1. Гл. 10 τὰς αἶγας βάλλειν.

21) Ω᾽ς δὲ τ᾽ ὀδύρεται — подобіе самое нѣжное, и точно срисованное съ природы. Послѣдніе стихи въ оригиналѣ такъ:

Но жизнью дорожа своею,
Страшится подлетѣть ко змѣю.

Одинъ изъ рѣдкихъ умовъ нашего вѣка — (но его уже нѣтъ! —) замѣтилъ, что гораздо трогательнѣе было бы, еслибъ птица не жалѣла жизни для своихъ малютокъ: я, желая почтить память достойнѣйшаго мужа, отступилъ отъ оригинала и перевелъ:

И жизнью жертвуя своею,
Стремится прямо къ змѣю.

Сему мѣсту весьма многіе изъ древнихъ подражали. Мы приведемъ только одно изъ лучшихъ подражаній. Виргилій Georg. Lib. IV. ст. 511. съ нѣкоторою перемѣною говоритъ:

Qualis populea moerens Philomela ſub umbra
Amiſſos quaeritur foetus, quos durus arator
Obſervans nido, implumes detraxit: at illa
Flet noctem, ramoque ſedens miſerabile carmen
Integrat, et moeſtis late loca quaeſtibus implet.

Подобныя мѣста можно видѣть у Софокла въ Электрѣ ст. 147. и въ Антигонѣ ст. 429. Многїе думаютъ, что первую мысль сего сравненїя заимствовалъ Мосхъ у Гомера изъ двухъ мѣстъ Одиссеи Т', 518 и слѣд.:

Ὥς δ' ὅτε Πανδαρέȣ κȣ́ρη χλωρηῒς ἀηδὼν
Καλὸν ἀείδησιν ἔαρος νέον ἱϛαμένοιο
Δενδρέων ἐν πετάλοισι καθεζομένη πυκινοῖσιν
Ἥτε θάμα τρωπῶσα χέει πολυηχέα φωνὴν,
Παῖδ' ὀλοφυρομένη Ἴτυλον φίλον.

Sicut quando Pandarei filia ſtoridula luſcinia
Bene canit vere recens ſtanti
Arborum in foliis ſedens densis
Quae frequenter verſans fundit ſonoram vocem,
Filium lugens Itylum carum.

И изъ Илїады пѣснь β'. ст. 308, гдѣ Гомеръ описываетъ змѣя, пожирающаго на деревѣ птенцовъ воробьиныхъ.

29) *Ὡς γ' ὄφελον — κεῖσθαι*) такъ Аполл. Аргон. К. III. ст. 772.

——— *Ὡς ὀφελόν γε*
Ἀρτέμιδος κραιπνοῖσι πάρος βελέεσσι δαμῆναι,
Πρὶν τόν γ' εἰσιδέειν — — —

Utinam
Me prius, Dianae jaculis confixam fuiſſe,
Quam illum vidi. ——

31) *Ἄρτεμι — γυναιξί*) Можетъ быть, Дїана была покровительницею прекраснаго пола: ибо древнїе вѣрили, что она помогаетъ женщинамъ, страждущимъ родами. Такъ Дафнисъ говоритъ у Феокрита, Ид. 27. ст. 29., что Дїана облегчитъ страданїе твое. Слѣдуя Швебеллїю и многимъ древнимъ писателямъ, можно сказать, что Аполлонъ и Дїана имѣли великое влїянїе на судьбу человѣка, по мнѣнїю древнихъ; и что, когда мущина умиралъ нечаянно, то они говорили, что пораженъ стрѣлами Аполлона, а когда женщина, то думали, что стрѣлы Дїаны тому виною.

33) *Κτερέεσσι*) *κτέρεα* назывались у древнихъ возлїянїя, или жертвы, приносимыя тѣнямъ усопшихъ. Они обыкновенно возливали на могилу елей, вино, воду, кровь и особенно медъ. См. Одис. К. λ'. ст. 29. и Швебел. пространно говоритъ о кострѣ, урнѣ и древнихъ о семъ мнѣнїяхъ. Быть сокрыту въ одной урнѣ, или погребену со прахомъ милыхъ сердцу, у древнихъ почиталось великою отрадою, или щастїемъ.

36) *Θήβη* называется *ἱπποτρόφος* (*конеобильные Өивы*) потому, что тамъ родились самые лучшїе кони. *Костровъ* Ил. пѣснь VI. ст. 453. перевелъ: *внутрь Гиллоплакскихъ Өивъ.* Можетъ быть Мосхъ въ семъ случаѣ подражалъ Пиндару Нем. X. 77.

— *Νικαφορίαις γὰρ ὅσαις ἱπ-*
ποτρόφον ἄϛυ τὸ Προί-
τοιο θάλλησεν.

Victoriis enim quot equorum-altrix, urbs Proeti floruit.

По сему самому тотъ же Пиндаръ, Исѳм. Ода IV, ст. 23, называетъ мужей *отличныхъ и благородныхъ* ἱπποτρόφοι. Βωτιοι ἀγῶνες были прославляемы Пинд. Олимп. VII, Сіе название очень прилично Ѳивамъ, славнѣйшему городу въ Беоціи, который по словамъ Плинія IV. Гл. 7. не уступалъ въ славѣ самымъ Аѳинамъ: ибо Геркулесъ, учредитель сихъ игръ, былъ родомъ Аѳинянинъ. Притомъ жители Беоціи, во времена Героическія, уже славны были на морѣ. Другое чтеніе, также хорошую мысль заключающее, κουροτρόφος. Гомеръ въ Одиссеѣ I, 27. называетъ Итаку ἀγαθὴ κουροτρόφος *которая питаетъ юношей и дѣлаетъ храбрыми*. Какъ точно написалъ Мосхъ, рѣшить не возможно.

37) Ἀονίς. Вся страна, около горы Геликона, называлась въ древнія времена *Аоніею*; потому что первые жители, населявшіе мѣста сіи, назывались *Аонійцы*. Поэты всю Беоцію называютъ *Аоніею*.

38) Τίρυνθα) Тиринѳъ, городокъ въ Ахаіи недалеко отъ Агръ, отечество Геркулеса, почему онъ называется иногда Тиринскимъ. *Гескинѳ*. Мосхъ называетъ сей городъ κραναὸν πέδον Ἥρας потому что, по обычаю древнихъ, онъ находился подъ покровительствомъ Юноны. — Κραναὸν *asperam*, *saxosam*, *безплодною, каменистою*; сіе названіе взято отъ свойства земли каменистой и нагорной; Гомеръ весьма часто употребляетъ его, говоря объ Итакѣ.

45) Σὺ δ — ἤματ' ὁπόσσα. Такъ говоритъ Овидій объ Аглаврѣ, завидующей браку сестры своей Кн. II. басн 17.

— — Irritata dolore
Cecropis occulto mordetur, et anxia nocte
Anxia luce gemit: tantaque miserrima tabe
Liquitur, ut glacies incerto saucia sole

При семъ какъ не вспомнишь и Нарцисса, тающаго отъ любви къ самому себѣ?

— Ut intabescere flavae
Igne leve cerae, matutinaeque pruinae
Sole tepere solent: sic, attenuatus amore,
Liquitur, et tecto paullatim carpitur igni.

Впрочемъ выраженіе σὺ δ' ἤυτε λάβεχ ὕδωρ, по словамъ Гарлеса, сказано въ духѣ Еврейскомъ — Такъ Кн. Іисуса Навина Гл. VII. ст. 5. *Liquefactum est cor populi, adeo ut in aquam abiret.* Пс. XXII. 15. *sicut aqua effundor, et disparant se omnia ossa mea: est cor meum simile cerae, liquefit in visceribus meis.* Псал. LVIII. 8. *Liquefiant, sicut aquae, indefinenter abeant.* MS. Mediceus legit ἤματα πάντα.

49) Πιτυώδεος — сосна, въ этой приморской области, было самое обыкновенное дерево, и побѣдители на играхъ Исѳмическихъ, въ честь Нептуну учрежденныхъ, всегда украшаемы были вѣнками *сосновыми*; потому что сіе дерево посвящено Нептуну. Притомъ по одну сторону дороги, ведущей къ Нептунову капищу, поставлены были статуи атлетовъ, одержавшихъ побѣду на Исѳмическихъ играхъ; а по другую разсѣяны были сосны, и большая часть по правую сторону. См. Павз. Кн. II. Гл. 1. стр. 111. и слѣд.

50) Πρὸς ὅντινα βλέψασα) т. е. коего присутствіемъ и разговорами пользоваться и утѣшаться могу. Πρὸς τίνα βλέψαι значитъ не только смотрѣть на кого, но любоваться кѣмъ нибудь, утѣшаться и восхищаться. Такъ точно у Ксенофонта ἀποβλέπειν (MS. IV, 2.) значитъ смотрѣть на кого съ особеннымъ удовольствіемъ.

55) Πάντων ὀϊζυρ. Τέκιας Алкмена имѣла двухъ сыновъ: Геркулеса и Ификла; первый родился отъ Зевеса, а второй отъ Амфитріона. 56) τὰ δ' οἱ Θαλερῶτ' — — βλεφάρων ἐχέοντο — въ сихъ словахъ смыслъ нѣсколько не яснъ; свойственнѣе всего, кажется, перевесть: *и обильныя слезы по ланитамъ лились на прекрасныя перси.* Многіе переводятъ: *teneriores, dulciores, vel crebriores — malis* слезы *нѣжнѣйшія, обильнѣйшія яблокъ,* и Лонгопетрей утверждаетъ, что сіе выраженіе хотя въ наше время странно, но въ тѣ времена было во вкусѣ. Мнѣ кажется, что все, сходное съ природою и здравымъ разсудкомъ, должно быть одинаково во всѣ времена. По сему первая мысль правильнѣе и натуральнѣе. Такъ Аполлоній Кн. III. ст. 803.

— — Ὀδύρετο· δεῦε δὲ κόλπους
Ἄλληκτον δακρύοισι· τὰ δ' ἔρρεεν ἀσπερχὲς αὔτως
Αἶν' ὀλοφυρομένης τὸν ἑὸν μόρον.

Такъ Виргилій Энеид. К. IV, ст. 30.
Sic effata sinum lacrimis implevit obortis.

62) Δαιμονίη παίδων. Нѣкоторые переводятъ: нещастная мать; другіе: безцѣнное мое дитя, милая дочь; потому что δαιμόνιος есть обоюдное прилагательное, которое употребляется и въ хорошемъ и въ противномъ смыслѣ. Отсюда происходятъ

два разныхъ значенія. Въ первомъ случаѣ подразумѣвается частица ἕνεκα — подобная двусмысленность заключается въ слѣдующемъ: τί νύ τοι φρεσὶν ἔμπεσε τοῦτο πευκαλίμῃς. Слово πευκάλιμος переводятъ: *печальный*, или *мудрый*, отъ чего сіе мѣсто принимаетъ два разныхъ смысла. По связи мыслей, лучше кажется, принять первое значеніе, нежели послѣднее.

64) Ἄλαστα. Дорич. вмѣсто ἄληστα κήδεα заботы, коихъ забыть не можно, отъ коихъ избавиться не льзя, т. е. горестныя, тяжкія. Κῆδος собственно значитъ забота; но здѣсь оно означаетъ *горесть, печаль, тоску, уныніе*. Примѣровъ въ Дамміевомъ лекс. множество. Такъ Гомеръ въ Одиссеѣ Кн. IV. ст. 108. ἄχος αἰὲν ἄλαστον. Мысль подобная Мосховой.

65) Οὐκ ἄλις — Одно изъ прекрасныхъ мѣстъ; мысль почти такая, какъ въ Матѳ. Гл. VI. ст. 4. Въ изданіи Урсина вмѣсто οἷς находится οἷ. Можно видѣть Еврипид. Helen. ст. 345. и тамъ, замѣчаніе Барнеса.

69 — 71) Καὶ δ' αὐτὴν ὁρόω — — κόρος ἐστὶ) Сіе мѣсто Лонгопетрею показалось труднымъ; обыкновенный Латинскій переводъ такъ: *Nam te quoque video, chara filia, ingenti dolore confici: ignosco vero tibi, quod doles, quoniam et laetitiae satietas est.* Но здѣсь нѣтъ почти никакого смысла. Онъ предлагаетъ два изъясненія. Первое: гдѣ послѣ ἐπιγνώμων δέ τοι εἰμὶ разумѣть должно ἐμοί, то есть: *ignosco tibi, quod doles; quoniam et mihi gaudii est satietas vel taedium*, то есть, *quoniam nulla mihi gaudii est caussa.* Другое, по его мнѣнію, лучше:

Ἄλγεσι μαχθίζουσαν (ἐπιγνώμων δέ τοι εἰμὶ)
Ἀσχαλάαν. — Лонгопетрей переводитъ:

Je vous vois ſans rélache à la douleur en proie,
Quoique on ſe laſſe enfin de tout, même de joie,
Je vous vois, dis-je, en proie au plus cruel tourment
(Mes yeux en ſont temoins) gemir inceſſament.

Но чувства матери всѣ горести прощаютъ,
И радости людей не меньше истощаютъ.

Гарлесъ одобряетъ первую мысль; но говоритъ, что изъ соединенія словъ едвали вывесть ее можно. Онъ по видимому лучше принимаетъ мысль Швебеллія: *я прощаю тебѣ, что ты сѣтуешь; ибо, при такомъ множествѣ бѣдствій, люди, лишившіеся радости, находятъ въ самой горести нѣкоторое удовольствіе.* Но 71 стихъ нѣсколько слабъ и кажется излишнимъ, по чему онъ отдѣлилъ его знаками — вообще кажется, что сія послѣдняя мысль больше прилична изобрѣтательности новѣйшихъ, нежели простотѣ древнихъ.

73) Δαίμονος) нѣкоторые переводятъ *Геній*, и *Швебел.* пространно изъясняетъ мнѣнія древнихъ о *Геніяхъ*. И подлинно если подъ симъ словомъ разумѣть не *судьбу*, но *Генія*, то весьма многое можно видѣть о сихъ духахъ: in Vonnae diſs. III de Geniis, in Syntagm. II diſs. philologic. Rotterod. 1700 pag. 4 и слѣдующія.

75) Ἄς κε μέγα — Δυσμενέων). Сіе желаніе, по замѣчанію Лонгопетрея, весьма странно; подобное можно видѣть въ Θеокритѣ Идил. IV, 20.

Λεπτὸς μὰν χ' ὡ ταῦρος ὁ πύῤῥιχος· εἴθε λάχοιεν
Τοὶ τῶ Λαμπριάδα τοὶ δαμόται, ὄκκα θύοντι
Τᾷ Ἥρᾳ, τοιόνδε· κακοχράσμων γὰρ ὁ δᾶμος. т. е.

Gracilis quidem ille flavus taurus: utinam ſortitus fuiſſet
Lampridiae populus, quando ſacrificat.
Junoni, talem: mala enim eſt gens.

Женщины Греческія всегда клялись Юноною и Прозерпиною. Такъ у Θеокр. Ид. XV, ст. 14, гдѣ можно видѣть и замѣчаніе Вартона.

77) Ἧσι, здѣсь вмѣсто ἡμαῖς. Мѣстоименія ἑὸς и σφέτερος употребляются Поэтами въ обширномъ смыслѣ, не рѣдко и въ прочихъ двухъ лицахъ. Можно видѣть Canteri novas Lectiones Lib. V. cap. 13.

82) Μήδ' ἐκ ... — Такъ Овидій превращеній К. V. Басня 6. ст. 160 говор...

Flet tamen, et validi circumdata turbine venti
In patriam ... eſt, ubi fixa cacumina montis
Liquitur, et lacrimis etiam nunc marmora manant.

84) Ἐπεὶ δέκα μῆνας ἔκαμνον. По общему мнѣнію младенецъ рождается въ девятый мѣсяцъ. По сему Турнебъ lunares menſes autumat (Advers. Lib. III. Cap. 15).

Annus erat decimum cum luna ceceperat orbem.

Подобное сравненіе употребляетъ Виргилій въ Полліонѣ ст. 61.

Matri longa decem tulerant faſtidia menſes.

И Теренцій in Adelphis:

Compreſſa gravida facta eſt; mensis hic decim' eſt.

Θ

86) *Καί με πωλαετ.* Алкмена перенесла ужаснѣйшія мученія при рожденіи Геркулеса, по гоненію Юноны, отъ которыхъ освободилась чрезъ обманъ Галантиды. См. Овид. Превр. Кн. IX. басня 6.

91) *Πρὸς δ᾽ ἔτι — Ὕπνον*). Такъ Виргилій Эн. К. IV, 9.

Anna ſoror, quae me ſuſpenſam inſomnia terrent.

95) *Βίη Ἡρακληείη. Сила Геркулеса,* вмѣсто сильный, могущественный Геркулесъ — выраженіе весьма извѣстное любителямъ Гомера. Такъ Горацій К. I. Од. 3. ст. 36. говоритъ: Perruit Acheronta Herculeus labor. Безъ сомнѣнія Римляне въ семъ случаѣ, подражали Грекамъ. —

98) *Γύμνος — χιτῶνος.*) *Χλαίνη, хламида, калотъ*, употребляемый отъ дождя и сырой погоды. *Χιτὼν* означаетъ Римскую тунику, или одежду, которая бываетъ ближе къ тѣлу. — Безъ сомнѣнія *γυμνὸς* здѣсь не должно принимать въ строгомъ смыслѣ *нагой*, но *беззащитный*.

100) *ἀλωῆς* — должно разумѣть виноградную лозу, что очевидно, судя по прилагательному *εὐσπέδος*. Это слово имѣетъ много значеній. У Өеокрита *ἀλωὴ* Ид. I. ст. 46. означаетъ вертоградъ, винную гору. Большою частію оно означаетъ *площадь, пустошь, токъ* и *садъ*.

101) *Λίστρον* — тоже что и *μάκελλα*, желѣзное, или въ желѣзо оправленное домашнее орудіе. — *заступъ, лопата*.

117) *Ὄπιδα — πρότερον* значитъ *прежній* обыкновенно. — *ὄπις* собственно значитъ *уваженіе, отличіе*: потомъ у Гомера весьма часто означаетъ *мщеніе боговъ*; иногда *заботу*, такъ въ

семъ мѣстѣ, которое Даммій изъясняетъ въ Лекс. Гр. стол. 708. „Apud Moſchum IV, 117. *ὄπιδα* de homine reverente ſenem, — ubi in genere notare videtur: *reveritus curam priorem et antiquiorem cani menti*; иногда значитъ также *старческій видъ*, *ὄψιν*.“

118) *Σακέσπαλος* отъ *σάκος* щитъ и *πάλλω потрясаю, колеблю, вращаю*. И такъ собственно значитъ *щитоносецъ*, потомъ *храбрый, воинственный*.

120) *Ἀπέσσυτο — ὕπνος*. Разсѣялся сонъ — (*далъ Богъ свѣтъ и все изчезло.*) Тутъ кончится сновидѣніе Алкмены, на самой зарѣ. Древніе вѣрили, что сновидѣнія, подъ утро являющіяся, бываютъ истинны, потому — говорили они — что душа, освободясь отъ паровъ, погрузившихъ ее въ сонъ, способнѣе бываетъ къ истинному сообщенію съ духами. Такъ точно видѣли мы въ Мосх. Европѣ сначала. Смотри замѣчаніе.

123) *Τὰ δὲ πάντα — τρέποιτο — δαίμων* выраженіе, употребляемое для отвращенія *навѣтовъ*, худыхъ предчувствованій. Можно видѣть замѣчаніе къ 27 стиху Мосх. Европы. Такъ Виргилій Георг. К. III, 513.

Di meliora piis, erroremque hoſtibus illum. Также въ Энеид. II. 190.

— — — — Quod dii prius omen in ipſum
Convertant. — — —

Въ заключеніе Идилліи еще замѣтить можемъ, что сія картина разрушеннаго семейственнаго счастія невольно производитъ впечатлѣніе въ чувствительномъ сердцѣ, и трогаетъ душу.

ИДИЛЛІЯ V.

Къ спокойствiю.

Τὰν ἅλα τὰν γλαυκὰν ὅταν ὤνεμος ἀτρέμα βάλλῃ,
Τὰν φρένα τὰν δειλὰν ἐρεθίζομαι, οὐδ' ἔτι Μοῖσα
Ἐντὶ φίλα, ποτάγει δὲ πολὺ πλέον ἄμμε γαλάνα.
Ἀλλ' ὅταν ἀχήσῃ πολιὸς βυθὸς, ἁ δὲ θάλασσα
Κυρτὸν ἐπαφρίζῃ, τὰ δὲ κύματα μακρὰ μεμήνῃ,
Ἐς χθόνα παπταίνω, καὶ δένδρεα, τὰν δ' ἅλα φεύγω·
Γᾶ δέ μοι ἀσπαστὰ, τάχα δάσκιος εὔαδεν ὕλα,
Ἔνθα καὶ, ἢν πνεύσῃ πολὺς ὤνεμος, ἁ πίτυς ᾄδει.
Ἦ κακὸν ὁ γριπεὺς ζώει βίον, ᾧ δόμος ἁ ναῦς,
Καὶ πόνος ἐντὶ θάλασσα, καὶ ἰχθὺς ἁ πλάνος ἄγρα·
Αὐτὰρ ἐμοὶ γλυκὺς ὕπνος ὑπὸ πλατάνῳ βαθυφύλλῳ,
Καὶ παγᾶς φιλέοιμι τὸν ἔγγυθεν ἦχον ἀκούειν,
Ἃ τέρπει ψοφέοισα τὸν ἄγριον, οὐχὶ ταράσσει.

Нѣчто

о пятой Идиллiи.

Можетъ быть сiе небольшое произведенiе родилось въ счастливое время прогулки по берегу моря, или рѣки, когда волны послѣ бури утихали; или въ прiятную минуту размышленiя объ участи, когда Поэтъ сравнивалъ всегдашнее плаванiе по водамъ съ тихою и безпечною жизнiю на твердой землѣ, когда почувствовалъ всю цѣну спокойствiя и почелъ себя счастливымъ, видя, что судьба не опредѣлила его искать пропитанiя на бурной стихiи. Все, что Мосхъ говоритъ о жизни рыбаковъ, весьма справедливо и истинно. Есть и нынѣ еще бѣдные жители въ Сицилiи, кои достаютъ себѣ пропитанiе отъ рыбной ловли, и проводятъ большую часть жизни на взморьѣ.

Слогъ сей Идиллiи очень прiятенъ. Тринадцать стиховъ, ознаменованныхъ печатiю Генiя и брошенныхъ Поэтомъ случайно, остались не вредимы чрезъ двѣ тысячи лѣтъ и дошли до нашихъ временъ. Стобей первый нашелъ ихъ и напечаталъ въ своемъ Floril. (Гл. 59. стр. 377. Въ Грецiѣ стр. 229.) и въ рукописи Лейд. надписано: ἐκ τῶν Μόσχου βουκολικῶν. Разсмотримъ подробнѣе.

* * *

ВЪ первомЪ стихѢ замѢтимЪ выраженіе ἄνεμος βάλλῃ, *ventus ferit mare leniter*, зефирЪ струитЪ поверхность моря, или какЪ говоритЪ *Дмитрїевъ*:

Легчайшій вѣтерокЪ, едва струящій воду.

2) Τὰν φρένα δειλὰν ἐρεθ. ЗдѢсь винительный зависитЪ отЪ выпущенной частицы κατά. Не возможно перевесть; ,, тогда мое робкое сердце содрогается ,,; — но мысль, кажется, слѢдующая: *когда зефирЪ струитЪ поверхность голубаго моря, тогда духЪ мой, хотя робкій, стремится кЪ плаванію, и Музы не плѢняютЪ меня столько, сколько тишина моря.* ТакЪ ѲеокритЪ употребляетЪ сіе слово Идил. XXI, 22.

— —— Σφετέραις φρεσὶν ἤρεθον ᾠδάν.
—— —— Animis fuis carmen incitabunt.

ГарлесЪ перевелЪ мысль Вулканія, но ближе кЪ Греческому: *impatientem proritor animum*, подразумѢвая *fecundum*; впрочемЪ ЛонгопетрейутверждаетЪ, что сіе мѢсто разумѢть должно: *etiam minimam fluctuum agitationem timidum ejus animum turbare, altam vero magis ei placere tranquillitatem.* Причины, приводимыя имЪ для подтвержденія своей мысли: 1) значеніе прилагательнаго δειλὰν и 2) πολὺ πλέον, что дѢлаетЪ противоположность между предыдущимЪ. *ГарлесЪ.*

3) Ποτάγει δὲ πολὺ πλεῖον ἅμμε γαλάνα — СимЪ чтеніемЪ, какЪ истиннымЪ, всѢ довольны, и обязаны онымЪ Генрику Стефану. ВЪ прочихЪ изданіяхЪ находится: ποθέει δὲ πολὺ πλέονα μεγάλαν ἅλα. И кажется, ПовтЪ написалЪ слѢдующую мысль: Τὰν φρένα τὰν δειλὰν ἐρεθίζομαι (οὐ ἔτι Μοῖσα ἐστὶ φίλα), ποθέει δὲ πολὺ πλέον ἅδε γαλά-

ναν desiderat vero illa (nempe ἁ φρὴν ἁ δειλὰ) multo magis mitem undarum tranquillitatem. *Фалькен.*

4) Ἀλλ᾽ ὅταν ἀχήσῃ — — Κύματα (μακρὰ μενῇ) можетЪ быть не много есть описаній бури, столь короткихЪ и сильныхЪ. ТакЪ ГомерЪ Иліад. К. IV. ст. 422. и слѢд.

Ὡς δ᾽ ὅτ᾽ ἐν αἰγιαλῷ πολυηχέϊ κῦμα θαλάσσης
Ὄρνυτ᾽ ἐπασσύτερον, ζεφύρου ὑποκινήσαντος,
Πόντῳ μὲν τὰ πρῶτα κορύσσεται, αὐτὰρ ἔπειτα
Χέρσῳ ῥηγνύμενον μεγάλα βρέμει, ἀμφὶ δέ τ᾽ ἄκρας
Κυρτὸν ἐὸν κορυφοῦται, ἀποπτύει δ᾽ ἁλὸς ἄχνην. т. е.

Ut quando in littore fonoro fluctus maris
Concitatur confeftim, Zephiro commovente;
In alto primum quidem attollitur, fed poftea
Terrae allifus, vehementer fremit, et circa promontoria
Tumidus faftigiatur, et expuit maris fpumam.

ТакЪ Виргилій (вЪ III. Георг. ст. 237) описываетЪ бурю; и гармоніею стиховЪ не уступаетЪ Гомеру:

Fluctus ut in medio coepit quum albefcere Ponto.
Longius, ex altoque sinum trahit; utque volutus
Ad terras immane fonat per faxa, nec ipfo
Monte minor procumbit; at ima exaestuat unda
Vorticibus, nigramque alte fubjectat arenam.

5) Κύματα (μακρά) слово μακρὰ прибавилЪ первый Вулканій, потому что здѢсь не доставало мѢры, и всѢ послѢдовавшіе лучшіе издатели оное приняли; я удержалЪ его также вмѢстѢ

съ Фалькенаріемъ и Брункомъ. При семъ можно вспомнить еще одно мѣсто изъ Гомера Иліад. К. II. ст. 144.

Κινήθη δ' ἀγορὴ, ὡς κύματα μακρὰ Θαλάσσης
Πόντυ Ἰκαρίοιο, — — — то есть:

Подвиглось сонмище какъ бурны волны водъ
Въ Икаровой пучинѣ. — — — —

7) Γᾶ δέ μοι ἀσπαστὰ τ. δ. ὄσκιος. Такъ, слѣдуя лучшимъ рукописямъ, принялъ Гроцій и новѣйшіе издатели; — а въ прочихъ изданіяхъ находится Τᾶ δὲ μοι ἁ πιστὰ τ. δ. εὔσκιος. —

8) Ἁ πίτυς ᾄδει) выраженіе смѣлое и Піитическое. Такъ Ѳеокритъ Идиллія I, ст. 1.

Ἁδύ τι τὸ ψιθύρισμα, καὶ ἁ πίτυς, αἰπόλε, τήνα
Ἁ ποτὶ ταῖς παγαῖσι μελίσδεται т. е.
Dulcem susurrum et pinus illa, o caprarie,
Juxta fontes canit
Maenalus argutumque nemus pinosque loquentes
Semper habet. — Virgil. Eccl. VIII, ст. 22.
Nam cythorio in jugo
Loquente saepe sibilum edidit coma - *Catull.*
— — — Totumque canora
Voce nemur loquitur — Manil (III, 655.)

9) Ἦ κακὸν ὁ γριπεὺς ζώει βίον). Плиній (К. IX. Гл. 14. говоритъ, что море ужаснѣе всѣхъ стихій, *quibus pretia capientium periculo fiunt.* Слова Мосховы относятся не къ однимъ рыбакамъ, но ко всѣмъ мореплавателямъ. Подобное мѣсто можно видѣть въ Ѳеокритѣ. Ид. XXI, 35.

11) Αὐτὰρ ἐμοὶ γλυκὺς — ἦχον ἀκούειν). Такъ говоритъ Лукреций., Кн. IV, ст. 30.

Propter aquae rivum sub ramis arboris altae.

Горацій и Виргилій повсюду разсыпали похвалы сельской жизни, и вездѣ съ желаніемъ душевнымъ воспоминали о тишинѣ и безпечности деревенской. Такъ Калпурній, въ Экл. IV. ст. I. говоритъ:

Quid tacitus, Coridon vultuque subinde minaci,
Quidue sub hac Platano, quam garrulus adstrepit humor,
Infesta statione sedes? juvat humida forsan
Ripa? levatque diem vicini spiritus amnis?

Вѣтвистые вязы, по причинѣ широкихъ листьевъ и прохладной тѣни, весьма любимы были древними; объ нихъ часто упоминаютъ Греческіе и Римскіе Поэты, особенно Гомеръ. Горацій К. II. Од. 11. ст. 13. и слѣд. говоритъ:

Cur non sub alta vel platano, vel hac
Pinu jacentes sic temere, et rosa
Canos odorati capillos,
Dum licet, Assyriaque nardo
Potamus uncti?

13) Ἁ τέρπει) Въ изданіи Урсина τέρπον. Въ рукописи Медицейской и во всѣхъ обыкновенныхъ изданіяхъ τέρπει, которое и я принялъ вмѣсто съ Фалкенаріемъ и Гарлесомъ. — Здѣсь кста-

ни сказать, что тишина и уединеніе всегда были предметомъ желанія любимцевъ Музъ, и людей, наскучившихъ городскою суетою, которая весьма подобна морю, описываемому нашимъ Поэтомъ и о которомъ К. И. М. Долгоруковъ говоритъ:

Терпи свое тихонько горе,
И знай, что наша жизнь была,
И будетъ впредь такое море,
Въ которомъ гадовъ нѣсть числа.

ИДИЛЛІЯ VI.

Своенравіе любви.

Ἤρα Πὰν Ἀχῶς τᾶς γείτονος, ἤρατο δ' Ἀχὼ
Σκιρτητᾶ Σατύρω, Σάτυρος δ' ἐπεμαίνετο Λύδᾳ·
Ὡς Ἀχὼ τὸν Πᾶνα, τόσον Σάτυρος φλέγεν Ἀχὼ,
Καὶ Λύδα Σατυρίσκον· ἔρως δ' ἐσμύχετ' ἀμοιβᾷ·
Ὅσσον γὰρ τήνων τὶς ἐμίσεε τὸν φιλέοντα,
Τόσσον ὁμῶς φιλέων ἐχθαίρετο, πάσχε δ' ἄποινα.
Ταῦτα λέγω πᾶσιν τὰ διδάγματα τοῖς ἀνεράστοις,
Στέργετε τοὺς φιλέοντας, ἵν', ἢν φιλέητε, φιλῆσθε.

Нѣчто
О шестой Идилліи.

Мосхъ, въ сихъ немногихъ стихахъ, желалъ показать причуды любви, или своенравіе Эрота, который по словамъ Флакка: (*animos sub juga ahaenea saevo mittit cum joco*) *съ злобною шуткою налагаетъ на сердца сугубныя цѣли.*„ Поэтъ нашъ описываетъ въ томъ же духѣ, того же самаго Эрота, о которомъ говоритъ сама Киприда, въ первой его Идилліи (δόλιον βρέφος, ἄγρια παίσδει):

Опасенъ въ рѣзвости и, въ играхъ вѣроломенъ.

Вся мысль заключается въ слѣдующемъ: „Панъ влюбился въ нимфу *Эхо*; Эхо горѣла любовію къ Сатиру; а Сатиръ таялъ страстію къ Лидѣ: всѣ они были влюблены и нещастны, искали удаляющихся и удалялись отъ любящихъ.„ — Наконецъ заключаетъ урокомъ для любовниковъ, (если они способны принимать уроки):

Любите любящихъ, не будьте прихотливы;
Тогда останетесь любимы и счастливы.

Сіи восемь стиховъ находятся въ Floril. Стобеевомъ Изд. Геснера стр. 389. Гроція 247. въ пер-

вомъ изданіи Тринкавеллія и въ Лейденской рукописи, съ надписью: ἐκ τῶν Μόσχου τοῦ Σικελοῦ βουκολικῶν. Φιλικ.

* * *

1) Въ Стобеевомъ изданіи, надъ сею Идилліею, вмѣсто содержанія, находится слѣдующій Θеокритовъ стихъ. Ид. VI, ст. 17.

Καὶ φεύγει τὸν φιλέοντα, καὶ οὐ φιλέοντα διώκει.

Горацій, кажется, подражаетъ Мосху въ Кн. I. Од. 33:

Insignem tenui fronde Lycorida
Cyri torret amor: Cyrus in asperam
Declinat Pholoen: sed prius Appulis
Jungentur capreae lupis,
Quam turpi pholoe peccet adultero.
Sic visum Veneri: cui placet impares
Formas, atque animos sub juga ahaenea
Saevo mittere cum joco.

Мосхъ, по моему мнѣнію, не столько силенъ и быстръ въ описаніи, сколько Горацій; но за то благоприличнѣе и простѣе.

2) Σκιρτητᾶ Σατύρω) *прыгать, скакать и веселиться*, есть свойство Сатировъ — это самое названіе даетъ симъ полубогамъ Виргилій, Экл. V. ст. 73.

Saltantes Satyros imitabitur Alphesiboeus.

Глаголъ ἐπιμαίνεσθαι, означаетъ чрезмѣрную и безразсудную любовь къ чему нибудь, онъ происходитъ отъ μαίνομαι и μανία — (folie).

4) Ἔρως δ᾽ ἰσμύχετ᾽ ἀμοιβᾷ весьма забавно думаетъ Вулканій, утверждая, что сей стихъ разумѣть должно: *amor vero mutua reciprocatione magis accendebatur*. Между тѣмъ, какъ содержаніе всей піэсы, показываетъ противное; между тѣмъ, какъ Мосхъ говоритъ о своенравіи любви, рѣдко отвѣтствующей на любовь. Здѣсь мысль Вулканія совершенно несправедлива.

6) Πάσχε δ᾽ ἄποινα) я принялъ потому, что это чтеніе ближе къ самой мысли — Гарлесъ: *πάσχε δ᾽ ἃ ποίει* нѣсколько искуственнѣе: *каждый чувствовалъ такое мученіе, какое заставлялъ чувствовать другаго, мученіе быть презрѣну.* Въ первомъ случаѣ: *каждый самъ страдалъ столько, сколько отъ него страдалъ другой.*

8) Φιλίσθε. Подобную мысль можно видѣть у Θеокрита Идилл. XXIII. ст. послѣдній:

Στέργετε δ᾽ ὔμμες αἴτας: ὁ γὰρ Θεὸς οἶδε δικάζειν.
Vos vero diligite amantes: deus enim novit judicare.

Тотъ же самый въ Ид. XII. ст. 15.

— — — — ἦ ῥα τότ᾽ ἦσαν
Χρύσειοι πάλαι ἄνδρες, ὅτ᾽ ἀντιφίλισε φιληθείς.
— — — — Aurei olim viri, cum redamabat amatus.

Біонъ въ X Идилліи ст. 1, гдѣ можно видѣть и замѣчаніе.

Ὄλβιοι οἱ φιλεόντες, ἐπὴν ἴσον ἀντεράωνται.
Блаженъ кто самъ любя, равно любимъ взаимно.

ИДИЛЛIЯ VII.

Ἀλφειὸς μετὰ Πῖσαν ἐπὴν κατὰ πόντον ὁδεύῃ,
Ἔρχεται εἰς Ἀρέθοισαν ἄγων κοτινηφόρον ὕδωρ,
Ἔδνα φέρων, καλὰ φύλλα καὶ ἄνθεα, καὶ κόνιν ἱράν·
Καὶ βαθὺς ἐμβαίνει τοῖς κύμασι· τὰν δὲ θάλασσαν
Νέρθεν ὑποτροχάει; κοὐ μίγνυται ὕδασιν ὕδωρ.
Ἁ δ᾽ οὐκ οἶδε θάλασσα διερχομένου ποταμοῖο.
Κῶρος δεινοθέτας, κακομάχανος, αἰνὰ διδάσκων,
Καὶ ποταμὸν διὰ φίλτρον Ἔρως ἐδίδαξε κολυμβῆν.

Нѣчто
О седьмой Идиллiи.

Алфей, рѣка на Пелопонесѣ, въ Элидѣ. Павзаній въ V книгѣ говоритъ; будто сія рѣка, упадая въ подземной ходъ, протекаетъ подъ моремъ, и выходитъ въ Сициліи подъ именемъ *Аретузы*. Сія баснь изобрѣтена Поэтами: они говорятъ, что Аретуза была Нимфа Діяны; Алфей увидѣлъ ее, влюбился и хотѣлъ настигнуть; но Діяна изъ жалости превратила ее въ источникъ, который, убѣгая водъ Алфеевыхъ, тайными подземными путями уходитъ въ Сицилію и тамъ въ Ортигіи, близь Сиракузъ, вытекаетъ обильными струями Алфей, преслѣдуя Нимфу любви своей, протекаетъ также въ Сицилію. Ов. прев. К. V. баснь 7.

— — Alpheum fama eft huc Elidis amnem
Occultas egiffe vias fubter mare, qui nunc
Ore, Arethufa, tuo siculis confunditur undis.

Баснью любви Аретузы и Алфея, по словамъ Банье, основана на *недоразумѣніи* языка первыхъ жителей Сицильскихъ. Финикійцы, заведшіе тамъ усадьбу, увидѣли что сей источникъ окруженъ ивами и

назвали *Alphaga*, *рѣка ивъ*. Другіе дали имя *Arith*, *источникъ*. Греки, пришедшіе туда чрезъ нѣсколько вѣковъ, не разумѣли значенія словъ сихъ, и, вспомнивъ свою рѣку Алфея, протекающую въ Элидѣ, вообразили, что, поелику *Аретъ* и *Аретуза* (*рѣка* и *источникъ*) имѣютъ одно имя, то должно, чтобы *Алфей* чрезъ море протекъ въ Сицилію. Сія мысль показалась ихъ воображенію пріятною, и они сочинили повѣсти о любви бога рѣки съ Нимфою Аретузою. Всѣ почти древніе историки были обмануты сею баснью, потому что увѣряютъ, будто Алфей проходитъ чрезъ море въ Сицилію, и тамъ протекаетъ подлѣ источника Аретузы. Самъ оракулъ Дельфійскій, повелѣвая Архіасу весть усадьбу Коринѳянъ въ Сиракузы, говоритъ сими словами: *ступай на тотъ островъ, гдѣ рѣка Алфей сливаетъ воды свои съ прекрасною Аретузою.* Павзаній, почитая баснію любовь Алфея и Аретузы, не можетъ не вѣрить столь важному оракулу, и хотя самъ не постигаетъ, какимъ образомъ Алфей течетъ чрезъ море, однакожъ отрицать не смѣетъ.

* * *

1) Въ Овидіѣ Кн. V. баснь 7. сія рѣка разсказываетъ свою исторію:

Pisa mihi patria est: et ab Elide ducimus ortum
Sicaniam peregrina colo: — —
Mota loco cur sim, tantique per aequoris undas
Advehar Ortygiam, veniet narratibus hora
Tempestiva meis: — — — —
— — — — Mihi pervia tellus
Praebet iter, subterque imas ablata cavernas
Hic caput attollo, desuetaque sidera cerno.

Арешуза заключаетъ баснь превращенія своего сими словами:

In laticem mutor. Sed enim cognoscit amatas
Amnis aquas, positoque viri, quod sumserat, ore
Vertitur in proprias, ut se mihi misceat, undas.
Delia rumpit humum: coecis ego mersa cavernis
Advehor Ortygiam: quae me cognomine divae
Grata meae superas eluxit prima sub oras.

2) Κοτινοφόρον ὕδωρ) Двояко разумѣть можно, или: *волны, по берегамъ коихъ зеленѣли ивы*; или: *волны, несущія на себѣ (ивы) вѣтьви ивъ.* Послѣднюю мысль подтверждаетъ слѣдующій стихъ; ибо въ томъ же смыслѣ говоритъ Поэтъ: *волны, несущія вѣтьви, цвѣты и прахъ священный*; священный потому, что на берегахъ Алфея происходили Олимпійскія игры въ честь Зевесу, и Герои-побѣдители имъ украшались и осыпаемы были вѣтьвями и цвѣтами — *Лонголетр. и Вулканій.*

4) Τὰν δὲ θάλασσαν, такъ въ Фалькен. и другихъ лучшихъ изданіяхъ, въ нѣкоторыхъ τὲ, а въ иныхъ даже καὶ, хотя нѣтъ мѣры.

5) Κ'ȣ μίγνυται ὕδασιν ὕδωρ). Такъ говоритъ Виргилій въ Экл. X. ст. 4. къ Арешузѣ:

Sic tibi cum fluctus subterlabere sicanos,
Doris amara suas non intermisceat undas.

Подобную баснь о рѣкѣ Титарезіи, вливающейся въ Пеней, разсказываетъ Гомеръ К. II. 753:

Οὐδ' ὅγε Πηνειῷ συμμίσγεται ἀργυροδίνῃ,
Ἀλλά τέ μιν καθύπερθεν ἐπιῤῥέει, ἠΰτ' ἔλαιον
Non ille Peneo commiscetur argenteos vortices habenti
Sed ipsum in summum supernatat, velut oleum.

7) Κάρος) Пальмерій утверждаетъ, что *κάρος* здѣсь употреблено вмѣсто *κῶρε*; но тогда бы должно сказать *ἐδίδαξας*, а не *ἐδίδαξε*, чтобы во всей мысли сохранить одно лице.

8) Κολυμβῆν) въ Гарлесѣ *κολυμβᾶν*, ближе къ Доризму — сіе слово можетъ быть принято въ двухъ значеніяхъ: *плавать* и подъ водою идти, *нырять*. Послѣднее значеніе конечно вѣрнѣе, если принять баснь, что Алфей подземнымъ ходомъ протекаетъ въ Сицилію.

Чего не совершитъ коварный Купидонъ,
И рѣки чтутъ его законъ!

ЭПИГРАММА.

Пашущій Эротъ.

Λαμπάδα θεὶς καὶ τόξα, βοηλάτιν εἵλετο ῥάβδον
Οὖλος Ἔρως, πήρην δ' εἶχε κατωμαδίην·
Καὶ ζεύξας ταλαεργὸν ὑπὸ ζυγὸν αὐχένα ταύρων,
Ἔσπειρεν Δηοῦς αὔλακα πυροφόρον.
Εἶπε δ' ἄνω βλέψας αὐτῷ Διΐ, πλῆσον ἀρούρας,
Μή σε τὸν Εὐρώπης βοῦν ὑπ' ἄροτρα βάλω.

Нѣчто

объ эпиграммѣ.

Многіе издатели называютъ и сію малость Идилліею; но она собственно есть эпиграмма въ томъ смыслѣ, какъ мы разумѣемъ сіе сочиненіе — мысль острая, щастливо выраженная Поэтомъ. Сія острота не въ духѣ нашихъ стихотворцевъ; но она должна была нравиться Грекамъ, которые по многимъ причинамъ любили Эрота, и подшинкомъ смѣялись надъ своимъ Зевесомъ. Сынъ Киприды ни чѣмъ столько не могъ упрекнуть Зевеса, какъ напомнивъ ему о такомъ происшествіи, которымъ отецъ боговъ изволилъ посрамить себя по его милости; и притомъ онъ не только напоминаетъ, но еще угрожаетъ:

Не то — телецъ Европинъ сильный —
Я и тебя подъ плугъ.

Пашущій Амуръ изображенъ на многихъ рѣзныхъ камняхъ и виньетахъ: по первому должно думать, что эта эпиграмма нравилась древнимъ; а послѣднее доказываетъ, что она не противна и вкусу новѣйшихъ. Читателямъ безъ сомнѣнія встрѣчались подобныя изображенія. Намъ остается только замѣтить:

* * *

1) Вѣ первомѣ стихѣ: *βοηλάτην εἵλετο ῥάβδον*, *взялѣ бичь тельцо-гонящій*; вѣ нѣкотрыхѣ изданіяхѣ *βοηλάτην ἕλε ῥάβδον*. И неправильно и сѣ нарушеніемѣ мѣры стиха. Такѣ Гомерѣ употребляетѣ сіе выраженіе Иліяд. 24, 345.

Εἵλετο δὲ ῥάβδον, τῇ τ᾽ ἀνδρῶν ὄμματα θέλγει.

2) Οὖλος Ἔρως) Мосхѣ ссылается почти на тѣ же свойства, какія приписалѣ Эроту вѣ первой своей Идилліи *εὐπλόκαμον τὸ κάρηνον*: *ὄλος* собственно значитѣ погибельный отѣ *ὄλλυμι*, *погубляю*.)

4) Δηοῦς ἄυλακα) Δηὼ старинное названіе *Цереры*, изобрѣтательницы хлѣбопашества; но по различію временѣ, нѣкоторыя страны приписываютѣ сіе изобрѣтеніе *Триптолему*. О семѣ можно подробнѣе видѣть вѣ Каллимаховомѣ гимнѣ Церерѣ.

5) Πλῆσον ἀρούρας); а вѣ нѣкоторыхѣ изданіяхѣ *πρῆσον* — отѣ сихѣ двухѣ глаголовѣ, двѣ разныя мысли: *πρήθω*, значитѣ сожигаю, *combure arva* — то есть: какѣ будто бы теплотою солнца приведи вѣ зрѣлость посѣвѣ; но это долгѣ Аполлона, а не Зевеса, и притомѣ мысль очень далекая; но *πλῆσον ἀρούρας* (отѣ глагола *πλήθω* *наполняю*) значитѣ: умножь плоды вѣ посѣвѣ моемѣ, наполни плодами мою ниву — мысль, кажется, и ближе и естественнѣе, по тому я и принялѣ оную вѣ текстѣ вмѣстѣ сѣ лучшими издателями. — Есть еще на Греческомѣ одна подобная эпиграмма. (Видно Греки сѣ удовольствіемѣ принимали насмѣшки на счетѣ своего Зевеса.)

Ὁ Ζεὺς πρὸς τὸν Ἔρωτα, βέλη τὰ σὰ πάντ᾽ ἀφελοῦμαι,
Χ᾽ ὠ πτανός, βρόντα, καὶ πάλι κύκνος ἔσῃ. т. е.

Однажды Дій сказалѣ Эроту:
„Сей часѣ хочу твой лукѣ отнять —
— Лишь тронь, коль чувствуешь охоту;
То будешь лебедемѣ опять.

Санназарій подражалѣ сей эпиграммѣ, разпространилѣ ее и украсилѣ.

De Veneris nato quaesta est Dictynna tonanti,
Quod nimis ille puer promtus ad arma foret.
Tum pater accito ostendens grave fulmen amori,
Hoc tibi, saeve puer, spicula franget, ait.
Cui lascivus Amor motis haec reddidit alis,
Quid, si iterum posito fulmine cycnus eris.

Кажется, Тибуллѣ едва ли не имѣлѣ вѣ виду сей эпиграммы, когда, сѣтуя вѣ разлукѣ по милой, говоритѣ:

Ipsa Venus laetos jam nunc migravit in agros,
Verbaque aratoris rustica discit amor.

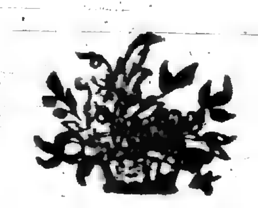
Вотѣ все, что издатель намѣренѣ былѣ сказать вѣ замѣчаніяхѣ на Идилліи Мосха. Ему осталось только изъявить благодарность тѣмѣ ученѣйшимѣ мужамѣ, кои содѣйствовали вѣ трудахѣ его, особенно Г. *Маттею* и Г. *Буле*, мужамѣ, заслужившимѣ уваженіе Европы, и любовь питомцевѣ. — Остались еще два желанія: первое, чтобы Рускіе любимцы Музѣ обратили вниманіе на словесность Грековѣ, необходимую, кажется, для образованія нашего отечественнаго языка и, если можно, со-

единяли бы ученость со вкусомъ, а второе . . . нѣсколько не скромное, пусть останется моею тайною.

Пусть гласъ Дорической свирѣли
И пѣснь Сицильскихъ пастуховъ,
Какъ шумъ ручья, сквозь мрачны ели
Прольется въ сумракѣ вѣковъ.
Какъ сладко вѣтерочикъ дышетъ
Зарей по рощамъ и лугамъ!
Какъ нѣжно вѣточки колышетъ!
Но гласъ пѣвцовъ милѣе намъ,
Когда изъ мрака отдаленья
Орфей Дориды, звукомъ пѣнья
Плѣнявшій Нимфъ Сицильскихъ слухъ,
Плѣнитъ и Россиянъ Грацій духъ.

Конецъ

Твореній Моска.

ТВОРЕНІЯ

БІОНА.

Прими и отъ меня дары Авзонской Музы.

Мосхъ.

СМЕРТЬ АДОНИСА.

Гдѣ ты, Адонисъ, гдѣ ты несчастный?
Лейтеся слезы ручьемъ,
Плачьте Эроты по немъ:
Умеръ Адонисъ, умеръ прекрасный!

Прерви, злосчастная Киприда, сладкой сонъ,
Терзай пурпурныя одежды;
Возстань на горе, вопль и стонъ,
Рази прелестну грудь и сѣтуй безъ надежды.
Свершилось! твой удѣлъ стенанія одни,
Ужь нѣтъ прекраснаго, Адонисъ кончилъ дни!
Лейтеся слезы рѣкою,
Плачьте Эроты со мною!
Возлегъ прекраснѣйшій на холмѣ средь цвѣтовъ;
Какъ тяжко онъ въ бедро жестокимъ вепремъ раненъ!
Прелестный бездыханенъ,
Струится розовая кровь,

И члены бѣлые рисуетъ алымъ токомъ;
Эроты сѣтуютъ въ уныніи глубокомъ.
Потухъ въ очахъ блиставшій свѣтъ,
Померкъ въ ланитахъ розы цвѣтъ,
И розы устъ его и поцѣлуи мертвы,
Киприда страстная, припавъ къ остатку жертвы,
Лобзаетъ на устахъ единый блѣдный хладъ,
И хладный поцѣлуй чтетъ выше всѣхъ отрадъ,
Но чувства юноши (увы!) не узнавали,
Какъ пламенно его Амуры цѣловали.
Лейтеся слезы ручьемъ,
Плачьте Эроты по немъ!
Жестоко уязвленъ Адонисъ сердцу милой;
Но чѣмъ Кипридѣ онъ милѣй,
Тѣмъ боль сердечная ужаснѣе для ней,
И ясный солнца свѣтъ ей кажется могилой.
Вокругъ Адониса, скитаяся толпой,
Любимы псы его подъемлютъ жалкой вой.
Стенаютъ Граціи, томятся Ореады
И Нимфы дальнихъ горъ,
И чистыхъ водъ Наяды
Льютъ слезы безъ отрады.
Киприда, устремивъ недвижно мрачный взоръ,
Съ отчаяннымъ лицемъ, съ віющимись власами,
Безъ обуви между лѣсами,
Одна скитаяся, язвитъ стопы о тернъ,
И кровь эѳирная кропитъ зеленый дернъ.

Рыдая и вопя среди долинъ широкихъ,
Супруга милаго, Адониса, зоветъ;
Но кровь изъ ранъ его глубокихъ
Ручьемъ кипящимъ бьетъ.
Увы! на персяхъ нѣжныхъ,
На мѣсто лилій снѣжныхъ,
Сверкаетъ розы цвѣтъ.
Горе Кипридѣ, горе несчастной!
Плачьте эроты, плачьте съ прекрасной!
Лишилась милаго, изчезла и краса,
Киприда красотой божественной сіяла;
Но въ тяжкой горести краса ея увяла.
Померкли горы и лѣса;
И рощи тихія наполнилися стенаньемъ,
И рѣки потекли съ шумящимъ волнованьемъ,
Потухъ и свѣтъ небесъ;
Ручьи на мѣсто водъ ліютъ потоки слезъ;
Цвѣты отъ горести курятся воздыханьемъ;
Киприда сѣтуетъ и стоны вторитъ лѣсъ.
Горе Кипридѣ, горе несчастной!
Умеръ Адонисъ, умеръ прекрасной!
И эхо томное горамъ передаетъ:
Увы прекрасной!
Но кто, кто слезъ ручьемъ обильнымъ не прольетъ
Съ богиней горе-страстной?
Когда почувствовалъ, когда узналъ въ ней духъ,
Что въ Оркъ идетъ супругъ,

Что язвой тяжкою безъ мѣры
Вся кровь исторглась вдругъ,
И рану облегла вокругъ;
Тлетворная печаль убила духъ Венеры!
Объятія простря съ отчаяньемъ, съ тоской
Сраженная зоветъ: постой,
Постой, Адонисъ бѣдный!
Дай съединиться мнѣ, и милаго обнять,
Уста къ устамъ прижать,
И цѣловать въ послѣдній — —
О мой возлюбленный! съ одра приподнимись;
Еще, въ послѣдній разъ, ко персямъ преклонись,
И устъ моихъ коснись,
Пока твой поцѣлуй алѣетъ:
Твое дыханіе въ уста мои и въ грудь
Найдетъ вѣрнѣйшій путь
И хладъ въ душѣ согрѣетъ.
Я съ пламенемъ вдохну палящую любовь;
Всю душу упою, воспламеню всю кровь;
Прощусь со щастіемъ и радостью моею,
И въ сердцѣ поцѣлуй на вѣкъ запечатлѣю:
Но ты бѣжишь меня, ты оставляешь свѣтъ;
Далеко ты бѣжишь въ подземныя пустыни,
Къ свирѣпому царю всѣхъ бѣдъ;
А я живу, томлюсь величествомъ богини,
И не могу идти во слѣдъ.

Прими Адониса, царица нощи вѣчной!
Твоя сильнѣе власть,
Все должно милое къ стопамъ твоимъ упасть;
А я терзаюся тоскою безконечной
И твой кляну подземной тронъ.
Прости, дражайшій мой! вся радость отлетѣла.
Любовь моя, увы, былъ сонъ!
Киприда безъ тебя на вѣкъ осиротѣла,
Амуры сѣтуютъ безъ дѣла,
И вкругъ меня ихъ слышенъ стонъ. — —
Увы! безъ милаго и въ небѣ нѣтъ блаженства?
Почтожъ звѣрей въ лѣсахъ искалъ,
Почто съ звѣрями въ бой вступалъ,
Когда ты красотой былъ образъ совершенства?
Такъ сѣтуетъ любовь, томимая тоской:
Эроты слезы льютъ рѣкой.

Горе Кипридѣ, горе несчастной!
Умеръ Адонисъ, умеръ прекрасной!

И кровь Адониса и слезы красоты
Судьбой превращены въ душистые цвѣты:
Заутра, падши слёзы
Родили анемонъ,
Изъ крови Купидонъ
Составилъ пышность розы.

Лейтеся слезы ручьемъ,
Плачутъ Эроты по немъ!

Не сѣтуй машь любви о томъ, кто всѣхъ дороже;
Высоко и красно Адонисово ложе:
Въ твоемъ, въ твоемъ одрѣ твой милой возлежитъ,
Хотя безъ чувствъ, безгласенъ,
Но все еще прекрасенъ;
Прекрасенъ твой супругъ, и мертвой, мнится, спитъ.
Ты возложи его въ томъ нѣжномъ одѣяньѣ,
Какъ въ ложѣ онъ златомъ,
Покоясь тихимъ сномъ,
Дѣлилъ съ богинею небесныхъ достоянье;
Люби Адониса и въ мрачномъ состояньѣ,
Нарви прелестному ясминовъ и лилей,
Печальные вѣнки въ слезахъ супругу вей,
И возложи ему на ложѣ злато-тканномъ;
Увяли всѣ цвѣты въ лугу благоуханномъ.
Осыпли миртами и пурпуромъ покрой,
И мастикъ, ароматы чисты
И запахъ розъ душистый
Разлей печальною рукой,
Вѣщай: погибло все, изчезло все съ тобой!
Почилъ прекраснѣйшій въ одеждѣ пурпуровой,
И вкругъ Эротовъ сонмъ въ слезахъ, въ тоскѣ суровой
Малютки, распустя власы,
Со вздохами и тяжкимъ крикомъ,
Толпятся въ сонмѣ Нимфъ великомъ:
Кто въ лугъ летитъ собрать росы,

Кто стрѣлы и колчанъ ломаетъ,
Иной, напрягши силы рукъ,
Напрасно силится сломить въ досадѣ лукъ,
Тотъ обувь, тотъ покровъ съ Адониса снимаетъ,
И всѣмъ печальный недосугъ.
Иной, собравъ въ пузырикъ чистой
Жемчужинки росы душистой,
Торопится оставить лугъ,
Спѣша къ Адонису въ полетѣ легкомъ, смѣломъ;
Другіе моютъ кровь, являя тьмы услугъ,
Иные, чтобъ заняться дѣломъ,
Лишь воздухъ освѣжаютъ вкругъ,
Колебля крылушки надъ тѣломъ.
Лейтеся слезы ручьемъ,
Плачутъ Эроты по немъ.

Унылый Гименей, рыдая и жалѣя,
Свой пламень потушилъ,
И миртовой вѣнокъ на части разрѣшилъ;
Увы нѣтъ власти Гименея!
Нѣтъ брачныя молвы!
Нѣтъ пѣсней радостныхъ! повсюду стонъ: *увы!*
Увы прекраснѣйшій! и Граціи несчастны
О сынѣ Кинира стеная, межъ собой
Вѣщаютъ: нѣтъ тебя прекрасный!
Ужъ нѣтъ Адониса! и слезы льютъ рѣкой.
Вездѣ уныніе, въ долинахъ вопль и стоны,
И тяжкая печаль терзаетъ духъ Діоны.

Лониды по немъ ручьями слезы льютъ,
Сраженныя драгой Адониса утратой,
Вѣнки изъ кипарисовъ вьютъ,
И къ жизни милаго зовутъ;
Но онъ не внемлетъ имъ, безчувствiемъ объятой,
Онъ въ тартарѣ заключенъ безжалостной Гекатой.
Престань же слезы лить богиня красоты,
Въ стенанiи уныломъ:
Воскреснетъ счастiе и вновь взойдутъ цвѣты,
Весеннимъ оживясь свѣтиломъ;
Ты вспомнишь радости и счастiя мечты
И вновь возсѣтуешь о миломъ.

МАЛЬЧИКЪ ПТИЦЕЛОВЪ.

Однажды, въ рощицѣ пустынной,
Малютка птицеловъ,
Узрѣвъ межъ чащею листовъ,
Эрота быстраго на вѣтьви розмаринной,
Спѣшитъ ловить его своею сѣтью длинной,
И весь отъ радости дрожитъ:
Добыча, кажется, малюткѣ пребольшая;
Онъ сѣти и силки расправить поспѣшая,
Минутой дорожитъ
И глазъ съ него не сводитъ:
Эротъ то вверхъ, то внизъ, то далѣ прочь летитъ,
И мальчикъ птицеловъ въ отчаянье приходитъ,
Онъ, кинувъ сѣть, бѣжитъ
Къ тому, кто сообщилъ невинному искуство.
И вмигъ все разсказалъ,
Привелъ и птицу показалъ,
И вмѣстѣ показалъ неопытное чувство:
Старикъ съ улыбкою, качая головой,
Робенку говоритъ, какъ сыну:
Бѣда съ добычей таковой!
Ты ловишь милой мой, всѣхъ бѣдъ себѣ причину.

О какъ бы ты споноенъ былъ,
Когдабъ птенца сего во вѣкъ не уловилъ!
Оставь же милой мой охоту,
Брось сѣти и силки въ траву:
Какъ скоро выростешь, полюбишься Эроту;
Тогда онъ самъ тебѣ возсядетъ на главу.

УЧЕНИКЪ-УЧИТЕЛЬ.

Киприда, въ мракѣ ночи,
Явилась предо мной,
Ведя сынка рукой,
И, внизъ склонивши очи,
Сказала: милой мой!
Возьми дитя въ науку,
И, давъ въ знакъ дружбы руку,
Въ дыханьѣ вѣтерка,
Оставила сынка
На долгую разлуку.
А я по простотѣ,
Въ угодность красотѣ,
Взялъ новую заботу;
И сталъ твердить Эроту:
Внемли, какъ лиры тонъ
Открылъ намъ Аполлонъ,
И пѣть возжегъ охоту;
Какъ Лютнѣ Герміонъ,
Вдохнувъ печальный стонъ,
Далъ жизнь и душу первый;
Какъ флейты нѣжный гласъ,
Достигъ съ высотъ до насъ,
Изъ устъ благой Минервы;

Внемли, какъ богъ лѣсовъ,
Въ тѣни кудрявой ели,
Изъ утлыхъ тростниковъ
Извлекъ намъ гласъ свирѣли.
Я пѣлъ — Эротъ дремалъ
Умолкъ, — онъ самъ пѣть сталъ:
Какъ тихій шумъ зефира,
Лилась пріятность словъ:
Онъ пѣлъ царицу міра,
Всесильную любовь
Всѣхъ смертныхъ и боговъ;
Пѣлъ подвиги Венеры
Чудесные безъ мѣры,
Мой духъ и умъ плѣнилъ.
И чтожъ? я все забылъ
Въ чемъ подавалъ примѣры
И только то твердилъ,
Чему Эротъ училъ,
И чувствовалъ охоту
Вѣкъ слѣдовать Эроту.

МУЗЫ съ ЭРОТОМЪ.

Какъ ни страшенъ сынъ Киприды,
Въ немъ Эрота Музы чтутъ,
Съ нимъ младыя Аониды
Вмѣстѣ ходятъ и поютъ.
Кто съ душею скучной, мразной
Ищетъ дружбы кроткихъ Музъ;
Тщетенъ гласъ его напрасной;
Чуждъ ему богинь союзъ.
Но когда съ душею нѣжной,
Кто поетъ, плѣня сердца;
Музы придутъ въ кровъ надежной,
И обступятъ вкругъ пѣвца.
Опытъ думать такъ заставилъ;
Самъ въ сей правдѣ убѣжденъ:
Я боговъ, Героевъ славилъ,
Но мой гласъ былъ принужденъ.
Еслижъ пѣть любовь придется,
Иль Коринны красоты;
Голосъ нѣжно, сладко льется,
Какъ Гиметскіе соты.

БЕЗПЕЧНОСТЬ.

Не знаю, но по что трудовъ приемлю узы?
Когда пріятенъ былъ мой гласъ?
Я славенъ ужъ и тѣмъ, что въ даръ принялъ отъ Музы
Въ веселый вдохновенья часъ:
А если Граціи всегда со мной въ раздорѣ,
Когда я оскорбляю слухъ,
Почтожъ слагать стихи на горе,
Тревожа пѣніемъ свой духъ.
Когдабъ отцемъ боговъ, иль Паркою угрюмой
Даны двѣ жизни были намъ:
Однубъ мы провели въ трудахъ, за тяжкой думой,
Другуюбъ отдали забавамъ и пирамъ;
Но боги, давъ намъ срокъ одинъ и быстротечной,
Еще умалили печалію нашъ вѣкъ.
Почтожъ увы заботой вѣчной
Томится бренный человѣкъ?
Доколь, съ желаніемъ несытымъ,
Спѣшитъ къ сокровищамъ сокрытымъ,
Доколь, тревожитъ слава, честь,
Когда онъ долженъ быть забытымъ
И рано отъ забавъ отцвѣсть.
Увы мы слѣдуя страстей своихъ стремленью,
Забыли, что жестокій рокъ,
Ударитъ скоро тяжкой срокъ,
И всѣхъ осудитъ насъ къ губительному тлѣнью.

ВРЕМЕНА ГОДА.

Клеодамъ и Мирсонъ.

Клеодамъ.

Что, Мирсонъ, думаешь, когдабъ ты быть хотѣлъ,
Весной, или зимой, иль осенью, иль лѣтомъ?
Какого времени всегдабъ желалъ въ удѣлъ?
Скажи, какъ думаешь объ этомъ:
Не лѣта ли, когда мы празднуемъ отъ дѣлъ,
Окончивъ всѣ работы въ полѣ?
Или ты осень любишь болѣ,
Когда и веселъ всякъ и сытъ?
Иль зиму хладную, когда иной по волѣ,
Разлегшись у огня, лишь грѣется и спитъ,
Плѣняясь нѣгою, безпечностью и лѣнью?
Иль лучше любишь быть весной, деревъ подъ тѣнью:
Скажи, какъ думаешь, мой другъ?
Теперь и молвить намъ досугъ.

Мирсонъ.

Такъ, добрый Клеодамъ! но смертнымъ невозможно
Судить Зевесовы дѣла;
Что Дій установилъ, то будетъ непреложно;
За все, за все ему хвала.

Г г

Но для тебя, сосѣдъ, не скрою въ нашей долѣ,
Какого времени хотѣлосьбы мнѣ болѣ:
Ни жару лѣтняго, ни зною не люблю;
А въ осень отъ плодовъ болѣзни я терплю;
Зимою холоду, снѣговъ и льдовъ боюся;
Одной, сосѣдушка, весною веселюся.
Отъ красныя весны я въ круглой годъ непрочь,
Весной ни хладъ, ни зной, чуть вѣтръ листы колышетъ,
Все нѣжится, цвѣтетъ и все любовью дышетъ,
Къ томужъ равны и день и ночь.

ПѢСНЬ АХИЛЛЕСУ и ДЕЙДАМІИ.

Мирсонъ и Ликидасъ.

Мирсонъ.

Воспой, Ликидасъ, мнѣ Сицильскій подвигъ нѣжный,
О прелестяхъ любви, плѣни мой пѣснью духъ;
Какъ Полифемъ, Циклопъ - пастухъ,
Склонясь во млѣ на холмъ прибрежный,
Плѣнялъ любезной Нимфы слухъ
И пѣньемъ восхищалъ младую Галатею.

Ликидасъ.

Но, Мирсонъ, чтожь воспѣть, придумать не умѣю.

Мирсонъ.

Воспомни для меня Скирійскую любовь:
Какъ юноша Ахиллъ Дейдамію украдкой
Прелестно цѣловалъ подъ ризой нощи сладкой,
Сокрывъ геройской полъ подъ дѣвственный покровъ;
И какъ Дейдамія, въ чертогахъ Ликомида,
Могла безвѣстнаго сокрыть межъ дѣвъ Пелида.

Ликидасъ.

Похитилъ нѣкогда Парисъ, младой пастухъ,
Елену красную — печаль, тоску Энонѣ (*) —
И къ Идѣ въ домъ привелъ: разнесся быстрый слухъ;
Возстала ненависть, вражда въ Лакедемонѣ;
Подвиглась Греція на месть
За нѣжную красу Елены
И всей Эллады честь:
Илидцы грозные и жители Мицены
Оставили родныя стѣны,
И всѣ несли вражду и битвы ярый гнѣвъ.
Одинъ младой Ахиллъ средь Ликомида дѣвъ,
Безвѣстный, не мечемъ владѣть учился въ брани;
Но бѣлою рукой прялъ ленъ и дѣлалъ ткани,
И сталъ, какъ дѣва самъ:
Какъ дѣва нѣженъ былъ, цвѣтъ розъ въ ланитахъ бѣлыхъ,
И поступь тихая, какъ поступь дѣвъ несмѣлыхъ,
И на главѣ уборъ приличный дѣвъ власамъ;
Но духъ въ немъ Марсовъ былъ и страсть въ груди Героя:
Отъ утренней зари и до нощныхъ свѣтилъ,
Красу — Дейдамію покоя,
Онъ не разлученъ съ нею былъ

(*) Энона, Фригійская Нимфа, прежняя любовница Париса — Овидій — V Героида, *Энона къ Парису.*

Не рѣдко цѣловалъ съ любовью руку милой,
И въ тайномъ трепетѣ не разъ,
Обнявъ, приподнималъ красу геройской силой,
И сладки слезы лилъ изъ глазъ;
И пищу съ той вкушалъ, кто всѣхъ ему дороже,
И всѣ труды ея дѣлилъ,
Спѣша на общее съ Дейдаміею ложе,
И часто въ горести любезной говорилъ:
Сестрицы милыя всѣ спятъ одна съ другою;
А я одна въ одрѣ и ты спишь въ ночь одна:
Почтожь двѣ дѣвицы, двѣ красныя, къ покою
На разные одры идемъ возлечь для сна?
Увы! жестокая, завистная стѣна,
Къ нещастію, меня дѣлитъ въ нощи съ тобою!
Но я — — — — —

(Прочее потеряно.)

КЪ ГЕСПЕРУ.

О Гесперъ тихій и прелестный!
Краса полунощи, Киприды свѣтъ любезный;
Привѣтствую тебя!
Привѣтствую твой блескъ съ вечерней тишиною;
Какъ ясенъ онъ средь звѣздъ, лишь томенъ предъ луною!
Когда она зайдетъ, яви ты мнѣ себя,
Явись и будь моимъ свѣтиломъ,
Не хищникъ я нощной, злодѣйства не терплю,
Прохожихъ тишины во тьмѣ не истреблю;
Но я — люблю.
И, въ семъ движеньи сердца миломъ,
Спѣшу къ возлюбленой моей;
О Гесперъ, тихій свѣтъ, будь другомъ мнѣ и ей!

КЪ ВЕНЕРѢ.

Богиня радостей, Киприда,
Дщерь моря и царя громовъ!
Почто ты гнѣвная съ жестокостію вида
Всѣхъ гонишь смертныхъ и боговъ?
Или оскорблено величество и сила,
Иль почестей тебѣ земля не приносила?
Почто тобой рожденъ на свѣтъ
Эротъ губительный, коварный и нескромный,
Прекраснѣйшій лицемъ, но сердцемъ вѣроломный,
Ужаснѣйшее зло, какого въ мірѣ нѣтъ?
Почто ниспосланъ окриленный,
И столь въ метаньи стрѣлъ искуствомъ ухищренный,
Что сколь бы смертный ни хотѣлъ,
Не можетъ избѣжать его жестокихъ стрѣлъ?

КТО СЧАСТЛИВЪ?

Блаженъ, кто обладалъ любовію взаимной;
Блаженъ былъ дружбою святой
Тезей, Герой гостепріимной,
Пока въ живыхъ былъ Периѳой;
Онъ съ нимъ послѣдовалъ въ предѣлы мрачны ада.
Блаженъ средь Аксеновъ холодныхъ былъ Орестъ,
Когда, въ сопутствіи Пилада,
Хранимый дружбою средь сихъ скитался мѣстъ.
Блаженъ Ахиллъ бого-подобной!
Онъ дружбою съ Патрокломъ жилъ:
Блаженъ, когда Патроклъ увялъ судьбой всезлобной,
Герой за смерть его со славою отмстилъ.

ЖЕЛАНЬЕ и ВОСТОРГЪ.

(*Изъ Анѳологіи.*)

Восторгъ, поверженный средь розъ,
Небрежно спалъ подъ тѣнью древа;
Надъ нимъ Желанье-дѣва
Лилась ручьями слезъ:
Вспорхнулъ зефиръ, сихъ мѣстъ коснулся;
Восторгъ проснулся,
И руки къ плачущей простеръ,
О счастье выше мѣръ!
Но Нимфа томно воздохнула,
Склонилась и уснула
Героя на груди.
Таинственный Восторгъ буди ее, буди — —
Не въ силахъ, говоришь, противиться злой долѣ:
Воззвать протекшее (увы!) не въ нашей волѣ.

ОТРЫВКИ
ТВОРЕНІЙ БІОНОВЫХЪ.

I.

О Гіацинтѣ.

Свершилось! Аполлонъ, ударъ судебъ познавъ,
Недвижимый отъ изумленья,
Всю силу истощаетъ травъ,
Зоветъ для помощи всѣ таинства цѣленья:
Ліетъ на рану сладкій сокъ
И бальзамъ нектара съ амврозіей мѣшаетъ,
И боль утишить поспѣшаетъ;
Но тщетно: непреклоненъ рокъ.
Увы! ни свойства травъ, ни всѣхъ цѣленій силы
Не могутъ защитить отъ грозныя могилы.

II.

О разныхъ предметахъ.

О другъ! не хорошо для всякія бездѣлки
Нуждаться въ мастерѣ и рыться далеко:
Ты сдѣлай самъ свирѣлки,
А это для тебя легко.

III.

Пускай Эротъ сзываетъ Музъ;
Пусть Музы слѣдуютъ прелестному Эроту;
Пусть Музы мнѣ вдохнутъ пріятную охоту,
Пѣть дружбы и любви союзъ:
Сей даръ ихъ кроткаго дыханья
Надежнѣй всякаго отъ скуки врачеванья.

IV.

И капля тихихъ водъ,
Какъ говорятъ, не чудомъ дивнымъ,
Своимъ паденьемъ непрерывнымъ
Пробьетъ сквозь камни ходъ.

V.

Я тихо, тихо шелъ стопою ненадежной,
И наконецъ достигъ до ската подъ горой.
Здѣсь стону въ тишинѣ, одинъ съ волной прибрежной,
Одинъ съ своей тоской;
И силюсь преклонить жестоку Галатею:
Я не разстануся съ надеждою моею,
Пока лишуся силъ и дряхлый ослабѣю.

VI.

Почтожъ одинъ я безъ наградъ!
И Аполлонъ за пѣснь и радостныя чувства
Не рѣдко награждалъ своихъ любимыхъ чадъ;
А честь возноситъ всѣ искуства.

VII.

Любезны женщины для насъ красою милой:
А мы любезны имъ могуществомъ и силой.

ОТРЫВОКЪ

КЛИТЕМНЕСТРЫ,

СОФОКЛОВОЙ ТРАГЕДІИ,

найденный и въ первый разъ на Греческомъ
изданный

ХРИСТІЯНОМЪ ФРИДЕРИКОМЪ МАТТЕЕМЪ,

Надворнымъ Совѣтникомъ, Профес. П. Ор. въ Московскомъ Университетѣ и разныхъ ученыхъ обществъ Членомъ,

1805 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТИЗИФОНА, *одна изъ фурій.*
ХОРЪ ЖИТЕЛЕЙ МИЦЕНСКИХЪ.
КЛИТЕМНЕСТРА, *супруга Агамемнонова.*
НАПЕРСНИЦА ЕЯ.
ЭГИСТЪ.
АГАМЕМНОНЪ.
КАССАНДРА.
ЭЛЕКТРА.
СТРОФІЙ.

Дѣйствіе происходитъ въ Миценѣ.

Простишь ли мнѣ, тѣнь великаго Софокла? Я осмѣлился найденный цвѣтокъ твой перенесть на Рускую землю; хотѣлъ пересадить его сколько можно бережно; но онъ вянетъ въ рукахъ моихъ. Желаніе мое было такъ сильно, что я наконецъ содѣлался виновнымъ предъ тобою. Простишь ли мнѣ, тѣнь великаго Софокла?

КЛИТЕМНЕСТРА.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прологъ.

(*Можно думать, что театръ представлялъ чертоги Агамемноновы и площадь. Мракъ предъ утромъ того дня, когда Агамемнонъ долженъ возвратиться. Является изъ ада фурія Тизифона.*)

ТИЗИФОНА (одна.)

О родъ, возставленный Танталомъ дерзновеннымъ!
Сколь много фуріямъ и всѣмъ богамъ подземнымъ
Трудовъ и тягостей ты въ свѣтѣ сотворилъ!
Сей старецъ самъ свое изчадіе убилъ;
Убилъ неистовый и бѣдствіе удвоилъ;
Созвалъ соборъ боговъ, веселый пиръ устроилъ,
И сына своего во снѣдь имъ предложилъ:
О ужасъ! онъ и адъ злодѣйствомъ устрашилъ!
Но Дій на пиршествѣ, во сонмѣ всѣхъ превѣчныхъ,
Позналъ неистовство, верхъ золъ безчеловѣчныхъ,
И сына Пелопса отъ смерти въ жизнь воззвалъ,
И намъ родителя для вѣчной казни далъ.
О какъ онъ мучится, томяся взоромъ жаднымъ!
Нѣтъ пищи, нѣтъ воды устамъ убійцы гладнымъ;

И камень падаетъ надъ робкимъ съ горнихъ мѣстъ.
Но чтожъ сыны его, Атрей и братъ Тіэстъ,
Преступнаго отца наслѣдники презрѣнны?
Они ужаснѣйшимъ злодѣйствомъ оскверненны.
Тіэстъ на братній одръ супружескій вступилъ;
Жену преступную любовью обольстилъ,
И трехъ родилъ сыновъ съ супругою Атрея:
Атрей, познавъ позоръ и, мщеньемъ пламенѣя,
Достойно слѣдовалъ Танталовымъ дѣламъ,
И чадъ Тіэстовыхъ разсѣкъ на части самъ.
О ужасъ, о позоръ! безчувственный родитель
Пріемлетъ странника въ плачевную обитель,
И, снѣдь несчастную съ позорныхъ снявъ огней,
Въ сосудахъ мѣдяныхъ съ ликующей душей,
Дѣлитъ съ пришельцемъ такъ, какъ нѣкій пиръ священный.
Тогда горящій Фебъ, симъ брашномъ пораженный,
Сдержалъ своихъ коней, оставилъ свѣтлый путь.
Онъ съ высоты не могъ на зрѣлище взглянуть,
И свѣтъ полуденный отъ зрѣнія сокрылся.
Померкли небеса; но стыдъ не прекратился.
Еще простертъ позоръ среди Миценскихъ мѣстъ:
Горя отмщеніемъ неистовый Тіэстъ,
Отъ Фебова жреца увѣдалъ въ бурѣ гнѣва,
Что если, къ ужасу Олимпа и Эрева,
Онъ дщерь несчастную любовію прельститъ,
То дщерь за стыдъ отцевъ отмстителя родитъ —
Фебъ рекъ и часъ насталъ — чудовище родитель....
Нѣтъ, не отецъ онъ былъ, но дщери обольститель!

О ужасъ! онъ извелъ Эгиста наконецъ.
Се нынѣ мститъ Эгистъ, какъ мстить желалъ отецъ.
Атридъ сражается, врагами окруженный;
А здѣсь Эгистъ прервалъ союзъ его священный:
Царю нанесъ позоръ, Царицѣ вѣчный стыдъ,
И уготовилъ смерть, когда придетъ Атридъ;
Но гдѣ злодѣйство есть, тамъ должно быть мученье.
Я трижды сдѣлала жезломъ прикосновенье
Къ устамъ и персямъ ихъ, и родила трехъ змѣй;
Пусть мучится Атридъ, супруга и злодѣй.
Теперь иду назадъ, на брегъ Стигійскій темный,
Мнѣ страшенъ свѣтъ дневной, спѣшу во мракъ подземный.

(Тутъ фурія исчезаетъ, потому что восходитъ солнце и жители Миценскіе собираются на площадь, для встрѣчи Агамемнона, возвращающагося съ побѣдою отъ Трои.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ХОРЪ ЖИТЕЛЕЙ МИЦЕНСКИХЪ.

Строфа 1.

Что можетъ быть превратнѣй града?
Хотябъ на твердыхъ онъ стопахъ
Касался тяжестію ада;
А верхъ скрывалъ бы въ облакахъ,
Свой верхъ высокій, безопасный:
Такъ Зевсовъ дубъ, широкъ и гордъ,
Разброситъ тѣни въ лугъ прекрасный
И кажется на вѣки твёрдъ;
Но подъ сѣкирой роковою
Колеблется своей главою,
И тотъ, чей верхъ былъ въ небесахъ,
Упалъ — и гулъ реветъ въ лѣсахъ.

Боги Эреба,
Мести и гнѣва!
Страшенъ вашъ громъ,
Низвергнувшій тронъ!

Антистрофа 1.

Кому Пріямовъ градъ безвѣстенъ?
Сей градъ, среди высокихъ стѣнъ,
Цвѣтущей ратью былъ прелестенъ,
И нѣжною красою женъ;

Но рокъ, увы! все въ мірѣ губитъ!
Лежитъ сей славный — падшій градъ,
Никто въ него ногой не ступитъ —
Въ бояхъ упалъ Героевъ рядъ.
И нынѣ плѣнницы, ихъ вдовы,
Влекутся въ Грецію въ оковы
Агамемновою рукой.
О горе имъ! о рокъ ихъ злой!

Боги Эреба,
Мести и гнѣва!
Грозенъ вашъ гласъ,
Карающій насъ!

— Полухоръ. —

Не такъ, о граждане Мицены!
Гдѣ блескъ и славу должно зрѣть,
Не такъ Царя приходъ безцѣнный
Въ восторгѣ нашемъ должно пѣть.

Пойте Нептуна, морей властелина,
Пойте Латоны прекраснаго сына;
Сладкою пѣснью стиховъ
Пойте богинь и боговъ.

Строфа 2.

Тебя поемъ, Нептунъ волнистый,
Тебѣ приносимъ гласъ нашъ чистый:

Ты хотѣлъ, и Илюнъ
Ниспровергъ Агамемнонъ,
Марсомъ Греческимъ, безстрашнымъ;
И тобой къ чертогамъ брачнымъ,
Вдоль по скачущимъ волнамъ,
Онъ приплылъ къ супругѣ, къ намъ.
Радость душу восхищаетъ,
И Мицена днесь встрѣчаетъ
Входъ любезнаго царя;
Градъ усердіемъ горя,
Тучны жертвы обѣщаетъ.

Антистрофа 2.

И ты, о Фебъ само-горящій!
Прими нашъ гласъ благодарящій:
Древле Троѣ ты служилъ,
И Ахилла низложилъ.
Нынѣ самъ на разграбленье
Предоставилъ укрѣпленье,
Даръ Лаомедонту далъ;
И Мицену ты послалъ
Зрѣть тріумфъ Агамемнона,
Въ шествіи отъ Иліона.
Славься, сынъ благихъ боговъ,
И прими сей даръ стиховъ,
Даръ, достойный Аполлона.

Заключеніе.

Прими и ты, о Зевсъ превѣчный!
Отецъ небесныхъ и земныхъ;
Прими отъ насъ сей гимнъ сердечный,
Хвалу всемощныхъ силъ твоихъ,
Твоею крѣпкою рукою
Атридъ во прахъ низвергнулъ Трою.
Хвала, хвала твоимъ дѣламъ!
Прими, отъ олтарей избранныхъ,
Кровь тучную тельцовъ закланныхъ,
И благовонной фиміамъ.

ЯВЛЕНІЕ. III.

Клитемнестра (одна, выходя изъ чертоговъ.)

Почто злощастная, такъ стражду въ долѣ слезной?
Хочу и не могу — онъ мой супругъ любезной;
Онъ Царь Миценскихъ странъ, гроза враговъ и страхъ;
Онъ Фригію попралъ, низвергнулъ Трою въ прахъ,
И въ Грецію идетъ въ подобіи Арея;
Но чтобы ни былъ онъ, я вижу въ немъ злодѣя.
Онъ собственной рукой родную дочь пронзилъ,
И кровію моей храмъ фурій оросилъ.
Супругъ предшествовалъ, мнѣ кончить остается,
Пролить послѣдню кровь — и все тогда превнется.
Природа прочь бѣжитъ, любовь внушаетъ месть,
Отважность силится искуство изобрѣсть,
Супруга превзойти и все Тантала племя.
Воздвигнись, падшій духъ! настало мщенья время;
Рѣшись — и твой злодѣй, супругъ твой, пораженъ!
Изслѣдуй, разсмотри всѣ роды мщенья женъ,
Найди супругу месть, достойную закона:
Твой долгъ быть выше женъ, ты часть Агамемнона;
Злодѣй передъ тобой! — рѣшись — —
(Съ размышленіемъ.)
Разводъ? — не месть.
Ядъ черный не всегда смерть злую могъ нанесть.
Желѣзо, твердая надежда въ огорченьѣ;
Мечемъ онъ дщерь убилъ, мечемъ получитъ мщенье.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клитемнестра и Наперсница.

Наперсница.

Царица Греціи, Тиндаровъ славной родъ!
О чемъ мечтаешь здѣсь, оставя весь народъ?
Или какая грусть твой нѣжный духъ терзаетъ?
Уста твои молчатъ; но взоръ твой измѣняетъ,
Твой видъ не можетъ скрыть огня страстей въ груди.
Царица! крѣпостью духъ слабый утверди.
Что нынѣ процвѣтетъ, заутра будетъ тлѣнно:
Превратно время здѣсь; а съ нимъ и все премѣнно!

Клитемнестра.

Не мнѣ ждать времени съ сей раною моей;
Она такъ гибельна, что все ничто предъ ней.
Гдѣ страсть кипитъ въ груди, тамъ пагубно медленье?
Я адское терплю внутрь сердца воспаленье;
Но боль сердечную гнететъ сокрытый страхъ;
Я рвусь отъ ревности: но отъ любви въ слезахъ;
И страсть преступную исторгнуть я не властна.
А стыдъ, мой тайный врагъ, какъ огнь, жжетъ кровь ужасно.
Такъ въ бурю утлый челнъ несется средь морей:
Туда склоняетъ Нотъ, сюда влечетъ Борей.

Зефиръ несетъ корму; а Эвръ съ пути свлекаетъ:
И слабая рука кормило опускаетъ.
Куда повѣетъ вѣтръ и буря понесетъ,
Туда стремлюся я, не зная, что спасетъ.
Когда нашъ умъ во тьмѣ волнуется страстями;
Судьба тогда ведетъ насъ лучшими путями.

Наперсница.

Къ судьбѣ томящійся незнаніемъ спѣшитъ.

Клитемнестра.

Давно судьба сія мой вождь слѣпой и щитъ.

Наперсница.

Царица! что твой духъ къ злодѣйствію приводитъ?

Клитемнестра.

Судьба.

Наперсница.

Ужель твой умъ спокойства не находитъ?
Никто не вѣдаетъ о слабости твоей.

Клитемнестра.

Не могутъ скрыты быть дѣянья злыхъ царей.

Наперсница.

Почтожъ, Царица, вновь желаешь зло умножить,
Когда прошедшее не престаетъ тревожить?

Клитемнестра.

Кто началъ зло творить, тому предѣловъ нѣтъ.
И то ужь зло, коль зла къ концу не доведетъ.

Въ комъ рана не огнемъ и не желѣзомъ истится?

Наперсница.

Но кто безъ крайности на ужасы стремится?

Клитемнестра.

Къ злодѣйству избирать злодѣйской должно путь.

Наперсница.

Но ты священный бракъ должна воспомянуть.

Клитемнестра.

Супругъ ли тотъ, кого я десять жатвъ не зрѣла?

Наперсница.

О дѣтяхъ вспомни ты, которыхъ съ нимъ имѣла.

Клитемнестра.

И не одочери ль, которую убилъ
Родитель злобной самъ?

Наперсница.

Онъ флотъ тѣмъ ускорилъ.

Клитемнестра.

Онъ флотъ тѣмъ ускорилъ? О родъ мой, родъ небесный!
О Клитемнестра! такъ, былъ флоту врагъ безвѣстный;
И кто же? дочь твоя. Кому тамъ пѣснь поютъ?
Кому въ уныніи вѣнки печальны вьютъ?
Кому супружній одръ готовитъ самъ родитель?
О дочь! не брачный одръ: но гробъ твоя обитель!

Уже не станешь ты вездѣ меня встрѣчать;
Не станешь матери усмѣшкой отвѣчать;
Не будешь нѣжностью супруга наслаждаться;
Не будешь въ радости сквозь слезы улыбаться....
Безчувственный отецъ предсталъ предъ взоръ богов,
Любимой дочери на руки брыжжетъ кровь;
И никогда никто слезы не зрѣлъ въ жестокомъ!
Предвѣстникъ самъ Кальхантъ, во ужасѣ глубокомъ,
Дрожалъ и трепеталъ отъ звука страшныхъ словъ:
Родитель самъ прольетъ любезной дщери кровь.
О племя Пелопса! ты ужасъ всюду водишь,
И предковъ пагубныхъ злодѣйствомъ превосходишь!
Но ускоряютъ ли движенье кораблей,
Невинной кровію несчастныхъ дочерей?
Послалиль милости къ намъ боги оскорбленны?
И чтожъ убійца сей, что мщеньемъ воспаленный,
Съ супругой сдѣлаетъ, коль дочь онъ умертвилъ? —
Аргивски корабли сей жертвой ускорилъ,
Избавилъ отъ враговъ и отъ судьбы навѣтной:
Но гдѣ погибъ народъ воинственный, несчетный?
Куда Элладская сокрылась грозна рать?
Атрида, Аполлонъ, его хотѣлъ карать:
Предъ Фебовой стрѣлой повсюду жизнь блѣднѣла,
Повсюду черна смерть во слѣдъ за ней летѣла,
Сражала ратниковъ и повергала въ прахъ:
А онъ средь воинства, гдѣ ужасъ былъ и страхъ,

Послѣдню дочь жреца насильно исторгаетъ,
И гибель Греціи злодѣй пренебрегаетъ.
Когда же дочь отцу была возвращена,
И воля дерзская его укрощена:
Ахиллъ! Бризеиду, вѣщалъ онъ, дай въ награду.
Такъ мстилъ Парису онъ, такъ приступалъ ко граду.
О горе воинству! источникъ новыхъ бѣдъ:
Пелидова вражда гремитъ ему во слѣдъ,
И стонъ Элладскій стонъ и днесь не прекратился.
Гдѣ сонмъ Героевъ сихъ? никто не возвратился!
Подъ Троей пали всѣ сраженные копьемъ!
И мы съ побѣдою, увы! лишь слезы льемъ!
Гдѣ славныхъ пять вождей, Героевъ Беотійскихъ?
Изъ нихъ лишь два спаслись, а тѣ у водъ Стигійскихъ.
Гдѣ Марса грознаго безстрашные сыны?
И Аскалафъ погибъ, какъ цвѣтъ среди весны.
Погибли два вождя Ифитомъ въ свѣтъ рожденны!
И царь Эвбейскій палъ, мечемъ Троянъ сраженный!
Гдѣ отрасль нѣжная Аяксовыхъ племенъ?
Гдѣ ты несчастнѣйшій? ты тайно умерщвленъ,
Жестокой Лаэртидъ виною смерти слезной.
Гдѣ Навпліевъ другой наслѣдникъ, сынъ любезный?
И онъ сошелъ во мракъ Аяксовой стезей;
Тебя, тебя убилъ коварной Одиссей,
Когда ты ловлей рыбъ спокойно занимался;
Но не Улиссомъ рокъ тебѣ уготовлялся;

Атридъ убійца твой: какъ споръ вашъ возгорѣлъ,
Когда не онъ, а ты весть воинство хотѣлъ;
Онъ смерть тебѣ послалъ Улиссовой рукою.
И ты Нелеевъ сынъ, покрытый сѣдиною,
Оплакивай теперь смерть сына своего,
Мемноновъ грозный мечь въ бою сразилъ его;
И горесть на главѣ твои сѣдины сушитъ.
Вожди Илидски спятъ, и кто ихъ сонъ нарушитъ?
Кто съ смертнаго одра возбудитъ сихъ вождей?
И ты Родосъ стенай и горьки слезы лей,
И Тлептолема нѣтъ! его смерть ускорилась!
Какою кровію Эллада обагрилась!
Какихъ достоинъ слезъ Аглаи нѣжный сынъ?
Краса всѣхъ юношей, увядшій въ полѣ кринъ?
И какъ намъ о тебѣ, Нереиды сынъ славный,
Арею грозному на битвахъ страшныхъ равный,
И какъ намъ о тебѣ не плакать, не стенать?
Тебя же, Махаонъ, и тотъ, кто жизнь могъ дать,
Не въ силахъ былъ спасти отъ смерти неизбѣжной.
Ни слезы горкія младой супруги нѣжной,
Рожденье Ификла назадъ не возвратятъ;
Онъ въ адѣ и Подаркъ его несчастный братъ!
Такъ ктожъ для Греціи изъ Грековъ остается?
Кѣмъ славный родъ ея въ потомствѣ вознесется?
И кто подпору дастъ сей гибнущей странѣ?
Упала Греція! о горе, горе мнѣ!
И нѣтъ того, ктобъ жизнь исторгнулъ у злодѣя,
Ктобъ грудь ему пронзилъ, отмщеньемъ пламенѣя.

Онъ шествуетъ назадъ, и чтожъ ведетъ съ собой?
Сынамъ другую мать; а въ одръ супружній мой
Позоръ, совмѣстницу презрѣнную изъ града.
И мнѣ, мнѣ встрѣтить ихъ? о боги неба, ада!
Подвигнитесь! я грудь пронжу тому мечемъ,
Кто былъ для Азіи и Греціи бичемъ!

Наперсница.

Со трепетомъ внемлю злодѣйствамъ симъ ужаснымъ;
Дивлюсь словамъ твоимъ жестокимъ, но напраснымъ,
Царица! я дивлюсь, что въ ярости твоей,
Невинно твой супругъ содѣлался злодѣй.

Клитемнестра.

Невиненъ, скажешь ты, онъ былъ намъ обороной?

Наперсница.

Невиненъ, я клянусь Зевесомъ и Юноной.

Клитемнестра.

Какъ, Грецію попрать! что можетъ быть славнѣй?
Героевъ истребить, хвала странѣ своей?
Убить родную дочь, богамъ небесъ угодно?
Супругу посрамить невинному лишь сродно?

Наперсница.

Царица Греціи! онъ Греціи не врагъ;
Онъ не попралъ ее; но далъ источникъ благъ,
И область новую съ Элладой сѣдиняетъ.
Кто въ смерти витязей Атрида обвиняетъ?

Невиненъ твой супругъ, невиненъ въ смерти сей,
И сына Навплія Убилъ самъ Одиссей;
И въ жертвѣ дочери винить его не можно;
Что боги требуютъ, уже ли то безбожно?
Въ комъ есть геройскій духъ, и кто вступаетъ въ бой;
Тотъ жертвуетъ родствомъ, тотъ жертвуетъ собой;
Не только кровію и жизнью дѣвъ несчастныхъ.
Когда же плѣнницъ онъ ведетъ съ собой прекрасныхъ,
Супругѣ нѣтъ стыда, и браку нѣтъ измѣнъ;
Вождямъ прилично брать прекрасныхъ дѣвъ во плѣнъ.
Но ты во мщеніи царица, мнѣ не внемлешь;
И на кого скажи, ты острой мечь подъемлешь?
Кому готовишь месть, и ярость слабыхъ женъ?
Тому, кто въ десять лѣтъ подъ Троей не сраженъ;
Кого и самъ Ахиллъ не ранилъ дерзновенный:
Того пошлешь ли ты, Царица, въ адъ подземный.
Но вспомни Грецію и Греческій народъ,
Месть грянетъ на тебя, на весь твой славный родъ;
А Грековъ месть представь подъ Троею несчастной.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ЭГИСТЪ.

Эгистъ.

И такъ погибло все, насталъ мой часъ ужасной!
Эгистъ! востань Эгистъ, твой прадѣдъ былъ Танталъ.
Еще не всю свою ты злобу испыталъ,
Не всѣ употребилъ орудія злодѣйски;
Помысли, что идетъ съ побѣдой Царь Миценскій,
Что ложе ты его супруги помрачилъ;
Что онъ Атреевъ сынъ; тебя Тіэстъ родилъ.
Довольно сихъ причинъ для мести безконечной;
Но здѣсь ли нашъ предѣлъ? къ враждѣ и злобѣ вѣчной,
Помысли, что за тѣмъ родилъ тебя Тіэстъ,
Чтобъ смертью ты воздалъ Агамемнону месть
И если суждено, чтобъ кончилась обида,
То близокъ часъ его и адъ пожретъ Атрида.
Но если — боги!... вамъ злодѣйствія судить, —
Тогда я долженъ пасть и славу погубить.

Клитемнестра.

Эгистъ! ты осужденъ ко смерти предъ войною.
Эгистъ!

Эгистъ.

Царица! ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною;
И такъ и ты должна со мною умереть.
Но не ужель тебѣ ужасно видѣть смерть?
Не въ первой разъ твоя прольется кровь рѣкою;
Что сдѣлалъ съ дочерью, то совершитъ съ тобою.

Атридъ, пронзая дщерь, покоенъ духомъ былъ,
Ни вздохомъ, ни слезой любезной не почтилъ,
Такъ нынѣ ли Атридъ, отмщая, содрогнется.
Онъ мечь вонзитъ во грудь, вонзитъ и улыбнется!
Но что я зрю, твой видъ внезапно помертвѣлъ,
Склонился мрачный взоръ, языкъ оцѣпенѣлъ,
Царица! ты дрожишь, что значитъ видъ сей блѣдный?
Великій долженъ быть великъ и въ часъ послѣдній.
Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Царица укрѣпись! оставь со славой свѣтъ!

Клитемнестра.

Ахъ какъ я мучуся! какъ страждетъ духъ смущенный!
Мой долгъ зоветъ меня, зоветъ мой бракъ священный:
Кто въ мірѣ столь свирѣпъ, чтобъ сердцу не внималъ?
О если бы мой духъ хоть поздо долгъ позналъ;
Не лучшель, чѣмъ на вѣкъ стремится къ заблужденью?

Эгистъ.

О легковѣрная! ты вѣришь утвержденью;
Ты вѣришь, что Атридъ не виненъ предъ тобой!
Но знаешь ли весь духъ, вселяемый войной,
Когда кровавой лавръ жестокость умножаетъ:
О какъ сраженіе людей ожесточаетъ!
Какъ долженъ быть свирѣпъ, жестокій твой супругъ!
И если прежде въ немъ безчувственный былъ духъ;
То чтожь, скажи теперь, когда, стремясь за славой,
Лишь кровь и жечь людей считалъ себѣ забавой?

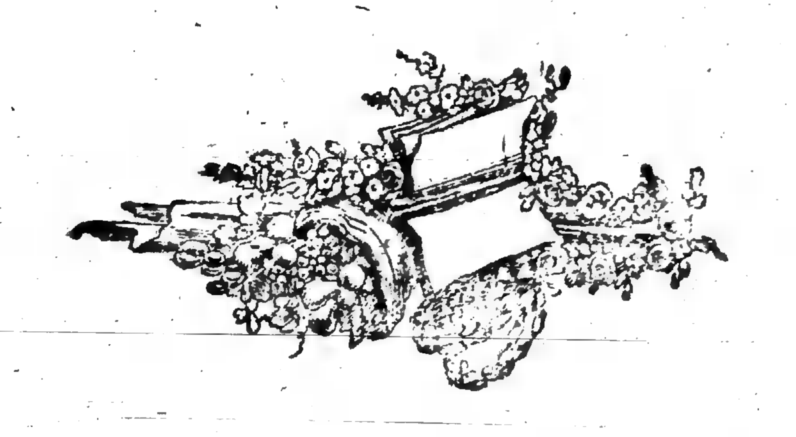
(Прочее потеряно.)

ТВОРЕНІЯ

МОСХА.

Ἔι μοι καλὰ πέλει τὰ μελύδρια, καὶ τάδε μῶνα
Κῦδος ἐμοὶ θήσοντι. — —

Біонъ *Ид. V.*

БѢЖАВШІЙ ЭРОТЪ

Киприда, сѣтуя, зоветъ сынка въ тревогѣ:
Невидѣлъ ли кто, гдѣ Эрота на дорогѣ?
    Бѣглецъ мой сынъ, родимой мой;
    Скажите: вѣстнику какъ другу,
    За эту лестную услугу,
    Киприды поцѣлуй самой.
А кто придетъ съ сынкомъ, съ отрадою моею
Не только поцѣлуй, я больше не жалѣю (*) . . .
Какъ не узнать его по множеству примѣтъ?
Межъ двадцатью дѣтей сынка такого нѣтъ:
Лицемъ Эротъ небѣлъ, какъ пламень, щочки рдѣютъ,
И глазки быстрые сверкаютъ пламенѣютъ;
Умомъ еще дитя, въ словахъ однѣ мечты,
И рѣчи съ мыслями согласья не имѣютъ,
Зло въ сердцѣ, медъ въ устахъ, а голосъ какъ соты.
Когдажъ разсердится, онъ золъ, жестокъ, нескроменъ,
Опасенъ въ рѣзвости и въ играхъ вѣроломенъ,

(*) Honny soit qui mal y pense. —

Златые кудерки рѣзвятся по челу,
И ручки малые бросаютъ вдаль стрѣлу;
Бросаютъ въ Ахеронтъ и на престолъ подземный:
Малютка весь нагой, лишь мысли сокровенны.
Какъ птичка порхая, вездѣ найдетъ онъ путь,
Къ дѣвицамъ къ юношамъ стрѣлой влѣтаетъ въ грудь;
Или натянетъ лукъ и какъ ни мѣлки стрѣлы;
Но изъ лука летятъ въ ѳеирные предѣлы.
Два крылушка, колчанъ и стрѣлы на спинѣ,
Отъ коихъ иногда пощады нѣтъ и мнѣ;
И мнѣ отъ злобнаго ничто не оборона;
Но страхъ весь въ томъ огнѣ;
Которымъ жжетъ и Аполлона.
И такъ кто встрѣтитъ гдѣ, скорѣй его связать,
Чтобъ не бѣжалъ опять;
Когдаже плакать станетъ,
Не вѣрь слезамъ его, слезами онъ обманетъ;
Потомъ тебя же ранитъ,
Напрягши сильный лукъ.
Начнетъ ли улыбаться
Рѣзвиться и ласкаться
Вяжи покрѣпче, другъ.
Протянетъ ли уста коварный цѣловаться,
Страшися, не цѣлуй, на алыхъ губкахъ ядъ.
Онъ скажетъ: вотъ мой лукъ и все отдать я радъ.
Не прикасайся дерзновенный,
Дары Эротовы, какъ тайный огнь разженны.

ПОХИЩЕНІЕ ЕВРОПЫ

Киприда, въ третью стражу нощи,
Послала древле сонъ въ златой чертогъ Царя;
Ужъ мѣсяцъ полный сѣлъ за рощи
И тихо занялась заря.
Тогда послѣдній сонъ, въ часы нощныхъ явленій;
Разнѣживъ царску дочь невидимо, какъ Геній,
Кропилъ прелестной взоръ волшебною росой,
И вкругъ мечты, какъ шумный рой,
Вились надъ спящею красой.
Европа нѣжная во теремѣ высокомъ,
Царя Финикскаго единственная дщерь,
Затворомъ заключивъ блестящу златомъ дверь,
Почила въ тишинѣ — и видитъ въ снѣ глубокомъ,
Что двѣ страны объ ней во спорѣ прежестокомъ;
Мечталось: Азія родимая страна,
И ей противная чужая,
Двухъ женъ изображая,
Вступили въ споръ, кому Европа суждена:
„ Не яль, гласитъ одна,
„ Европу родила и нѣжно воспитала?
„ Нѣтъ мнѣ „ соперница возстала,

„ Мнѣ отдали ее въ покровъ,
„ Судьба и Царь громовъ.
„ Страшись — десница Дія гнѣвна,
„ Покорствуй Богу и судьбѣ —
„ А ты приди ко мнѣ прелестная царевна. “
Съ симъ словомъ, кажется, беретъ ее къ себѣ. . . .
Царевна вздрогнула, проснулась, встала съ ложа,
И сердце вѣщее прекрасную тревожа,
Предчувствіемъ души наводитъ мрачный страхъ,
Еще мечтаются ей женщины въ очахъ:
Европа красная возсѣла, приуныла
И въ томной горести съ собою говорила:
„ Какой мнѣ богъ послалъ сей сонъ?
„ Ужель свершится все на дѣлѣ?
„ Почто смутилъ всю душу онъ?
„ Бывало въ теремѣ доселѣ,
„ Я въ ложѣ новомъ, тесовомъ,
„ Такъ сладкимъ сплю зарею сномъ!
„ На мягко-убранной постелѣ,
„ Что значитъ женщина во снѣ?
„ По что, какъ кровная, мила, любезна мнѣ? “
Съ симъ словомъ, царска дочь, предъ солнечнымъ восхо-
Задумчиво идетъ изъ терема одча, (домъ,
Къ подругамъ равнымъ ей и лѣтами и родомъ,
Съ которыми всегда она
Играла, веселясь пріятнымъ хороводомъ

И часто, освѣжась, въ Анавровыхъ водахъ,
Рвала цвѣты въ садахъ.
Подруги съ радостью торопятся къ любимой,
И каждая изъ нихъ,
Во всѣхъ красахъ своихъ,
Пришла съ цвѣточною корзиной.
Сошлись прелестныя въ одинъ любезный кругъ,
И смолвившись, пошли на берегъ моря въ лугъ,
Гдѣ каждый день онѣ играли межъ цвѣтами,
Плѣняясь розами и бурными волнами.
Сама царева дочь, блистая красотой,
Шла важной поступью съ корзиной золотой.
Корзина, дивный трудъ Ифеста,
Который ливія невѣста,
Вступая въ бракъ съ Царемъ морей,
Взяла въ знакъ нѣжности своей,
И отдала, по связямъ крови,
Телефаессѣ въ знакъ любови.
Телефаесса, дщерь любя,
Вручила дивный даръ Европѣ отъ себя.
Внутри Дедальскою, чудесною рѣзьбою
Дщерь Инаха оживлена;
Когда всемощною судьбою,
Видъ прежній потерявъ, не Нимфою она
Но юницей плыветъ, съ волнами дерзско споря, (*)

(*) Часть Эгейскаго моря, гдѣ плыла Іо, въ видѣ юницы, названа Босфоромъ, отъ βὂς и φέρω.

Тутъ все представлено и бурны волны моря.
Вдали, на берегу высокомъ и крутомъ,
Два странника дивятся,
Какъ волны вкругъ ярятся,
Мѣшаясь съ пѣной и пескомъ,
Какъ Іо, носится въ волненіи морскомъ;
Самъ Дій изображенъ; онъ божеской рукою
Ласкаетъ юницу, забывшую свой стыдъ,
И предъ Египетской рѣкою
Даетъ ей прежній видъ.
Рѣка волнуется серебрянымъ покатомъ;
Видъ Іо мѣдяный, а Зевсъ блистаетъ златомъ.
Извнѣ изображенъ таинственный узоръ:
Тамъ Гермій, Маинъ сынъ искуственно представленъ
Съ возлегшимъ Аргусомъ — его стоокій взоръ
На стражу былъ направленъ.
Вдругъ чудомъ божества
Изъ крови Аргуса младой павлинъ родится
И златоцвѣтною красой хвоста гордится,
Симъ чудомъ естества:
Онъ крыла распростеръ, какъ парусъ въ вѣтръ полдневный
И увѣнчалъ кругомъ
Корзину, какъ вѣнкомъ.
Таковъ подарокъ былъ у радости царевны.

Межъ тѣмъ прелестныя приходятъ къ морю въ лугъ,
И тамъ одна передъ другою,
Гордясь корзиной дорогою,
Бросаются всѣ вдругъ
Срывать цвѣты вокругъ:
Нарциссы, гіацинты, тьмины,
Фіялки, ландыши, ясмины;
И на долъ сыплются листы изъ бѣлыхъ рукъ,
За тѣмъ, что полны всѣ корзины.
Европа нѣжная, блистая красотой,
Сорвала розы цвѣтъ прелестною рукой;
Какъ роза всѣ цвѣты, или Харитъ Киприда,
Она всѣхъ юныхъ дѣвъ красой мрачила вида;
Мила какъ богъ любви, или сама любовь.
Но долго ли играть Европѣ средь луговъ?
И долголь поясомъ дѣвическимъ гордиться?
Не долго: Дій узрѣлъ и въ богѣ страсть родится,
Чего не совершитъ коварный Купидонъ?
И бурный грома Царь самъ чтетъ его законъ.
Тогда Зевесъ (*), щадя Юноны гнѣвъ и ревность,

(*) Зевесовъ было множество. (Воссій объ идол. К. I. Гл. 14) Приключеніе Ніовеи, дочери Форонея, относится къ *Зевесу Апису*, Царю Аргосскому, жившему за 1770 лѣтъ до Р. Х. Приключеніе съ Данаею падаетъ на счетъ *Зевеса Претуса*, жившаго около 1350 годовъ до Р. Х. Похититель Ганимеда былъ *Зевесъ Танталъ*, царствовавшій около того же времени. Отецъ Геркулеса Зевесъ, обольстившій Леду въ видѣ лебедя. Наконецъ сей Зевесъ есть *Зевесъ Астерій*, Государь Критскій, коего царствованіе полагается около 1440 годовъ до Р. Х., за два вѣка до войны Троянской.

И дѣвственный Европы стыдъ,
Въ иной преобразился видъ,
Забывъ свою преклонну древность;
Потомъ явился въ лугъ
Тельцомъ, готовымъ для услугъ,
Не-тѣмъ истомленнымъ, какой бразды проводитъ,
Влача согбенный плугъ;
Не тѣмъ медлительнымъ, какой на паствѣ бродитъ,
Или какой влеченъ обиліе плодовъ,
На выи, страждущей подъ тяжестью трудовъ.
Но Дій былъ весь злашаго цвѣта,
На божескомъ челѣ примѣта,
Сребристый мѣсяцъ средь роговъ.
Блистаютъ очи голубые,
Приличные отцу боговъ,
Какъ огнь, сіяетъ въ нихъ любовь,
И нѣга царствуетъ на выѣ.
Два рога на челѣ, на каждой сторонѣ,
Едва родившейся подобились лунѣ;
Онъ бродитъ въ пажити стопой своей надежной;
И дѣвы съ волей нѣжной,
Всю робость отложивъ,
Спѣшатъ на перерывъ,
Другъ друга упредивъ,
Ласкать прелестнаго рукою бѣлоснѣжной:
Отъ Зевса ароматъ разлился въ лугъ прибрежной.
Межь тѣмъ приближился преображенный богъ,
И, ставъ предъ дѣвою невинной,
Смиренно преклонилъ колѣни тяжкихъ ногъ,

И выю и хребетъ свой длинной. —
Покорствуя предъ ней, онъ не былъ грубъ, ни строгъ,
Лобзалъ прелестну длань нѣжнѣе, сколько могъ,
И тайно цѣловалъ прекрасной дѣвы шею,
Чтобъ тѣмъ пріятнѣе содѣлаться предъ нею.
Европа нѣжная, плѣнясь златымъ тельцомъ,
Склонилась къ кроткому прелестнику лицомъ,
И видъ любезный ей отъ влажности суровой
Отерши съ нѣжностью одеждой пурпуровой,
Цѣлуетъ милаго льстеца.
Вдругъ нѣжно раздалось мычаніе тельца.
Въ то время Діевъ гласъ такъ сладокъ былъ къ веселью,
Что трудно подражать Мигдонскою свирѣлью.
Потомъ, склонясь къ ногамъ, онъ выю преклонилъ,
Смотрѣлъ съ покорностью и взоромъ сѣсть просилъ.
Европа, чувствуя въ душѣ невинной радость,
Зоветъ прекрасныхъ дѣвъ, неопытную младость:
О дѣвы! поспѣшимъ на верхъ тельца возсѣсть;
Онъ всѣхъ насъ, какъ корабль, у брега будетъ несть.
Какой умильный взглядъ... онъ вовсе неспособенъ
Къ лѣнивой грубости тельцовъ;
Ему не достаетъ лишь словъ —
Онъ даже къ разуму и къ нѣжности удобенъ.
Сказавъ съ улыбкою, не зная ничего,
Прелестно, какъ Эротъ, возсѣла на него
И проситъ сѣсть подругъ, но поздо ужь! къ ихъ горю,
Европу онъ несетъ и поспѣшаетъ къ морю.

Нещастная средь бѣдъ,
Узря свой явной вредъ,
Зоветъ, кричитъ и вопитъ:
Телецъ меня утопитъ!
И всѣхъ подругъ торопитъ,
И всѣ бѣгутъ во слѣдъ,
Простря обьятія къ отчаянной впередъ.
Но тщетно; какъ дельфинъ, онъ къ морю устремился;
И вдругъ Нереидъ сонмъ изъ безднъ морскихъ явился:
Кто вплавь, иной верхомъ на китѣ гонитъ чудъ,
Кто, въ раковину сѣвъ съ торжественнымъ нарядомъ,
Несетъ, собравъ на днѣ кораллъ и изумрудъ;
Иной, поверхъ жемчужныхъ грудъ,
Торопится во слѣдъ за стадомъ,
Чтобъ плыть съ Зевесомъ рядомъ.
Межь тѣмъ и самъ Нептунъ является изъ водъ;
Смиряетъ, брату въ честь, и ярость волнъ и стоны:
Ныряютъ вкругъ его пучинные Тритоны,
Играющій въ моряхъ безчисленный народъ,
И трубятъ на рогахъ согбенныхъ брачный ходъ.
Европа на хребтѣ тельца - Зевеса мчалась,
И правою рукой, дрожа, за рогъ держалась,
А лѣвою края одежды собрала,
Чтобъ влага пурпура коснуться не могла.
Вокругъ, какъ парусы, цвѣтное покрывало,
Взвѣваясь на лету, Царевну осѣняло.

Прекрасная одна, среди морскихъ валовъ,
Разставшись съ родиной, не видя береговъ,
Ни горъ сокрывшихся, но небеса и море,
Взирала съ робостью и говорила въ горѣ:
„Телецъ ли ты или богъ?
„Куда несешь меня, и кто ты столь отважной,
„Когда стихіи влажной
„Предаться дерзко могъ?
„Пусть быстрымъ кораблямъ пучины неопасны;
„Но всѣмъ тельцамъ моря ужасны.
„Гдѣ сладкая вода? гдѣ кормъ среди валовъ?
„Не богъ ли ты? почтожъ, противъ природы чину,
„Сложилъ величество боговъ?
„Прилично ли забресть на пажити дельфину,
„Или тельцу въ пучину?
„Но ты на все готовъ съ безтрепетнымъ челомъ,
„И тяжкою стопой вращаешь, какъ весломъ.
„Ужель, подобно быстрой птицѣ,
„Ты можешь и летать подъ ясной вышиной?
„Ахъ горе, горе мнѣ, оставленной дѣвицѣ!
„Что станется со мной,
„Средь волнъ, безъ родины, одной? — —
„Но ты, о царь морей, Нептунъ волно - держащій!
„Пошли, чтобъ я узнать могла,
„Кто сей, по безднѣ водъ стопами путь творящій;
„Безъ бога вѣрно бы я въ морѣ не плыла,
„Но въ теремѣ отца въ безпечности жила.“

Вѣщала, и въ отвѣтъ телецъ прекрасно-рогой
Печальной красотѣ съ любовью говоритъ:
„Престань въ уныніи смущать себя тревогой,
„Не ужасайся волнъ, ты скоро узришь Критъ.
„Я Зевсъ, тельца принявшій видъ,
„Сходя въ величіи на землю,
„Я вдругъ желанный видъ пріемлю.
„Къ тебѣ, прекрасная, любовію горя,
„Я долженъ былъ преплыть безбрежныя моря,
„И въ образѣ тельца явиться;
„Но въ Критѣ, гдѣ прошла вся дней моихъ заря,
„Союзъ нашъ совершится,
„И родъ, державный родъ, Европой въ свѣтѣ ро-
родится.

Дій рекъ — глаголъ священъ.
Вершины Крита заблистали.
Телецъ въ Зевеса превращенъ —
Младыя горы одръ убрали,
И поясъ дѣвы разрѣшенъ.
Отнынѣ содѣлалась Европа Зевсу равной,
И матерью племенъ почтенною и славной.

НА СМЕРТЬ БІОНА.

(Посвящено памяти З. А. Буринскаго.)

Плачьте рощи, плачьте рѣки,
И Дорическія струи!
Нѣтъ Біона! нѣтъ! на вѣки
Онъ окончилъ дни свои!
Древа унылыя, шумите состраданьемъ;
Священные лѣса, наполнитесь стенаньемъ!
И миртъ преобратись
Въ печальный кипарисъ!
Душистые цвѣты, куритесь воздыханьемъ;
Блѣднѣйте розы — вянь нарцисъ!
И ты, о гіацинтъ! въ печальныхъ вѣтерочкахъ,
Тверди, для горестной молвы,
Свое *увы* (*):
Оно начертано на всѣхъ твоихъ листочкахъ!
Свершилось! нѣтъ пѣвца!
Нѣтъ пѣсней сладостныхъ вѣнца!
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

(*) На листахъ гіацинта жилки имѣютъ видъ Греческихъ буквъ AI, которыя значатъ *увы*. — Греки называли сей цвѣтокъ *надгробнымъ*, ὁ τοῦ θανάτου ἄνθος.

О вы, стенящіе на вѣтьвяхъ соловьи!
Умножьте жалобы свои;
Смутите стонами Сицильскія струи;
Вѣщайте горесть Аретузы,
Вѣщайте скорбь Доридской Музы,
Гласите по лѣсамъ: пѣвца Біона нѣтъ!
Умолкла пѣснь его, на вѣкъ уснулъ Поэтъ!
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

И ты, печальный гласъ унылыхъ лебедей!
Несися съ береговъ Стримонскихъ,
И сердцемъ овладѣй
Всѣхъ Нимфъ Эагрскихъ (*) и Бистонскихъ (**).
О гласъ! унылый гласъ! въ Зефирѣ тихомъ вѣй
На берегъ Сицилійскій дальной,
Съ сей вѣстію печальной!
Умолкъ, на вѣкъ умолкъ Доридскій нашъ Орфей!
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

Уже не будетъ онъ беречь на паствахъ стадъ;
Уже не станетъ днемъ искать въ тѣни прохладъ;
Не ляжетъ въ знойный часъ подъ елью,
И Нимфъ и пастуховъ не усладитъ свирѣлью.

(*) Музъ. (**) Грацій.

Біонъ сошелъ во адъ, единый лишь Плутонъ
Его волшебныхъ струнъ внимаетъ сладкій звонъ;
И рощи тихія и скромные пригорки,
Какъ будто сѣтуя, молчатъ;
Тельцы и юницы — (для нихъ всѣ травы горьки) —
Уныло бродятъ и мычатъ.
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

И самъ въ уныніи рыдаетъ Аполлонъ
Объ участи твоей, Біонъ;
Сатиры плачутъ безъ надежды,
И Панъ, тебя лишась, бѣжитъ въ пустынну даль;
Амуры облеклись во мрачныя одежды,
И долу опустивъ задумчивыя вѣжди,
Другъ другу во слезахъ твердятъ свою печаль;
И Нимфы чистыхъ водъ уныніемъ томятся,
Не волны въ ручейкахъ, но слезы ихъ струятся.
И Эхо подъ горой,
Безмолвствуя уныло,
Біоновъ гласъ забыло,
Который прежде днемъ и темною порой
Такъ часто повторять любило.
Стада лишилися пріятнаго млека;
Печальныя древа плоды свои сронили;
На розахъ нѣтъ листка,
Ни въ полѣ нѣжнаго, душистаго цвѣтка;
Сопы свой вкусъ перемѣнили . . .

О добрый нашъ Бiонъ! когда увянулъ ты,
Какiе могутъ быть намъ сладостны сопы?
Плачьте Музы! нѣтъ Бiона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

❧

Не столь терзается Борей,
И безутѣшные дельфины у морей (*);
Не столько сѣтуетъ въ пустынѣ Филомела;
И Прогна (**) ласточкой не столь уныло пѣла,
Носясь поверхъ зыбей;
Не столько нѣжная тоскуетъ Гальцiона (***)
О миломъ Цеиксѣ, добычѣ Аквилона;
Не столь и Кирилосъ (****) надъ влагой голубой
Стенаетъ мучимый тоской;

(*) Дельфины, видя трупъ въ волнахъ, стонутъ и проливаютъ слезы; они чрезмѣрно любятъ музыку и юношей, которыхъ безвредно носятъ по морю на хребтѣ своемъ — когда же юноша утопаетъ, то сами отъ горести умираютъ. *Плиній*, кн. 9, глава 8.

(**) Филомела и Прогна, дочери Пандiона, увезенныя Тереемъ, который одну заперъ въ башню, а другую лишилъ языка. — Боги, сжалясь, превратили Филомелу въ соловья, а Прогну въ ласточку. — Аполлодоръ кн. 3. глав. 13, §. 7.

(***) Гальцiона, узнавъ, что супругъ ея Цеиксъ погибъ въ волнахъ, плывя въ Дельфы, сама съ отчаянiя бросилась въ море. — Боги превратили ихъ въ стонущихъ рыболововъ. *Овидій* кн. XI, баснь X.

(****) Кириловъ — пиголица — когда состарѣется, то самка носитъ его на крылахъ своихъ; когдажъ одинъ умретъ, то оставшійся долго наполняетъ воздухъ печальнымъ крикомъ, взвиваясь надъ водою. *Аристот.* к. VIII, гл. 3.

Ни птица Мемнона (*), носяся надъ могилой,
Гдѣ сынъ Аврориnъ милой
Не столь свой жалобный возноситъ къ небу стонъ,
Среди полунощи унылой:
Сколь плачемъ о тебѣ, о милой нашъ Бiонъ!
Плачьте Музы! нѣтъ Бiона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

❧

Нескромны ласточки и томны соловьи;
Слетѣвшись, сѣтуютъ на вѣтьвяхъ сплетенныхъ;
И горлицы въ тѣни дубравъ уединенныхъ
Питая горести свои,
Печалiю терзаясь,
И дружка съ дружкою въ глуши перекликаясь,
Тоскуютъ по тебѣ, Бiонъ!
И съ эхомъ въ долъ летитъ ихъ томный, тихiй стонъ!
Плачьте Музы! нѣтъ Бiона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

❧

Кому свирѣлiю твоею насъ плѣнять?
Кому такъ сладостно Природу воспѣвать,
Простершись на травѣ близь корня древней ели?
Кто смѣетъ тронуться божественной свирѣли?

(*) Мемнонъ былъ сынъ Авроры, погибшій безъ вѣсти — душа его, въ часъ нощи, прилетала птицею на могилу, и стенала — Аврора зарею выходила искать сына и проливала слезы, которыя превращались въ росу. *Плиній* к. X. гл. 26, и *Овидій* Прев. к. XIII, баснь 3.

Но въ ней еще есть жизнь, осталось дуновенье,
Осталось нѣжное твое прикосновенье;
И эхо горъ, любя
О пѣсняхъ сладостныхъ твоихъ воспоминанье,
Трердитъ, когда и нѣтъ тебя,
Остатокъ нѣжныхъ словъ и тихое стенанье!
Не богуль пажитей свирѣль твою вручить?
Но Панъ и самъ твоей свирѣли убоится,
Чтобъ, взявъ ее, вторымъ Біону не явиться —
Воззритъ и — замолчитъ.
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона.

•

Печальная, въ слезахъ, о пѣніи твоемъ,
Въ тебѣ привыкнувши зрѣть новаго Орфея,
Рыдаетъ нынѣ Галатея!
На руку преклонясь, въ уныніи своемъ,
На берегѣ морскомъ словамъ твоимъ внимала,
И даже Ациса въ восторгѣ забывала.
О пастырь нашъ! ты пѣлъ не такъ, какъ Полифемъ!
Прекрасная въ волнахъ Циклопа убѣгала;
Но для тебя, Біонъ, и волны оставляла;
Днесь взоры обративъ въ уныніи къ волнамъ,
Забыла о тельцахъ, бродящихъ по лугамъ.
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

•

И Музы, по тебѣ тоскуя, не поютъ,
Безмолвны надъ твоей безвременной могилой;
Стенящи Граціи вѣнки на гробъ твой вьютъ;
Эроты, потушивъ свой пламень, слезы льютъ;
Забавы, Радости и Смѣхъ сокрылся милой,
Гдѣ страстный поцѣлуй на пламенныхъ устахъ
Прекрасныхъ юношей и сельскихъ дѣвъ стыдливыхъ?
На вѣкъ увялъ Біонъ — и все по немъ въ слезахъ!
Его во дняхъ щастливыхъ
Юпитерова дщерь,
Небесная Киприда,
Любила навѣщать, какъ прежде Адонида.
О Мелясъ! возмутись тоской, ручьямъ въ примѣръ;
Скончался новый твой Гомеръ,
И Калліопинъ гласъ умолкъ теперь на вѣки:
Тогда отъ горести свой токъ смутили рѣки,
И на брегахъ твоихъ поросъ печальный мохъ!
Теперь другой твой сынъ, Біонъ богоподобной,
Окончилъ дни судьбою злобной;
И ты струями слезъ излился и изсохъ:
Не оба ль пѣніемъ прелестны?
Не оба ль Нимфамъ водъ любезны?
Тотъ лирой звучною гремѣлъ,
Ужасны брани пѣлъ,
И яростныхъ Героевъ;
Атридъ и Менелай съ Ахилломъ, въ шумѣ боевъ,

Сражалися въ стихахъ, отецъ пѣвцевъ, твоихъ
За дщерь Тиндарову прекрасну!
Біонъ не брань ужасну,
Но Пана воспѣвалъ въ твореніяхъ своихъ,
Пастушекъ, пастуховъ, ихъ радости, утѣхи,
Любви томленье и успѣхи,
Плѣнялъ игрою духъ!
Онъ самъ любилъ поля, самъ нѣжный былъ пастухъ.

Онъ пѣлъ тѣнистыя дубравы и пещеры,
Училъ въ невинности блаженство находить,
И былъ любезенъ для Венеры
За то, что самъ умѣлъ любить!
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

*

Не столько Аскра, славный градъ,
Стеналъ о смерти Гезіода!
Ты болѣ стоишь слезъ, чѣмъ Пиндаръ для народа!
Тебя оплакала, Біонъ, сама Природа!
Когда Алкей сошелъ во адъ,
Не столько было слезъ въ селеньяхъ Беотійскихъ;
Не столько во градахъ Лезбійскихъ,
Не столь Каикскій градъ оплакивалъ пѣвца!
И Сафо страстная, плѣнявшая сердца

На лирѣ Митиленской нѣжной,
Не столько истощила слезъ,
Подвергшись смерти неизбѣжной;
О пастырь! по тебѣ и міръ рыдаетъ весь!
Рыдаетъ Ѳеокритъ, рыдаютъ Сиракузы!
Прими и отъ меня дары Авзонской Музы!
Ты пѣснямъ пастуховъ училъ,
Ты славной жизнію страну свою прославилъ,
Ты чадамъ по себѣ сокровища оставилъ,
А мнѣ свирѣль вручилъ.
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона.

*

Увы! придетъ зима, и всѣ цвѣты въ садахъ:
Фіялки, розы, розмарины,
Лилеи, ландыши, ясмины,
Завянутъ на грядахъ;
Но лишь весенніе зефиры вновь повѣютъ,
Они покажутъ стебельки,
Раскроютъ нѣжные листки
И вновь, разцвѣтши, запестрѣютъ,
Въ долинахъ, на горахъ —
А мы, гордясь умомъ и славнымъ пѣснопѣньемъ,
На вѣкъ постигнуты ужаснымъ разрушеньемъ,
Изтлѣемъ — глубоко лежитъ въ землѣ нашъ прахъ!

Такъ, другъ нашъ, такъ и ты подъ глыбою земною
Покойся вѣчно съ тишиною!
Теперь для Нимфъ лѣсныхъ
Играетъ Ватрахъ на свирѣли:
Комужъ его пріятны трели?
Одинъ противный звукъ, нѣтъ жизни болѣ въ нихъ!

Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

Твои безцѣнны дни пресѣкъ жестокой ядъ;
О небо! какъ могло твое прикосновенье,
Твоихъ волшебныхъ устъ едино дуновенье,
Иль твой единый, нѣжный взглядъ,
Не превратить его въ небесный нектаръ сладкій?
Какой злодѣй пресѣкъ твой вѣкъ, для насъ толь краткій,
И милаго пѣвца низвелъ во мрачный адъ?
Плачьте Музы! нѣтъ Біона!
Онъ достоинъ слезъ и стона!

Но Парка всѣмъ грозитъ — таковъ уставъ Небесъ!
Почтожe я, съ душой унылой,
Томлюся надъ твоей безвременной могилой?
О естьли бы я могъ, какъ древній Геркулесъ,

Сойти во мракъ подземный,
Или съ Улиссомъ зрѣть престолъ Плутоновъ гнѣвный,

Тогдабъ узналъ я тамъ,
Поешь ли ты богамъ?
Воспой Сицильску пѣснь безжалостной Гекатѣ:
Она любила пастуховъ,
Плѣнялася не разъ согласьемъ ихъ стиховъ,
Простершись Этны на покатѣ.
Воспой! не тщетенъ будетъ гласъ:
Приклонишь къ жалости подземнаго владыку.
Такъ пѣснь Орфеева по аду разнеслась,
И возвратила Эвридику;
Такъ ты, о дивный нашъ Біонъ!
Смягчишь судебъ законъ,
И возвратишься вновь на Пиндъ и Геликонъ.
О если бы со всей пріятностью возможной,
Какъ сладостный Орфей, печаль воспѣть я могъ!
Тогда бы самъ подземный богъ
Для друга моего расторгъ
Законъ на Стиксѣ непреложной!

МЕГАРА, СУПРУГА ГЕРКУЛЕСА.

О мать любезная! что грудь твою терзаетъ?
О чемъ сей вздохъ, сія слеза?
Краса ланитъ твоихъ и свѣжесть исчезаетъ;
Ты сохнешь въ горести, какъ осенью лоза.
Ужель крушитъ тебя твой сынъ непобѣдимый,
Судьбой и бѣдствами гонимый,
Несущій нынѣ тяжкій гнѣвъ?
Такъ робкой серною гонимъ могущій левъ.
О горе! но почто мнѣ боги такъ судили?
Почто на свѣтъ меня къ несчастіямъ родили?
Но я дѣлила одръ съ великимъ изъ мужей,
Котораго люблю, какъ свѣтъ моихъ очей,
Люблю, храня въ душѣ и нѣжность и почтенье.
Но боги! кто сносилъ подобное мученье?
Кто въ жизни столь терпѣлъ?
Безжалостному лукъ вручаетъ сынъ Латоны;
Жестокій внемлетъ чадъ родимыхъ вопль и стоны,
Разитъ ихъ остріемъ *Эринписиныхъ* стрѣлъ,
И въ ярости льетъ кровь безгласныхъ,
Отъемлетъ нѣжну жизнь несчастныхъ,
И гдѣжъ? — въ стѣнахъ родныхъ ужасныхъ!...

И я, злосчастна мать! я зрю ихъ нѣжну кровь,
Увы! я зрю ихъ умерщвленье!
О месть разящая судьбы или боговъ!
Какое можетъ быть ужаснѣй сновидѣнье?
Ихъ вопль отъ матери спасенія просилъ,
И я (увы!) была безъ силъ!
Какъ птица сѣтуетъ, средь рощъ уединенныхъ,
О гибели птенцовъ родныхъ, неоперенныхъ,
Которыхъ челюсть змѣя жретъ;
Отчаянная мать щебечетъ, стонетъ, рвется,
То вверьхъ, то внизъ, то вкругъ ихъ вьется,
Спѣшитъ на помощь имъ; но силъ недостаетъ,
И, жизнью жертвуя своею,
Стремится прямо къ змѣю:
Такъ я несчастная, лишаясь милыхъ чадъ,
Дрожащею стопой чертоги пробѣгала,
И всюду зрѣла адъ.
О дщерь Латонина! ты полъ нашъ защищала;
Почтоже въ Оркъ меня съ сынами не послала?
Пусть тоюже стрѣлой
Свершилсябъ рокъ и мой —
Тогдабъ слезами насъ родные оросили,
И вмѣстѣ на кострѣ плачевномъ положили,
И вмѣстѣ, въ урнѣ золотой,
Со прахомъ чадъ моихъ смѣшали прахъ и мой
И во сырой землѣ сокрылибъ подъ могилой,
На родинѣ, для сердца милой!

Теперь они въ стѣнахъ стадо-обильныхъ Өивъ
Снимаютъ плодъ съ деревъ и съ Аонійскихъ нивъ:
А я зрю градъ Тиринѳъ, сей градъ Юноны гнѣвной,
Томлюся и влачу, какъ бремя, вѣкъ плачевной;
Предѣла нѣтъ бѣдамъ,
И нѣтъ конца слезамъ!
Какъ рѣдко въ мой чертогъ супругъ приходитъ нѣжный!
Носясь чрезъ горы, долъ, чрезъ Океанъ безбрежный,
Отъ подвиговъ стремитъ онъ къ подвигамъ свой путь;
Его желѣзная, иль каменная грудь
Спѣшитъ на страхъ непобѣдимый.
Но твой, Алкмена, духъ, печалію томимый,
И каждый Зевсовъ день и кажду стонетъ ночь!
По что глаза твои въ слезахъ неистощимы?
Ахъ! нѣтъ родныхъ со мной! кому въ тоскѣ помочь?
Тамъ, тамъ за Исѳмомъ все, гдѣ стонутъ шумны сосны!
Къ комужъ отрадно мнѣ взглянуть?
На чьей, на чьей груди вздохнуть,
И въ сердцѣ прохладить мученія несносны?
Родная Пирра здѣсь со мной;
Увы! ей горе и самой!
Она въ отчаяньи объ *Ификлѣ* прекрасномъ,
О семъ рожденіи твоемъ злосчастномъ.

О бѣдственная мать! отъ смертныхъ и боговъ,
Ты въ свѣтъ произвела несчастнѣйшихъ сыновъ!

•

Тутъ слезы градомъ покатились
Изъ глазъ на перси въ два ручья;
Предметы милые въ душахъ ихъ оживились:
Родители, сыны, родимые края.
Алкмена слезы проливала,
Печаль въ ней сердце волновала,
И томный гласъ ея любезной говорилъ:

•

О радость дней моихъ! несчастнымъ свѣтъ унылъ.
Почтожъ возобновлять ужасныя печали?
Почто воспоминать, какъ чада жизнь скончали?
Рыданью нѣтъ ни мѣръ, ни средствъ;
И гдѣ взять новыхъ слезъ для новыхъ страшныхъ бѣдствъ?
Взглянувъ на бремя золъ, всѣхъ нашихъ бѣдъ несчетныхъ,
Мы льемъ потоки слезъ.
Но вѣрь, о дочь моя! не гнѣвенъ къ намъ Зевесъ:
Мы стонемъ, сѣтуемъ въ несчастіяхъ навѣтныхъ;
Рокъ тяжкій намъ бѣды нанесъ.
Но чувствія мои печаль твою прощаютъ;
Несчастные тоску слезами облегчаютъ.

И я въ безмолвіи рыдаю о тебѣ;
Еще падетъ ударъ! готовъ свой духъ къ судьбѣ!
О вы, Геката и Церера!
Клянуся — ваша месть ужасна безъ примѣра —
Клянусь, что ты мнѣ такъ мила,
Какъ будто я тебя въ груди моей носила,
Тебя единую въ чертогахъ возрастила,
И ты мнѣ дочь и все была.
Тебѣ извѣстны всѣ души моей движенья!
Не укоряй меня за лютыя мученья,
Что больше слезъ я лью
На участь злобную мою,
Чѣмъ томные глаза *Ніобеи* прекрасной.
Кто можетъ укорить стонъ матери несчастной
О бѣдствахъ сына своего?
Я девять тяжкихъ лунъ страдала за него;
И день его рожденья
Былъ вѣкомъ страшнаго, ужаснаго мученья,
И къ аду приближенья.
А нынѣ, удалясь отъ родины своей,
Онъ въ чуждыхъ борется странахъ со тьмой смертей,
И сердце матери не вѣдаетъ, терзаясь:
Прижму ли милаго, сквозь слезы улыбаясь;
Или —
Его не станетъ на земли!

Еще, о дочь моя, внемли:
Ужасный сонъ меня встревожилъ
Во время сладкой тишины;
И страхъ въ душѣ моей умножилъ.
Ахъ! живы ли мои сыны!
Мечтался мнѣИраклъ любезной,
Съ сѣкирой тяжкою желѣзной,
Изрывшій вкругъ долины ровъ,
Наемлясь низкою цѣною,
Совлекши со раменъ покровъ;
Онъ вертограды глубиною,
Нагой, трудяся, окружилъ,
Потомъ орудье положилъ
И взять хитонъ спѣшилъ.
Вдругъ вспыхнулъ огнь и вкругъ разлился,
Волнами пламень страшный вился,
Свирѣпствовалъ въ пылу *Ифестъ*:
Ираклъ избѣгнуть поспѣшаетъ,
Какъ щитъ, орудіе вращаетъ,
И помощи отъ всѣхъ ждетъ мѣстъ;
Кидая взоры безнадежны!
Тутъ бросился къ нему на помощь Ификлъ нѣжный —
Мечталось мнѣ — недобѣжалъ,
Упалъ и не возсталъ.
Какъ старецъ, дряхлостью и вѣкомъ отягченный,
Колеблется, падетъ,
И на сырой землѣ лежитъ изнеможенный,
Пока чувствительный прохожій подойдетъ,

И, сжалясь надъ его сѣдиною почтенной,
На помощь руку подаетъ:
Такъ Ификлъ мой лежалъ во прахѣ.
А я, безъ помощи своихъ родимыхъ зря,
Стенала въ горести и страхѣ,
Рыдала — и въ слезахъ явилася заря.
Чуть юный свѣтъ блеснулъ струею,
Исчезъ сей тяжкій сонъ, о дочь!
Который возмутилъ весь духъ въ потекщу ночь.
Но да бѣгутъ отъ насъ несчастія къ злодѣю
И съ шумомъ да падутъ на выю Эвристею! . . .

КЪ СПОКОЙСТВІЮ

Когда Зефиръ подуетъ нѣжно,
По морю синему въ пріятной тишинѣ;
Я лѣни сладостной предавшися небрежно,
Плѣняюсь моремъ безмятежно,
И Музы милыя не милы больше мнѣ.
Когдажъ возстанутъ волны бурны,
И съ тяжкимъ ревомъ грозный вѣтръ
Воздвигнетъ сонмы водъ изъ нѣдръ,
И пѣной осребрясь, шумятъ моря лазурны:
Тогда, взглянувъ на кроткій лугъ,
И вмѣстѣ на моря превратны,
Кляну ихъ — и клянетъ мой духъ.
Люблю надежной долъ, убѣжища пріятны.
Лѣсочки мирные, долины ароматны,
И шопотъ кроткихъ ивъ, и говоръ соснъ вокругъ.
О сколько бѣдственъ тотъ, кто вѣкъ живетъ средь моря;
Кому ладья всегдашній кровъ,
Кто часто съ неудачей споря,
Забавой ставитъ рыбный ловъ.

А я возлягу здѣсь подъ яворомъ шумящимъ,
Склонюсь главой своей къ потокамъ водъ журчащимъ:
Какъ нѣженъ, сладостенъ для пастырей ихъ шумъ,
Влекущій въ тихій сонъ, не возмущая умъ!

СВОЕНРАВІЕ ЛЮБВИ.

Въ сосѣдствѣ Панъ плѣнился Эхомъ;
Но Нимфѣ рѣзвой Сатиръ милъ;
А Сатиръ къ Лидѣ страстенъ былъ,
И всѣ терзалися худымъ въ любви успѣхомъ.
Всѣхъ жребій былъ жестокъ:
И сколько Эхомъ Панъ томился,
Столь Эхо Сатиромъ и Сатиръ столь крушился;
Равно всѣхъ мучилъ злобный рокъ.
Всѣ любящихъ любовь взаимно презирали
И сами отъ любви взаимно горевали.
Любовники! вотъ вамъ урокъ:
Любите любящихъ; не будьте прихотливы;
Вы всѣ останетесь любимы и счастливы.

АЛФЕЙ.

Алфей, на родинѣ томимый тяжкимъ горемъ,
Потекъ въ Сицилію за Арешузой моремъ;
Неся возлюбленной дары въ своихъ волнахъ:
Цвѣты, зеленый лавръ и прахъ, священный прахъ
    Отъ игръ безсмертныхъ Олимпійскихъ,
И глубоко низпавъ подъ зыби водъ Понтійскихъ,
Течетъ, несливъ своихъ съ морскими сладкихъ водъ,
И морю быстрому его безвѣстенъ ходъ.
Амуръ, жестокій богъ, опаснѣе злодѣя:
Онъ тайною стезей заставилъ течь Алфея.

ЕПИГРАММА

Пашущій Эротъ

Эротъ, размолвя съ Фебомъ,
Покинулъ пламень свой и лукъ,
Одѣлся пахаремъ, взялъ бичь и кузовъ съ хлѣбомъ
И впрегъ воловъ во плугъ,
Склонивъ въ ярмо ихъ выю непомливу,
И пашетъ ниву,
И сѣетъ рожь,
(Какъ будто бы и онъ на пахаря похожъ.)
Потомъ къ Царю громовъ простря свой взоръ умильный:
О Дій — вѣщаетъ онъ — пошли мнѣ плодъ обильный,
Въ награду всѣхъ моихъ заслугъ
Не то — телецъ Европы сильный —
Я и тебя подъ плугъ!

ОДИССЕИ

Пѣснь шестая

Навзикая, Феакская Царевна проситъ у отца колесницы, везетъ одежды и сама омываетъ ихъ на берегу моря, гдѣ встрѣчаетъ Улисса и приводитъ въ городъ.

Когда по бѣдствіямъ Улиссъ бого-подобной,
Трудами изнуренъ, гонимъ судьбой всезлобной
Возлегъ вкусить покой подъ сѣнь густыхъ вѣтвей:
Аѳина шествуетъ во градъ и въ сонмъ мужей,
Въ страну Феакскую. — Но сей народъ избранной
Издревле обиталъ въ Гиперіи пространной,
Сосѣдственъ съ гордыми Циклопами страной,
Сіи въ могуществѣ сражали ихъ войной. —
Отсѣль возставшій мужъ, Навсифоой богу-равный,
Привелъ во Схерію, народъ Феакскій славный;
Онъ градъ обвелъ стѣной, чертоги сорудилъ,
Возвысилъ храмъ боговъ, и земли раздѣлилъ;
Но волею судебъ низшелъ и скрылся въ адъ.
Тогда владыкою возсталъ въ Феакскомъ градѣ
Премудрости боговъ исполненъ Алкиной;
Къ нему Аѳина путь направя съ тишиной,

Спѣшитъ въ Царевъ чертогъ и въ теремъ возвышенный;
Гдѣ Нимфамъ-равная вкушала сонъ священный
Дщерь Алкиноева, младая Навзикая,
Двѣ дѣвы по странамъ спали, красой блистая;
Ихъ сами Граціи украсили рукой,
И дверь блестящая хранила ихъ покой.
Аѳина мощная, какъ вѣтра дуновенье,
Предъ ложемъ дѣвственнымъ явясь въ одно мгновенье,
Склонилась надъ главой, приникла духомъ къ ней,
И, дщерью грознаго Диманта средь морей
Явясь предъ нѣжный взоръ почіющей царевны,
Желала облегчить Улисса рокъ плачевный,
И спящей красотѣ такъ начала вѣщать:
„ Ужель небрежною тебя родила мать?
„ Одежды тонкіе, уборы злато-швенны
„ Лежатъ въ забвеніи и пылью покровенны.
„ Но близокъ, близокъ твой, о Навзикая, бракъ,
„ Когда уборомъ ты должна украсить зракъ,
„ И дать одежды тѣмъ, которые съ тобою
„ Предстанутъ алтарю склонять боговъ мольбою
„ О семъ вездѣ народъ разноситъ добрый слухъ;
„ Возрадуется мать и отчій кроткій духъ!
„ И такъ заутра мы, раскрывъ съ денницей вѣжди,
„ Пойдемъ посиѣшнѣе омыть твои одежды

„Пойдемъ — и я съ тобой ихъ буду омывать:
„Недолго намъ тебя прекрасной дѣвой звать!
„Уже Феакскіе всѣ Витязи несчетны
„Возводятъ на тебя свой взоръ благо-привѣтный;
„Всѣ ищутъ у отца и родъ твой въ сихъ стѣнахъ — —

„Доколѣ неомыть одеждъ тебѣ въ волнахъ?
„Возстань, любезная, съ возшествіемъ денницы,
„Проси ты у отца коней и колесницы,
„И для тебя возсѣсть приличнѣй, чѣмъ итти;
„Далеко водъ струи по градскому пути.
Рекла всемощная, и взоръ голубоокій
Простерла на Олимпъ двухолмный и высокій;
Гдѣ сонма всѣхъ боговъ незыблемый чертогъ,
Куда ни вихрь, ни дождь, ни вѣтръ достичь немогъ;

Ни хляби снѣжныя ни облака волнисты
Не смѣютъ омрачить лазури отблескъ чистый,
Который божескимъ сіяньемъ окруженъ,
И сонмъ ликующихъ во вѣки въ немъ блаженъ.
Сюда, скончавъ слова, Аѳина удалилась.
И се разцвѣтшая заря на твердь явилась,
Открывъ златой рукой востока ясну дверь,
И свѣтъ воззвалъ отъ сна подобну Нимфамъ дщерь.
Безмолвствуя, дивясь и сна непостигая,
Спѣшитъ чрезъ весь чертогъ въ томленьи Навзикая

Къ любезному отцу и къ матери своей,
Да имъ повѣдаетъ видѣнье нощи сей.
Тогда почтенна мать, въ чертогахъ отдаленныхъ,
Среди рабынь своихъ, въ искуствѣ ухищренныхъ,
Близь пещи возсѣдя, тончайшій пряла ленъ,
Который пурпуромъ морскимъ былъ очервленъ:
Отецъ, спѣша во сонмъ, князьями приглашенный,
Въ дверяхъ встрѣчаетъ дочь, залогъ любви священный,
И нѣжная къ отцу съ любовью подошла,
И долу взоръ склонивъ, такъ слово начала:
Уже ли для меня, родитель мой почтенной!
И колесницы нѣтъ высокой, позлащенной,
Въ чемъ я бы повезла одежды мыть къ ручью?
Приуготовь ее, обрадуй дочь свою:
Ты самъ не долженъ ли въ кругу вельможъ почтенныхъ
Совѣтъ совѣщевать въ одеждахъ омовенныхъ?
И пять сыновъ твоихъ, изъ коихъ два судьбой
Ввели прелестныхъ женъ въ чертогъ, родитель, твой;
А три еще цвѣтутъ во всей красѣ и славѣ:
Сіи-то, исходя въ собранье, иль къ забавѣ,
Хотятъ, да чистота блеститъ на нихъ во всемъ,
И я, родитель мой, одна пекусь о семъ.

Такъ дочь рекла отцу, съ поникшимъ долу взоромъ,
Не смѣя возвѣстить въ дому о бракѣ скоромъ.
Отецъ проникнулъ все, и ей вѣщалъ въ отвѣтъ:
О радость дней моихъ! тебѣ отказа нѣтъ;
Ни свѣтлыхъ колесницъ для дщери не жалѣю,
Ни коней, ни всего, что только ни имѣю:
Иди, любезная, труды моихъ возницъ,
Представятъ лучшую тебѣ изъ колесницъ.
Вѣщалъ — и подалъ знакъ; рабы повиновались,
И всѣ у колесницъ трудами занимались;
Смиряютъ гнѣвъ коней упорной и строптивъ,
Ведутъ, впрягаютъ ихъ, имъ выи преклонивъ,
И дочь изъ терема, склонивши долу вѣжди,
Несетъ заботливо оставлены одежды
И въ колесницѣ ихъ спѣшитъ вмѣстить, исчесть,
Стараясь, чтобъ и ей приличнѣе возсѣсть;
А мать, заботяся о дочери прелестной,
Даетъ наслѣдіе отцовъ, сосудъ древесной,
Наполненъ сладкихъ яствъ и вкуснѣйшихъ снѣдей,
Дабы въ лугахъ не зрѣть ни въ чемъ потребы ей.
Вливаетъ въ *козій мѣхъ* сокъ лучшій виноградный,
Во златѣ подаетъ ей масти ароматны,
Чтобъ нѣжно умастить и шею и власы,
Умножить прелести и блескъ младой красы,

Да удивится всякъ, узря сію дѣвицу.
Межъ тѣмъ восходитъ дочь на свѣтлу колесницу,
Беретъ блестящій бичь и легкія вожди —
По манію кони бѣгутъ, и впереди
Отъ топота копытъ пыль по полю стремится;
Царевна, возсѣдя, отрадно веселится,
Несясь въ извѣстный путь между селянъ и нивъ,
И дѣвы идутъ въ слѣдъ, шагъ робкій ускоривъ.
И се являются онѣ у водъ прозрачныхъ,
Гдѣ вдоль струи текутъ, въ брегахъ травою злачныхъ,
Способныя весь годъ одежды очищать:
Тутъ коней отрѣшить прекрасныя спѣшатъ,
И гонятъ ихъ въ луга на верхъ рѣки превратной,
Да упасутся тамъ травою ароматной.
Межъ тѣмъ прислужницы одежды всѣ берутъ,
И вержутъ въ воду ихъ, въ водѣ стопами трутъ:
Шумъ, ропчущій отъ стопъ, поспѣшно повторялся,
И ленъ отъ ихъ трудовъ и влаги убѣлялся.
Окончивъ, стелятъ вдоль одежды на брегу,
Гдѣ волны крутизну подмыли на бѣгу;
Омывшися въ струяхъ, умастясь мастью нѣжной,
Онѣ вкушаютъ снѣдь, возсѣвъ на долъ прибрежной,
И ждутъ, да влагу льна осушитъ солнца жаръ.
Межъ тѣмъ Царева дочь, имѣя къ играмъ даръ,

Кидаетъ легкій мячь, отъявъ съ главы уборы;
Ей слѣдуютъ во всемъ и мысли дѣвъ и взоры,
И Навзикаинъ гласъ раздался на лугахъ.
Какъ дщерь Латонина на Делосскихъ холмахъ,
Со лукомъ сребрянымъ и со стрѣлой пернатой,
Чрезъ Тайгетъ, Еримантъ за серною рогатой
Несется, веселя охотой быстрый взоръ,
И Нимфъ Зевесовыхъ плѣняющій соборъ
Во слѣдъ божественной чрезъ холмъ и долъ стремится,
И сердце матери, ихъ зрящей, веселится.
Прекрасны Нимфы горъ, и ихъ прелестенъ видъ;
Но всѣхъ Діанинъ станъ величествомъ мрачитъ.
Такъ дѣва юная среди рабынь блистала.
Уже въ обратной путь вступить она желала,
И кони впряжены подъ бременемъ одеждъ;
Но вдругъ Аѳины мысль и мановенье вѣждъ
Содѣлали, да мужъ Улиссъ, подъ тѣнью спящій,
Пробудится и зритъ сей дѣвы взоръ блестящій,
И да ведется въ градъ Царевною младой:
Царевна, веселясь невинною игрой,
Къ рабынѣ радостной свой легкій мячь кидаетъ;
Но мячь летитъ отъ ней —— и въ волны упадаетъ —
Вдругъ вопль подъемлется; Улиссъ отъ сна встаетъ,
И мыслямъ горестнымъ свободный ходъ даетъ.

Смущенно возсѣдя подъ сѣнью древъ зеленой,
Увы! мечталъ: гдѣ я? въ какой странѣ вселенной?
Не злобственъ ли и дикъ народъ средь сихъ холмовъ,
Или привѣтливый и чтущій власть боговъ?
Не гласъ ли Нимфъ проникъ во слухъ мой усыпленный,
Стрегущихъ холмы лѣсъ и верхъ горы священный,
Живущихъ близь ключей, въ тѣнистыхъ купинахъ?
Или гласъ юныхъ дѣвъ, играющихъ въ лугахъ?
Но я спѣшу на лугъ, пусть взоръ мой утвердится.
Онъ рекъ и возстаетъ, сквозь листвія стремится,
Отторгъ древесну вѣтвь могущею рукой,
И вѣтьвію вкругъ чреслъ онъ стыдъ скрываетъ свой.
Спѣшитъ, какъ горный левъ, подвигнутый отвагой,
Избѣгшій ярыхъ волнъ, и слѣдъ кропящій влагой:
Сверкаютъ очи въ немъ, рвутъ когти мягкой дернъ;
Но чуть озетитъ онъ овецъ, иль робкихъ сернъ,
Гладъ движетъ мощнаго, къ добычѣ устремляетъ,
И въ кущи пастыря сокрыться заставляетъ.
Такъ бѣдственный Улиссъ, волненье претерпѣвъ,
Ужасенъ предстаетъ предъ очи красныхъ дѣвъ,
Нагой и вкругъ раменъ водъ иломъ покровенной.
Вдругъ дѣвы бросились съ душею устрашенной,

По брегу, въ сѣнь кустовъ, отъ чужеземца прочь;
Одна безтрепетно осталась Царска дочь.
Афина, страхъ отъявъ, ей мужество вселяетъ. —
Межь тѣмъ Улиссъ идетъ и въ думѣ размышляетъ:
Коснуться ли ему съ прошеніемъ колѣнъ;
Или онъ долженъ льстить, отъ робкой отдаленъ,
Да дастъ *хитонъ* ему, покажетъ градски стѣны.
Онъ предпочелъ слова, хвалою сплетенны,
Страшась приближиться; да робость юныхъ дѣвъ,
Отъ дерзости его, не премѣнится въ гнѣвъ,
И отдаленъ вѣщалъ коварно, ухищренно:
О ты, которую молю я униженно!
Благоель божество иль смертныхъ славный родъ!
Когда ты божество и домъ твой горній сводъ,
Ты дщерь Царя громовъ, благая Артемида,
По стану, по красѣ и по величью вида;
Но если смертная и твой удѣлъ земля,
Блаженъ родитель твой, блаженна мать твоя,
Блаженны десять кратъ и братія судьбою!
Сколь радуется духъ родныхъ твоихъ тобою,
Когда во всей красѣ идешь ты въ хоръ утѣхъ!
Но тотъ младой герой сто кратъ блаженнѣй всѣхъ,
Кто милую введетъ въ чертогъ свой новобрачной:
Мой взоръ не зрѣлъ еще такой красы безмрачной.

Дивлюсь, безмолвствую и духомъ восхищенъ:
Я зрѣлъ на Делосѣ, близь храма возращенъ
Цвѣтущій, дивный стебль смоковницы трехлѣтной —
Недавно я тамъ былъ и мой народъ несчетной,
Увы, сколь много бѣдъ сей тяжкій путь нанесъ! —
Я зрѣлъ сей дивный плодъ, и взоры сихъ очесъ
Надолго чувствія и духъ мой восхищали;
Ни холмы древъ такихъ, ни горы не взрощали:
Такъ нынь дивлюсь тебѣ, восторгомъ изумленъ,
И не дерзну въ слезахъ обнять твоихъ колѣнъ.
О сколь я претерпѣлъ, вкругъ бурями объятый!
Протекшій день былъ день несчастій двадесятый,
Когда Огигскихъ волнъ шумящихъ я избѣгъ,
И нынѣ Зевсъ мой путь на вашъ управилъ брегъ,
Да вновь здѣсь, можетъ быть, подвергнуся гоненью.
Пріидетъ ли конецъ и бѣдствамъ и терпѣнью!
И что присудитъ Зевсъ гонимому судьбой! . . .
Но зри несчастнаго и сжалься надо мной:
Тебя я первую на тихомъ брегѣ встрѣтилъ;
Другихъ, живущихъ здѣсь, еще я не примѣтилъ.
Открой мнѣ путь во градъ и льняной дай покровъ;
Ты милость обрѣтешь провидящихъ боговъ!
Да ниспошлетъ тебѣ съ Олимпа Дій стократно
Успѣхъ въ желаніяхъ, дастъ щастье благодатно,

Супруга кроткаго, семейство, миръ во всемъ!
Ничто такъ не красно предъ Діевымъ лицемъ,
Какъ миръ семейственный, когда супругъ, супруга,
Дыша согласіемъ, трудятся другъ для друга.
Печаль пошлетъ врагамъ и любящимъ любовь.
Вѣщалъ, и нѣжная къ отвѣту ищетъ словъ:
О странникъ! рѣчь твоя невѣжды не являетъ;
Но бурный грома Царь самъ счастье раздѣляетъ,
И добрымъ самъ Зевесъ и злымъ даетъ удѣлъ:
Быть можетъ и тебѣ въ бѣдахъ терпѣть велѣлъ!
Доколь не внидешь въ градъ, сноси печаль въ надеждѣ,
Не узришь нужды здѣсь ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ,
Ни въ чемъ возможемъ мы тебѣ отраду дать:
Несчастнымъ всѣ должны радушно помогать!
Внемли, я все скажу и путь во градъ открою:
Феакскій славный родъ владѣетъ сей страною,
Я Алкиноя дочь, великъ онъ и почтенъ,
Сильна въ народѣ власть, и санъ превознесенъ.
Рекла, и дѣвамъ въ слѣдъ гласитъ: остановитесь!
Почто, пришельца зря, по брегу прочь стремитесь!
Не врагъ намъ странникъ сей; какимъ здѣсь быть врагамъ?
Феакскій славный родъ любезенъ всѣмъ богамъ!
И градъ нашъ отдѣленъ шумящими волнами;
Никто не знаетъ насъ, никто незнаемъ нами;

Но мужъ сей бурею и злой судьбой гонимъ,
Утѣшимъ бѣднаго стараніемъ своимъ!
Самъ Дій къ намъ бѣдныхъ шлетъ, пришельцовъ неимущихъ,
А даръ благихъ боговъ священъ для всѣхъ живущихъ.
И такъ средь чистыхъ волнъ, отъ вѣтровъ подъ щитомъ,
Омойте странника и дайте снѣдь съ виномъ.
Рекла — и робкія стоятъ, совѣщеваютъ,
Улисса въ сѣнь деревъ къ потоку призываютъ.
Царевны кроткій гласъ прислужницамъ законъ.
Онѣ близь странника кладутъ льняной хитонъ;
Представятъ златъ сосудъ съ мащеньемъ благовоннымъ,
И просятъ внити въ токъ, съ привѣтствомъ благосклоннымъ;
Но къ дѣвамъ возгласилъ божественный Улиссъ:
Отъидите отсель, гдѣ вѣтвія сплелись,
Да сокровенно здѣсь въ струяхъ себя омою,
Умащуся, не зримъ, сей мастію драгою;
Давно не умащалъ я бѣдственной главы;
Но мыться не могу, доколѣ зрите вы;
Страшуся я средь дѣвъ невинныхъ обнажиться.
Онъ рекъ, и дѣвъ соборъ къ Царевнѣ вспять стремится

Межъ тѣмъ Улиссъ струи собою волновалъ,
И долго рамена могущи омывалъ,
И тѣло, и власы, водъ иломъ покровенны;
Когдажъ умастился, струями омовенный,
И дѣвой данную одежду воспріялъ,
Тогда Аѳины духъ Улисса осіялъ
Величествомъ, красой и важностью священной:
Съ главы разсыпались по выи умащенной
Кудрявые власы, какъ гіацинтовъ цвѣтъ.
Какъ мужъ трудящійся сребро во злато льетъ,
Палладой мудрственной, Вулканомъ изученной,
И дивная творитъ рукою ухищренной;
Толь дивну красоту, омывшись, мужъ имѣлъ,
И, къ брегу удалясь, на мягкой дернъ возсѣлъ,
Красой, величествомъ съ чела, съ раменъ блистая.
Дивится радостно пришельцу Навзикая,
И красныхъ дѣвъ къ себѣ зоветъ вѣщать сло-
вамъ:
О дѣвы! вѣдайте, что возвѣщу я вамъ:
Не всѣ противятся Олимпа сильны боги,
Да видетъ странникъ сей въ Феакскіе чертоги.
Въ какой небрежности пришелъ онъ прежде
къ намъ!
А нынъ, воззрите вы, онъ равенъ божествамъ,
Владыкамъ вышняго небесъ пространныхъ круга;
О еслибъ Дій послалъ такого мнѣ супруга!

И еслибъ здѣсь онъ жилъ, и еслибъ здѣсь ему
Угодно было жить весь вѣкъ у насъ въ дому!
Но дайте страннику вино и снѣдь поспѣшно.
Рекла — прислужницы исполнили прилѣжно;
Представили ему и яствы, и вино.
Божественный Улиссъ, безъ пищи бывъ давно,
Съ поспѣшной жадностью гладъ долгій утоляетъ;
Межъ тѣмъ Царева дочь о гостѣ размышляетъ.
Ужъ въ колесницу всѣ одежды сложены,
И кони съ крѣпостью въ нее запряжены;
Царевна кроткая восходитъ, возсѣдаетъ,
И къ страннику простря свой нѣжный гласъ,
вѣщаетъ:
Возстань, любезный гость! и шествуй съ
нами въ градъ,
Да приведу тебя въ объятія отрадъ,
Въ чертогъ родительскій, гдѣ узришь князей град-
скихъ,
Избраннѣйшихъ вельможъ и витязей Феакскихъ.
Но такъ содѣлай ты: зрю умъ въ тебѣ не малъ,
Доколѣ средь полей никто насъ не встрѣчалъ;
Ты спѣшно съ дѣвами иди за колесницей;
Когдажъ достигнемъ стѣнъ, сравняемся съ бойницей:
Высоко вкругъ нашъ градъ бойницы обстоятъ;
Тамъ съ двухъ сторонъ суда, двѣ пристани ма-
нятъ;

Прекрасный входъ ихъ тѣснъ, и корабли въ волненьи
Летятъ съ обѣихъ странъ, да станутъ въ огражденьи,
Гдѣ всѣмъ особые удѣлы по мѣстамъ.
Вдали обширной стогнъ и Посидоновъ храмъ,
Давно изсѣченный изъ каменій нагорныхъ:
Вокругъ для кораблей быстротекущихъ, чорныхъ
Пловцы готовятъ лѣсъ, и распещренъ снарядъ;
Не лукъ и не колчанъ избралъ Феакскій градъ,
Но мачты, корабли и парусъ чистый, бѣлый,
Да быстро носится по безднамъ духъ ихъ смѣлый.
О гость! отъ сихъ людей боюсь молвы худой,
Да чтобы на пути, узря меня съ тобой,
Позадь не укорилъ: есть люди очень злые!
Быть можетъ, встрѣтившись на стогнѣ намъ, иные
Вопросятъ: „кто сей гость прекрасенъ, гордъ челомъ,
„За Навзикаею идущій въ свѣтлый домъ?
„Гдѣ обрѣла его? супругъ ей будетъ вѣрно?
„Не странникъ ли какой, пріятый ей усердно,
„Блуждавшій по морямъ на чорномъ кораблѣ: —
„Мужей такихъ, какъ ты, въ Феакской нѣтъ землѣ —
„Или, склонясь къ мольбамъ, небесный нѣкій житель
„Ниспалъ съ Олимпа къ ней и шествуетъ въ обитель,
„Да съ нею поживетъ въ дому всѣ дни безъ бѣдъ?
„Прекрасно сдѣлала, когда, за градъ изшедъ,

„Особо избрала по сердцу ей супруга:
„Конечно презрѣна всѣхъ витязей услуга“
Такъ скажутъ межь собой, коварной бросивъ взоръ;
А мнѣ, мнѣ, предъ отцемъ, предъ матерью позоръ!
О! я сама въ другой конечнобъ не стерпѣла,
Когдабъ подобное съ мужами въ ней узрѣла
При жизни матери, почтеннаго отца;
Но ты, любезный гость, жди словъ моихъ конца,
Да благоспѣшнѣе во градъ къ отцу явишься,
И съ миромъ къ родинѣ любезной возвратишься.
Въ пути мы узримъ лѣсъ, Палладѣ посвященъ,
Гдѣ ключь въ травѣ журчитъ, лѣсъ лугомъ окруженъ;
Тамъ пажити отца, сады его цвѣтущи,
Отъ града шумнаго на гласъ единъ зовущій:
О гость! помедли тамъ, возсѣвъ въ лѣсу густомъ,
Доколь не внидемъ въ градъ и въ отчій славный домъ;
Когда же насъ почтешь возсѣдшими въ чертогѣ,
Возстань и прямо въ градъ иди по сей дорогѣ,
И Алкиноевъ домъ вопросишь у людей,
Дитя безсловное замѣнитъ всѣхъ вождей:
Въ обширномъ градѣ нѣтъ чертоговъ нашимъ равныхъ;
Когда же внидешь въ домъ, пройдешь сквозь входовъ славныхъ,
Спѣши изъ Царскаго чертога, внутрь спѣши,
Да внидешь къ матери съ почтеніемъ души,

Близъ пещи у огня часы въ трудахъ ведущей,
И взору дивный ленъ среди рабынь прядущей.
Ты узришь тронъ отца, идя сквозь нашъ чертогъ,
Гдѣ, съ чашей радости, пируетъ онъ какъ богъ;
Но да воззришь на день возврата съ восхищеньемъ,
Къ колѣнямъ матери простри ты длань съ прощеньемъ,
И если духъ ея тебѣ благоволитъ,
Пребудь съ надеждою, чертогъ тебѣ откроетъ:
Ты внидешь, узришь всѣхъ ликующихъ за пиромъ,
И къ милой родинѣ отыдешь скоро съ миромъ.

Рекла, и блещущимъ ударила бичемъ;
Тронулись кони въ путь и спѣшно за ручьемъ —
Копытами въ бѣгу красно перебирая,
И право правящей ударовъ избѣгая, —
Въ извѣстный путь межъ нивъ и межъ селянъ неслись,
И въ слѣдъ за ними шли и дѣвы и Улиссъ.
Сокрылось солнце въ понтъ, и въ лѣсъ они вступили,
Который граждане Палладѣ посвятили.
Возсѣлъ божественный, томясь въ душѣ безъ мѣръ;
И къ дщери Зевсовой съ мольбою гласъ простеръ:

О дщерь всесильная гремящаго перуномъ!
Внемли моленію гонимаго Нептуномъ!
Днесь гласу моего моленія внемли,
И внити благостно въ Феакскій градъ пошли!

Такъ рекъ молящійся; Аѳина слухъ склоняетъ,
Но взора своего Улиссу не являетъ,
Страшася горнихъ силъ, которыхъ сонмъ блаженъ
Къ Улиссу въ странствіяхъ жестоко раздраженъ.

КОНЕЦЪ.

ПОКАЗАНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ ПРЕДМЕТОВЪ, РАЗСѢЯННЫХЪ ВЪ ЗАМѢЧАНІЯХЪ:

